Дракон^2

Имя
Отчество
Фамилия
Имя на английском
Возраст
Адрес
Телефон
Пожелания
Дата
Сайт

Константин
Петрович
Чепелев
2.10.1968 г.р.
37 лет
Санкт-Петербург, Московский, дом 16
Сапфир, Юпитер
Дракон
Воскресенье
www.ethnogenez.ru

ЭТНОГЕНЕЗ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Древний Китай, 210 год до нашей эры. Эта дата войдет в историю как год смерти Цинь Ши-хуана, первого человека, которому удалось объединить шесть китайских царств в единую империю. Но пока первый император Китая жив, и пытается объединить с помощью волшебного зеркала силу пяти таинственных предметов - дракона, цилиня, змеечерепахи, феникса и тигра, дабы обрести поистине божественные возможности. И мечта эта стараниями верного советника Гао как никогда близка к осуществлению. Именно в этот момент неведомые силы перебрасывают в древнюю империю Костю Чижикова в компании с котом Шпунтиком и таинственной "девочкой из будущего" Никой. Им предстоит совершить невозможное - проникнуть в святая святых, императорскую сокровищницу. А тут еще и фигурка дракона, полученная Костей в наследство от деда, куда-то исчезла.

- Игорь Алимов
- Первый сон Константина Чижикова
- Второй сон Константина Чижикова
- ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ..
- 4

Игорь Алимов

Дракон 2. Книга 2. Назад в будущее

ЭПИЗОД 1 Плохие новости

Где-то на Земле, десять тысяч лет назад

На душе у Первого-среди-желтых было муторно. На сегодняшний день военное противостояние приняло такую форму, что уже не шло и речи о признаках присутствия на орбите голубой планеты, но приходилось говорить о полномасштабном вмешательстве в ее жизнь и историю. Шла самая настоящая война, в которой с обеих сторон были задействованы не только скудные собственные ресурсы, но и туземное население.

Между тем план убраться отсюда с помощью объекта «Башня» - после мифологизирующей зачистки территории - оказался вовсе не так легко осуществим, как это виделось вначале. Во вчерашнем донесении глава поискового отряда, исследовавшего объект, рапортовал о новых проблемах в управлении технологиями «Башни». Последние, надо признаться, и по сей день были изучены далеко недостаточно. Пока с достоверностью было установлено следующее: «Башня» могла вступать во взаимодействие исключительно с носителями определенного генетического набора. Ни желтые, ни красные под эту категорию не подпадали, а иных механизмов, позволяющих задействовать «Башню» в режиме ручного управления, поисковики пока не обнаружили. Осталась сущая малость: определить нужный генетический код. Малость! Такая малость!

Первый-среди-желтых невесело усмехнулся. Эх, если бы в его распоряжении оказались вычислительные мощности кибернетического модуля «Джолинар», обломки которого среди прочего космического мусора плыли на высокой орбите - там, где потерпел крушение «Великий нагус»! Без вычислительного комплекса колдовать над кодом можно было неопределенно долгое время, но как раз времени-то, равно как и «Джолинара», не было. Да и неизученная база высокоразвитой цивилизации на спутнике планеты никуда не делась. Сплошные вопросы, и ни одного вразумительного ответа!

А хуже всего другое: глава поискового отряда доложил, что расположение их временного лагеря замечено красными - и это с большой долей вероятности может означать скорое нападение. Первый-среди-желтых сразу же послал поисковому отряду

подкрепление, но сколько он мог выделить сил, если резервы истощены? Ничтожно мало. Конечно, красные тоже несут потери и их ресурсы далеко не безграничны, однако у них есть существенное преимущество: они плюют на галактические законы и пользуются любыми возможностями и средствами, даже строго запрещенными, ради своей победы. Иными словами, от красных можно ожидать чего угодно. Любой каверзы. Любой подлости.

Как быть в подобной ситуации, когда ты не можешь позволить себе поступать, как тебе хочется, и если ты до сих пор верен Первой межгалактической директиве?

Первый-из-желтых понимал, что скоро полностью утратит контроль над ситуацией. И тогда?

Быть может, имеет смысл попробовать войти в контакт с инфраструктурой базы на спутнике? Сконцентрировать усилия на восстановлении волнового трансмиттера, бросить на это все детали и запчасти, что удастся наскрести и, возможно, снять недостающее с некоторых оборонительных объектов - в непредсказуемой попытке наладить связь с базой, чтобы попросить чужаков о помощи? Шаг крайне рискованный, но в случае положительного исхода хотя бы частично оправдывающий сторону желтых, ведь конфликт с нарушением Первой директивы разгорелся не по их вине, и нет ничего постыдного в том, чтобы предать себя в руки галактического правосудия. Если же исход будет отрицательный. Обитатели базы имеют полное право возместить ущерб, нанесенный им возникшим конфликтом интересов. Вплоть до тотального уничтожения всех тех, кто прибыл позже них.

Но почему они, на этой своей базе, до сих пор никак себя не проявили? Почему молчат, словно на планете ничего не происходит? Первый-из-желтых видел только одно разумное объяснение: там, на спутнике, нет активных модулей, там находится законсервированное хранилище - непонятно чего и неясно с какими целями. Без обслуживающего персонала, способного адекватно отреагировать на вторжение. И если это правда, то рассчитывать на помощь не приходится. С другой стороны, хозяева хранилища могут вернуться в любой момент. И что тогда?

Конечно, эти хозяева могут быть представителями негуманоидных форм жизни с негуманоидными же логикой и мотивацией поступков. Вдруг они и знать не знают о Первой директиве, не говоря уже о Второй. Это также может объяснять их бездействие. Возможно - но маловероятно: слишком высокотехнологична инфраструктура базы. Поднявшийся до таких высот разум, хоть гуманоидный, хоть нет, не остался бы

незамеченным в Галактике.

Первый-среди-желтых поморщился.

Надо было принимать решение. Но какое?

Итак.

Ход его мыслей прервал писк дверного сенсора. На пороге появился Второй-среди-желтых. Вид у него был крайне встревоженный. Грудь тяжело вздымалась. Видно, бежал со всех ног, запыхался.

- Что случилось? - поднялся навстречу Первый.

- Только что… зафиксирован… хронопереход… - доложил Второй, пытаясь задержать дыхание.

- Что?! Здесь нет ошибки?

- Хронопереход! - подтвердил Второй. - Никакой ошибки нет. Мы не смогли проследить, откуда, но конечная точка примерно определена.

- И куда? - Первый-из-желтых ощутил, как пол, обычно такой надежный, колеблется под его внезапно ослабевшими ногами. Он ухватился за край стола. Устоял, но в ушах зашумело.

- Примерно восемь тысячелетий, направление - из будущего в прошлое.

Первый-среди-желтых добрался до кресла и бессильно в него рухнул.

- Красные?

- Нет информации, - развел руками Второй. - Датчики зафиксировали сам факт хроновыброса. Здесь, на планете. На этом материке.

- Ты понимаешь, что означает, если хронопереход осуществили красные?

Отчаяние сковало Первого-среди-желтых.

- Прекрасно понимаю, - кивнул Второй. - Это катастрофа.

ЭПИЗОД 2 Чего не увидел Шпунтик

Воздушное пространство Китайской Народной Республики, май 2009 года

Кот Шпунтик медленно погружался в пучину отчаяния.

Шпунтик ощущал себя покинутым на произвол судьбы и отчасти даже преданным. Он обреченно смотрел на прутья клетки, а кругом отвратительно - равномерно и настойчиво - гудело, гудело и гудело, выводя из себя и не давая покоя. Навязчивый гул шел, казалось, отовсюду и не прекращался ни на секунду. Сначала кот очень от этого нервничал, но гудение не исчезало, и он незаметно пообвыкся, хотя бдительности старался не терять: кто его знает - вот сейчас оно просто гудит, а потом возьмет, да как выскочит! Мало ли что.

А еще были отвратительные, незнакомые и насквозь

безжизненные запахи, которые обрушились на несчастного Шпунтика одновременно с гудежом. Это оказалось так неожиданно, что сначала кот с трудом удержался, чтобы не заорать в голос, и только присущее ему от природы самоуважение помогло справиться со столь малодушным порывом. Одумавшись, Шпунтик в который уже раз побился о прутья клетки и снова убедился, что тот, кто клетку изготовил, очень хорошо знал, что делал: выбраться наружу не было ни малейшей возможности. Клетка тряслась, но стояла непоколебимо. А гаже всего было то, что сверху накинули занавеску. Было от чего впасть в отчаяние!

Сквозь щель в занавеске Шпунтик изредка видел непонятных женщин в синих жакетах и юбках: они звенели посудой, пахли невкусной едой, шипели открываемыми бутылками, щелкали запорами ящиков, словом, вели себя странно, потому что ни одной из них - ни одной! - не пришло в голову узнать, как чувствует себя в своем тесном узилище одинокий кот-страдалец, не нуждается ли в чем, не впал ли в тоску и печаль, не желает ли принять питания или же услышать слово приветное, и вообще… Совершенно бездушные люди, а еще женщины!

Среди женщин Шпунтик признавал исключительно кошек. Его контакты с человеческими женщинами были весьма малочисленны, но коту вполне хватило девушки Тамары, некоторое время проживавшей в их с хозяином квартире на Моховой, чтобы убедиться в том, какие это странные, если не сказать никчемные, создания - человеческие женщины. Первое время Шпунтик стоически терпел Тамару, особенно эти ее «ути-ути» и «кыс-кыс-кыс». Шпунтик поначалу демонстративно оглядывался: кто это тут «кыс-кыс», не говоря про «ути-ути», - но Тамара не понимала даже столь откровенных намеков, из чего кот сделал уверенный вывод о ее умственном развитии. Шпунтик стал Тамару избегать - прятался, убегал, таился на шкафу, глядя из темноты круглыми светящимися глазами и лениво прикидывая: что будет, если он оттуда на Тамару спрыгнет. Должно было получиться просто здорово, но кот каждый раз от прыжка воздерживался - исключительно из солидарности с хозяином. Тамара же, как только Шпунтик исчезал из поля зрения, тут же выкидывала его из головы и ни разу даже не спросила у хозяина, куда подевался «кыс-кыс», из чего Шпунтик сделал другой уверенный вывод: о ее искренности. Поспешный исход Тамары из квартиры на Моховой вернул жизнь в привычную колею, кот испытал громадное облегчение и с тех пор к женщинам старался ни при каких условиях не приближаться. Ну разве только к девочкам. Странным девочкам, черненьким, коротко стриженным, в возмутительных платьях в цветочек,

сандалиях на босу ногу. Собственно, Шпунтик пока встретил только одну такую девочку, но было в ней что-то… Кот не смог бы объяснить, даже если бы умел. Иное дело - кошки! Да вот взять хотя бы Мурку из пятнадцатой квартиры! О! Мурка!.. Шпунтик расслабился, погрузившись в воспоминания, и больно ткнулся носом о решетку клетки. Это мгновенно отрезвило его и вернуло к реальности - такой трагической и гудящей, где пахло разогретой в микроволновке говядиной с макаронами.

Еда!

На самом деле на еду, даже и вкусную, в этот исполненный подлинного трагизма период жизни Шпунтик вовсе не претендовал. И если бы ему вкусного все же поднесли, съел бы на чистом автопилоте, без малейшего намека на удовольствие - настолько кот был поражен коварством окружающего мира. Шпунтик боялся и не видел в этом ничего постыдного, поскольку богатый жизненный опыт убедил его: именно осмотрительность порою есть высшая форма храбрости, а вовремя удрать иной раз - не менее мудро, чем, распустив когти, кинуться грудью навстречу опасности. Основная проблема состояла в том, что убегать Шпунтику было ровным счетом некуда: проклятая клетка обступила кота со всех сторон, совершенно лишив права на выбор. Единственный человек, на которого кот мог уповать в столь тяжелых жизненных обстоятельствах, его хорошо обжитый и приручённый хозяин Константин-Котя Чижиков, в поле зрения отсутствовал и, судя по всему, интересовался судьбой кота не больше жестоких женщин в синих юбках, которые то и дело с грохотом сновали мимо, не обращая никакого внимания на сердечные котомучения.

Это ли не предательство?

Шпунтик собрался в плотный волосатый ком, обуздывая накатывающее отчаяние, и навострил уши в ожидании - а что еще прикажете делать? Рано или поздно гудение закончится, чуждые запахи рассеются, а хозяин появится и вытащит его из узилища. Все кончается, - это кот знал твердо, ему не раз случалось глядеть в пустую миску и понуждать хозяина мяуканьем или шлепком по лицу к заботе о домашнем питомце.

Другое дело, как оно все закончится сейчас: вдруг погудит-погудит, да и напрыгнет на него? И куда тогда деваться Шпунтику, если со всех сторон прутья клетки и применить храбрую осмотрительность нет никакой возможности?

Кот машинально похрустел сухим кормом, тезисно пописал в катсан, обреченно вздохнул и продолжил ждать. Лишь хвост ходил ходуном, ведь никому, никому не было дела до Шпунтика! И если бы многомудрый кот имел возможность увидеть своего

ненаглядного хозяина, то лишний раз убедился бы в том, что все, буквально все на него, на Шпунтика, плюнули. Даже Котя Чижиков.

Чижикову было совершенно не до кота.

Последние несколько часов Котя провел трудно, хотя начинался полет в Пекин просто замечательно: за зоной паспортного контроля, казалось, остались все заботы, печали и неприятности, а впереди ждала страна мечты и много другого интересного. Чижиков чаял провести без малого восемь часов полета с чувством, с толком и с расстановкой, то есть слегка потягивая виски, почитывая с экрана ноутбука свежескаченный детективчик, а потом и откровенно подремывая, благо в полупустом самолете он единолично восседал на трех креслах и грех было не воспользоваться столь благостной возможностью вытянуть ноги.

Всему этому сбыться было не суждено: невесть откуда появилась симпатичная девица, присела в соседний ряд, напротив, а потом сняла очки - и оказалась Никой, девочкой из будущего, от навязчивого и совершенно бессмысленного присутствия которой, как казалось Чижикову, он раз и навсегда избавился. Ведь детей в самолет так запросто не пускают, тем более - на международные рейсы.

А вот поди ж ты: сидит и смотрит через проход! Только на вид ей уже лет двадцать, глаза накрашены и даже губы помадой вымазаны - не очень умело, но по-взрослому. Есть от чего обалдеть самому невозмутимому человеку.

Чижиков натурально и обалдел: выпучил глаза, стал судорожно хватать ртом воздух и минут несколько ничего (кроме потрясенного «как?!» да «что?!») вымолвить не мог. Ника смотрела на него, улыбаясь, и не было в этой улыбке ни подвоха, ни насмешки, ни каких-либо иных намеков на умственную несостоятельность Коти. Открытая была улыбка, хорошая, дружелюбная, словно в происходящем не было ни чего неестественного: мы летим вместе, дядя Костя, ты что, забыл? Чижиков так обалдел, что даже пришел в себя. Обнаружил в правой руке бутылку виски, совершенно не скрываясь, отхлебнул прямо из горлышка, потом единым махом опрокинул в рот содержимое стаканчика, который держал в левой руке - там был все тот же виски, замаскированный капелькой апельсинового сока, шумно выдохнул, утер рот тыльной стороной ладони и только тогда спросил:

- И как это понимать?

- Дядя Костя… - Ника продолжала улыбаться. - Я…

- Какой я тебе дядя?! - птицей взвился Чижиков. - Нашлись тут родственнички самозваные…

- Тише, - Ника приложила пальчик к губам. - Пожалуйста, тише, на нас обращают внимание…

Котя осторожно огляделся: пассажиры, сидевшие поблизости, и правда весьма заинтересованно таращились в их сторону, высматривая возмутителей спокойствия, а ближайшая стюардесса с профессионально озабоченным лицом уже направлялась прямиком к Чижикову.

- У вас все в порядке? - спросила она, остановившись рядом с Никой. - Все хорошо?

- Все прекрасно, - улыбнулась стюардессе Ника. - Просто я сообщила дяде такую приятную новость, что он не сумел сдержать радости.

- Ну… да… - согласно закивал Чижиков под внимательным взглядом стюардессы, а сам в это время придерживал локтем спрятанную за подлокотник бутылку. - Племянница у меня такая затейница.

- Быть может, вам принести чего-нибудь? - спросила стюардесса. - Вдруг, новость такая волнующая, что нужно успокоительное? Или, может, воды? Сока?

- Да, пожалуй сока… апельсинового, - выдохнул Котя.

Едва стюардесса отошла, он вперился в Нику взглядом и спросил, как ему показалось, сурово и требовательно:

- Что же за новость ты… или как вас теперь называть… для меня приготовила?

- Откиньтесь на спинку кресла, - с обезоруживающей улыбкой посоветовала Ника. - И дышите глубже, вы взволнованы.

- Уж как-нибудь управлюсь с волнением… - тут Чижиков снова сбился и окинул Нику оценивающим взглядом. - Погоди… Или погодите…

Котя был в явном затруднении.

- Давайте оставим все как есть, дядя Костя! - Ника была сама кротость. - Я вас называю на «вы», вы меня называете на «ты». Вы мой дядя, а я ваша племянница, притом большая затейница.

- Черт-те что! - вырвалось у Чижикова. - Ну просто черт знает что!

Вернулась стюардесса и подала Коте стаканчик с соком. Чижиков поблагодарил ее и, едва та отошла, нагнулся к Нике.

- Так, пересаживайся ко мне и давай объясняться!

- А что случилось, дядя Костя? - захлопала ресницами Ника, но пересела в ряд Чижикова.

- Это просто невозможно! - страшным шепотом вскричал Чижиков, сверля Нику бешеным взглядом. - Ты издеваешься?

Издеваешься, да?

- Почему-у-у? - округлила глаза Ника, и если бы Котя видел ее впервые, он бы точно принял это удивление за совершенно искреннее.

- Ты издеваешься, - обреченно кивнул Чижиков, от души хлебнул сока и плюхнул в стакан по самый край виски. Ему мучительно не хотелось продолжать этот разговор, он не понимал, что и как спрашивать, но и молчать было нельзя: происходящее выходило за рамки обыденности, и с каждой минутой ему делалось все страннее. - Значит, ты разыгрываешь из себя дурочку. Ну что ж, замечательно, давай будем разговаривать как два идиота.

- Зачем, дядя Костя?

- Затем, что, быть может, тогда я смогу наконец хоть что-то понять, девочка из будущего, или теперь ты не из будущего? Итак, что мы имеем? Еще вчера ты была мелкой пигалицей в возмутительном платье. Нежданно-негаданно явилась ко мне под дверь. Чаю с бергамотом потребовала… Съела мой батон и мою колбасу… Сигарету выбросила… Призрака прогнала… Кота приручила… - Костя перечислял подробности первого визита гостьи из будущего, как будто они помогали ему удерживать разбегающиеся мысли. - А потом заявила, что ты моя спутница! И уже не отставала ни на шаг! Как банный лист приклеилась! А я тебя звал?! И лишь мой природный ум…

Тут Ника хихикнула.

- …и лишь мой природный ум, - с нажимом продолжал Котя, - помог мне от этой незваной спутницы отделаться. И вот я в самолете, я лечу в Пекин, и все хорошо и прекрасно, как вдруг ты снова здесь, и опять все идет кувырком!

Чижиков с законным возмущением поглядел на Нику. Ее наряд и сегодня был вызывающим. Несерьезный жакетик на одной пуговице, короткая юбка, белые коленки, как будто ей совсем не холодно на высоте без малого десять километров! Хм, коленки…

- И, кстати, где? - спросил он.

- Что - где?

- Царапина, спрашиваю, где? Которая вчера была на колене твоем детском? А сегодня вроде как саморассосалась?

- Вроде того, - без тени смущения кивнула Ника.

- О господи… - еле слышно простонал Котя, откидываясь на спинку кресла. - За что мне все это, за что?! Театр абсурда! Ты ведь не выглядишь идиоткой! Да и я совсем недавно был в полном уме и рассудке, пока ты не появилась. А, может, у меня теперь в мозгу нехватка кислорода образовалась, вот мне и

кажется всякое? Может, мне мерещится этот разговор двух умалишенных? - Костя щипнул себя за руку и сморщился от боли. - Скажи, зачем ты так настойчиво морочишь мне голову? Ладно, я мог понять игры в дядю, когда тебе было… гм… тринадцать лет. У детей на редкость богатая фантазия, они вечно играют в разные игры и считают, что все кругом тоже должны принимать в этом участие. Но сейчас?! Кстати, сколько тебе сейчас лет?

- Двадцать три.

- Сейчас ей двадцать три! Очень мило! - Чижиков разом выпил содержимое стаканчика, почувствовал необходимость повторить и огляделся в поисках стюардессы. Стюардессы видно не было. - А сколько тебе будет завтра?! Ты не станешь случайно мальчиком из будущего, или того лучше - дедушкой?

- Дедушкой или бабушкой вряд ли, - тряхнула челкой Ника. - Мне двадцать три, я женского пола, если хотите, можете потрогать.

Котя подавился слюной.

- Знаешь что, затейница, я с тобой в игрушки играть не намерен. Не знаю, с какого перепугу ты вмешалась в мою жизнь, но тебя в этом самолете быть не должно! А ты есть! Как ты мне это объяснишь? Ты уж постарайся с объяснениями, или я в самом деле рассержусь до невозможности. Для начала скажи, ты ведь совсем не внучка Вениамина Борисовича?

- В каком-то смысле - нет, - как ни в чем не бывало, улыбнулась Ника. - Только зря вам кажется, дядя Костя, что вы очень наблюдательный. Лично мне кажется, что не очень- то.

- О чем это ты? - поднял брови Котя.

- А вы посмотрите… Вон туда, - кивнула она назад. - Толь ко осторожно. Незаметно.

Чижиков, пригнувшись, осторожно глянул в щель между креслами.

- Ну?

- Левее. В предпоследнем ряду.

Левее в предпоследнем ряду полулежал, откинув спинку кресла до предела, Алексей Борн - в черных очках и в боль ших черных же наушниках - и то ли не замечал ничего во круг, поглощенный музыкой, то ли делал вид, что не замечает.

- Опа-опа, Америка-Европа, - Чижиков инстинктивно вжался в кресло. - А он-то здесь зачем?

- Как и все, летит в Пекин, - ответила Ника.

И уточнила на всякий случай, видимо, все же подозревая недостаточную сообразительность мнимого дядюшки:

- Это прямой рейс. Без пересадок.

- Ну да, ну да. Что же мне… Пойти разве еще раз

поздороваться? - раздумчиво спросил себя Котя, чувствуя, однако, что ни за какие коврижки не пойдет к Борну.

По всему выходило, что тот его за простака держит: сначала спас от налетчиков в подворотне, потом рассказал много странного, помог уйти от погони перед аэропортом, но ни единым словечком не обмолвился, что летит тем же рейсом. Отчего бы Алексею Борну, такому откровенному и положи тельному, скрывать это обстоятельство? Строит планы внутри планов? Да он ли один? Котя подозрительно оглядел Нику. Задумался. А вдруг и пресловутый Сергей-Сереженька тоже притаился где-нибудь в первом классе? Славная компания…

Чижикову очень захотелось сойти с самолета.

Прямо сейчас.

- Я бы не стала к нему подходить, - сказала Ника. - Вы же не знаете, с какими целями он летит в Пекин.

- Не знаю, - согласился Чижиков, лихорадочно соображая и трезвея на глазах от хлынувшего в кровь адреналина.

В общем и целом выходило так, что он вообще мало что знает, но тем не менее уверенно движется в заданном направлении. Вот только направление задал кто-то другой. И он же активно способствует тому, чтобы Котя не сбился с пути. Может, это Борн и есть? Уж больно много ему известно такого… загадочного. Ощутив себя пешкой в чужой игре, Чижиков посмотрел на Нику с еще большим подозрением.

- Но зачем ты летишь в Пекин, этого я не знаю тоже.

- Не знаете, - легко согласилась девушка. - Но тут нет секрета. Я лечу в Пекин потому, что туда летите вы, дядя Костя.

- Да-а-а… Это многое объясняет, - скривился Чижиков. - А почему туда лечу я?

Мысли путались в голове, и Котя вернулся к началу разговора:

- Так, на чем мы остановились? На том, что у меня к тебе масса вопросов, но что-то подсказывает мне, что ты опять будешь водить меня за нос, а мне это поднадоело, - Котя придвинулся к Нике поближе. - Итак, попробуем еще раз. Вот ты скажи мне: как понимать, что тебе вчера было максимум тринадцать, а сегодня - уже двадцать три? И почему ты так настаиваешь на том, что я твой дядя?

- Ну, дядя Костя, - Ника неумело и трогательно шмыгнула носом. - Поверьте мне: у вас еще будет время понять, тем более что все самое главное я вам уже сказала. Первое - я из будущего, а второе - я ваша спутница.

- В каком смысле - из будущего? - заглянул ей прямо в глаза Котя.

- В самом прямом, - не отводя взгляда, ответила Ника. - Из дальнего будущего. В вашем веке я еще не родилась. А дядей вас называю вполне искренне и, поверьте, вполне обоснованно.

- И ты всерьез просишь меня поверить? - усмехнулся Чижиков. - Ты хочешь, чтобы я простодушно захлопал глазками и повелся на эту чушь?

- Это не я хочу, - без тени улыбки сказала Ника. - Это вы хотите. Вопросы здесь задаете вы, а я пытаюсь дать посильные ответы. Но так уж вышло, что некая история завязана именно на вас. Никто не виноват, что так случилось.

- Да что ты говоришь? - совсем уж неприятно улыбнулся Чижиков. - Жил я себе, поживал спокойно, а потом - возьмись некая история, да и случись?

- Что-то в этом роде, - подтвердила Ника, и Чижиков был готов поклясться, что говорит она совершенно искренне.

Котя хмыкнул.

- Ну тогда скажи мне, у вас в будущем все так умеют - чтобы сначала подросток, а потом половозрелая девица, и чтобы коленка вмиг зажила?

- Технологически мы гораздо более развиты, но так умеют далеко не все. А я умею, потому что нахожусь здесь со специальной миссией.

Ника была серьезна как никогда.

- О! - воздел палец к мягко светящемуся над головой плафону Чижиков. - Миссия! Да еще и специальная! Ты должна спасти мир, да?

- Вроде того, - подтвердила Ника.

И тут же уточнила:

- Мы с вами, дядя Костя, должны спасти мир вместе.

- Отлично! - не на шутку развеселился Чижиков. - Ника и Костя спасают мир! Нет-нет, не так… Ника, Костя и Шпунтик спасают вселенную. Нет, кот должен быть на первом месте, обязательно на первом. Шпунтик, Костя и Ника, блокбастер с многомиллионным бюджетом!

- Кот и вправду очень важен, - начала было девушка.

- Достаточно, дорогая «племянница»! Ты столько информации на меня вывалила, так доступно все объяснила, что и ежу стало бы понятно. Теперь у меня не осталось ни единого вопроса! - в голосе Кости креп сарказм. - Раньше-то я голову ломал: что, собственно, происходит, а тут ты раз - и разложила все по полочкам. Ты пришла из будущего ради спасения мира. Такие блокбастеры одно время были очень популярны! Правда, там не было кота. Но кот же меняет всю картину до неузнаваемости, не правда ли? Все стало вокруг голубым и зеленым. И очень-очень

правдоподобным!

Котя ущипнул себя за нос. Нос откликнулся.

- Нет, у меня просто нет слов. «Скажите, Павел Андреевич, вы шпион? - Видишь ли, Юра…»

- Ну что я могу поделать, если вы на самом деле играете очень важную роль в этой истории? - Ника неловким движением прижала ладошки к груди. - Ведь это правда!

- Ну тогда, может, ты расскажешь, что за история такая, в которой я столь важен? Чтобы мне сподручнее было спасать мир, когда мы ступим на борт твоего мегадредноута, который, несомненно, притаился неподалеку? Колись, племянница из будущего. А то я, признаться, не привык спасать мир вслепую. Не с руки мне это. Еще уничтожу пару-тройку невинных галактик в запале. Как начну без разбора причинять добро направо и налево. Короче, рассказывай.

- Дядя Костя, - Ника смотрела тревожно. - Я не могу. Мне нельзя. Нельзя. Понимаете?

- Я понимаю только одно, - Котя поболтал остатками виски в бутылке. Он как-то внезапно устал. Больше всего ему хотелось закончить этот нелепый разговор, чтобы потом откинуться на спинку кресла и заснуть. А потом проснуться, а за окном уже страна мечты, и никаких необычных людей под боком и никаких диковинных фантазий под ухом. - Я понимаю, что ты по-прежнему водишь меня за нос. И вот что я тебе, девочка из будущего, скажу. Иди-ка ты отсюда. Пересядь на другое место. На какое хочешь, но только подальше. Так, чтобы я тебя не видел.

Чижиков придвинулся к Нике вплотную и сказал:

- Если мне придется выбирать между тобой и ним, - Котя кивнул в сторону дремлющего Борна, - то выбор будет не в твою, моя милая, пользу. По той простой причине, что он не темнил и пытался быть со мною откровенным. А ты не сделала ни малейшей попытки объяснить, откуда его знаешь, все играла в конспирацию: «Посмотрите левее, в предпоследнем ряду…» Так вот, заруби себе на носу: твои игры - это только твои игры, а лично я лечу в Пекин к своему другу. И меня не касается, куда и зачем летишь ты, а равно, с кем и от кого ты будешь спасать мир, вселенную и прочие места. Я в этом не участвую. По слогам повторить для ясности? А теперь забирай свою сумку и - пошла отсюда.

- Дядя Костя… - Ника хмурила брови, пытаясь найти убедительные слова. - Дядя Костя…

- Я тебе не дядя. Иди, сказал. А то стюардессу позову. Ну!

И Котя демонстративно потянулся к кнопке вызова.

Ника неловко шмыгнула носом, глянула на часики,

поднялась с кресла и, неожиданно растерянная, ушла вперед по проходу, в противоположную от Борна сторону.

…Все это Шпунтик пропустил. Он не видел, как изгнанная хозяином Ника неохотно пересела подальше. Он не заметил, как стюардессы разносили горячий обед, а потом собирали грязную посуду. Он не знал, что за окнами лайнера утро уже пришло на смену ночи, а некий Алексей Борн только что посетил туалет, после чего неспешно вернулся к своему креслу, куда и уселся расслабленно, вновь отгородившись от мира очками и наушниками.

Шпунтик впал в оцепенение, которое некоторые назвали бы кошачьей медитацией, но кот понятия не имел о таких сложных материях. Он сидел, подобравшись и слегка качаясь, смотрел перед собой в одну точку полузакрытыми глазами и урчал едва слышно. Урчанием Шпунтик умудрился попасть в странный резонанс с окружающим его гудением, и через это отрешился от всякой суеты, периодически возникающей за пределами его узилища, а заодно и от всего мирского в целом. С хозяином и его подлым равнодушием кот решил разобраться потом - ведь рано или поздно гуде ж должен прекратиться, а мысли о том, что его бросили здесь навсегда, Шпунтик не допускал.

И поэтому враз встрепенулся, когда мощный рывок сотряс клетку, и знакомый голос воскликнул:

- Быстрее, кот, быстрее!

Вот оно, освобождение! И вот он - хозяин! Однако если надо быстрее, то не кричать следует, но открыть вот эту задвижку, а уж там каждому станет ясно, что такое быстрее на самом деле.

Только отчего на хозяине лица нет, пол под его ногами ходит ходуном, кругом пронзительно орут люди, и откуда-то сверху падают сумки, рюкзаки и чемоданы?! Происходящее настораживало, а открывать клетку никто не спешил.

Чижиков о таких мелочах не думал.

Потому что их самолет падал.

Произошло это как-то вполне обыденно. Уже в воздушном пространстве Китайской Народной Республики, но еще часа за полтора до посадки в Пекине. Котя, устав ломать голову над происходящими странностями, как раз утешил себя доброй порцией виски и решил было вздремнуть, чему выпитое способствовало как нельзя лучше. Он поднял подлокотники, устроился поудобнее на трех доставшихся ему креслах, смежил веки - и тут-то самолет и тряхнуло.

Тряхнуло ощутимо - где-то в носовой части звучно разбилось

стекло. Котя приподнял голову: ожила трансляция, и приятный женский голос напомнил о необходимости пристегнуть ремни, поскольку самолет попал в зону турбулентности и его сейчас чуть-чуть потрясет. Чижиков уже практически выполнил указание пристегнуться, то есть сел и потянул на себя ремень безопасности, как рядом с ним возникла встрепанная Ника с сумкой через плечо.

- Опять ты… - протянул Котя. - Сгинь с глаз моих!

- Дядя Костя, - Ника решительно села в соседнее кресло, мельком глянула на часы и тут же схватила Чижикова за руку.

- Дядя Костя! Слушайте меня внимательно. У нас почти не осталось времени. Сейчас мы с вами встанем в проходе и…

Самолет снова сильно тряхнуло.

Послышался испуганный женский вскрик.

- …встанем в проходе, - повторила Ника, - и все будет хорошо.

- В каком смысле? - насторожился Чижиков.

- Не спрашивайте! Сейчас начнется! У нас четыре минуты, всего четыре! И больше времени не будет!

- Ну ладно, ладно, девочка из будущего… - усмехнулся Котя, приподнимаясь.

- Пожалуйста, займите ваши места! - раздался окрик стюардессы.

И что-то в ее голосе звенело такое, что Чижиков вмиг протрезвел. Нутром понял: случилось нечто серьезное. Меж тем самолет трясло уже непрерывно, и все сильнее и сильнее. И на простую турбулентность это никак не походило.

Чижиков огляделся - происходившее очень напоминало кино. Хорошо, когда на подобное смотришь со стороны, но участвовать в таком фильме на самом деле… Стоп!

- Мы что, падаем? - не слишком изумился Котя, у которого сегодня поводов для удивления было несколько в избытке. Самолет и правда падает?

- Чистая правда, дядя Костя, - поспешно закивала Ника и, не обращая внимания на призывы стюардессы, распахнула дверцу багажной полки. - Падает и… не совсем падает.

- Как это?! - вытаращил глаза Чижиков.

- Так тоже бывает, - Ника выхватила из темного зева не большой кожаный рюкзачок, метнула в него содержимое сумки. - Просто поверьте, что падает и в то же время не па дает. Но мы с вами должны стоять вот в этом проходе. Рядом и вместе. Тогда все будет хорошо.

- Что будет хорошо?! - Чижиков, до которого внезапно, резко и сразу дошло, что это не кино, а сугубая реальность, мигом

вскочил на ноги.

Салон самолета стремительно, на глазах превращался в грохочущий ад.

Чижиков закричал:

- Что будет хорошо, как может быть хорошо - если с высоты десяти тысяч метров?!

Пол под ногами опасно кренился, пассажиры орали в голос. Иные вжимались в кресла, иные пытались вскочить, кто-то с размаху шлепнулся и его потащило по проходу вперед. Багажные полки от тряски распахнулись, вниз полетели сумки, чемоданы, рюкзаки, одежда. Рев двигателей прорвался в салон. Скрежет, стук, вопли - все смешалось.

- Шпунтик! - взвыл Чижиков и хлопнул себя по лбу. - Ведь Шпунтик же!

- У вас две минуты на то, чтобы принести сюда кота, дядя Костя, и это надо сделать обязательно!

Девушка кричала, стараясь перекрыть нарастающий шум.

Чижиков так опешил, что даже не нашелся, что сказать. Он двинулся за котом по убегающему из-под ног полу, хватаясь за спинки кресел и расшвыривая вставшие на пути сумки и вещи. Он даже оттолкнул стюардессу, которая зачем-то пыталась удержать его, хотя все вокруг летело в тартарары. Ну какое ей дело, будет этот дурной пассажир стоять или сидеть, когда самолет со всей дури хряпнется о землю?

«Вот так оно и бывает, - мелькнуло в голове у Чижикова. - Возьми, да и случись некая история, и никто тебя не спросит, хочешь ли ты быть ее участником».

Костину грудь сдавил слепой животный ужас.

Зачем он полетел в этот чертов Пекин?!

Чтобы так нелепо погибнуть?!

Уже не понимая, что и зачем он делает, Чижиков схватил кошачью переноску и рванул назад, к Нике. Она была самым странным в этом самолете, и если уж Ника сказала, что они трое должны быть рядом и вместе, здесь, в проходе, значит, так надо?

Самолет дергался, как припадочный. Казалось, вот-вот железная махина не выдержит и развалится на части - и все же Котя умудрился добраться до девушки, не упустив Шпунтика и ничего себе попутно не сломав. Ника ухватила его за руку - и внезапно Котя увидел, что со всех сторон их окружает белое сияние, возникшее непонятно откуда и на глазах набирающее силу.

«Вот и все?» - пронеслось в голове Чижикова.

Как сквозь пленку он увидел перекошенное лицо Алексея Борна, что летел прямо на Костю, изогнувшись в немыслимом

прыжке.

Губы Борна шевельнулись - миг, и он исчез.

Вот и все!

Будто камень упал в бездонный темный пруд, откуда нет возврата.

Вот и все…

Ослепительная белизна обступила Чижикова со всех сторон и мягко приняла его в свои объятия.

ЭПИЗОД 3 Жизнь после смерти

Где-то, когда-то

Сначала Чижиков осознал, что, кажется, не умер или умер не до конца. Или не весь. Не целиком.

Ясно было, что на какое-то время сознание его покинуло. Но на какое и где он теперь…

Котя ощущал свои ноги, чувствовал руки. Более того - правая рука аж ныла от тяжести кошачьей клетки- переноски.

Зато ничего не было слышно. Совсем. Абсолютно. Пропали все до одного звуки: стояла пронзительная ватная тишина.

И еще Котя ничего не видел. Одна слепящая белизна вокруг - или это уже ангельское сияние?

Чижиков попробовал повернуть голову налево - и, как ни странно, это ему без труда удалось. С той же легкостью голова поворачивалась и направо. Котя приподнял переноску и слегка тряхнул ее. В ответ клетку ощутимо заколбасило.

Шпунтик!

- Кот-кот-кот… - попробовал позвать Чижиков, но ничего не услышал. Губы исправно шевелились, как им и положено, но звуки пропадали, не родившись.

- Ко-о-от!!! - заорал, надсаживаясь, Котя, но опять безуспешно.

Спокойствие, только спокойствие!

Котя от души проморгался, но лучше видеть не стал.

- Наверное, это ангел, - вслух подумал Чижиков. - Ангел держит меня за руку. А я держу Шпунтика. За ручку клетки. И таким вот макаром мы все вместе возносимся в райские чертоги, чему и аминь!

Но вдруг это не ангел?!

Котя даже вспотел от подобного предположения и с трудом удержался от того, чтобы не замолотить руками и ногами, а также и Шпунтиком по проклятому сияющему кокону. От отчаяния Котя заорал, и Шпунтик ответил ему молодецкими ударами в стены клетки, но все оказалось бесполезным. Звуков по-прежнему не было, вокруг все так же стояло белое сияние, и Коте почудилось, будто скоро истает-прекратится и он сам: кокон его переварит и

сделает своей частью. Чижикова затрясло от ужаса и отвращения, мысли исчезли, остался один только липкий, отвратительный ужас, сотнями демонов рвавший его изнутри. Совершенно не владея собой, Котя готов был на что угодно - лишь бы вырваться, лишь бы услышать хоть какой-нибудь звук, даже самый отвратительный, лишь бы…

Пальцы, вцепившиеся в него, внезапно разжались, и чья то ладонь ласково погладила его руку. А потом еще и еще. И - о чудо! - одновременно с этим Чижиков услышал звук Тихое-тихое жужжание, словно муха, застрявшая между оконных рам, бьется в поисках выхода к голубому небу. Жужжание нарастало, и с окружающей белоснежной пеленой тоже начали происходить видимые изменения: кокон истончался, таял, рассеивался клочьями сахарной ваты… И вот уже потрясенный Котя разглядывает могучий куст, поначалу схематичный и неясный, зато теперь - как живой! Вскоре куст стоял перед Чижиковым наяву, а чуть поодаль плавно шел под уклон поросший сочной травой берег, уходя в темные воды.

Одновременно со зрением вернулись звуки.

- К такой-то матери!!! - услышал внезапно Котя свой голос и ошеломленно замолчал, оглядываясь. Оказывается, он все это время орал. Горячи и образны были его речи!

Шелестела листва. Где-то жизнерадостно кричала птица.

Слева от Чижикова стояла Ника. В правой руке Котя держал кошачью переноску, из которой на всю округу несся мощный басовитый рев, напоминающий звук разогревающегося гоночного автомобиля. А вокруг царила природа: рощица сзади, куст впереди, за ним пологий берег живописного озера с зарослями осоки и камышей по берегам, а за озером - жиденький, не вошедший еще в силу лесок.

- Оба-на… - только и смог вымолвить оторопевший Чижиков. - Я даже не спрашиваю; где самолет…

И хотя он не спрашивал, самолет ответил. Он возник в ослепительно-синем небе, объятый пламенем, и с душераздирающим воем понесся к земле - Коте показалось, что прямо ему на голову. Жирно чадя, самолет стремительно увеличивался в размерах, и Чижиков замер, попросту окаменел, пораженный невиданным зрелищем катастрофы.

От судьбы не убежишь, - пронеслось в голове. Котя обернулся к Нике и увидел, что та разглядывает падающий самолет с видимым интересом и безо всякой боязни. Чижиков схватил девушку за плечо, дернул вниз, повалил на траву и закрыл собою, ежесекундно ожидая удара…

Удара все не было - и тогда Котя приподнялся на локтях, не

переставая прижимать Нику к земле, и огляделся. Вовремя: самолет, воя и плюясь пламенем, в облаке пара свечой вонзался в темную гладь озера.

Грохот ударил по ушам, земля содрогнулась и… стало тихо.

Даже Шпунтик заткнулся.

Совсем рядом, как ни в чем не бывало, чирикнула невидимая пичуга.

Чижиков поднялся на ноги и посмотрел на озеро.

По поверхности шла крупная рябь, а над нею разметались клочья сияющей сахарной ваты, подозрительно похожие по цвету и консистенции на то облако-кокон, в чьих объятьях Чижиков провел худшие минуты своей жизни.

И все. Ни тебе обломков, ни отдельно плавающих чемоданов или каких-то иных зримых примет того, что пару секунд назад в озеро рухнул горящий самолет с более чем сотней пассажиров на борту.

Чижиков ринулся к воде. Было скользко, и он чуть не упал пару раз, пока наконец не подобрался к самым камышам. Котя вглядывался в озеро, но ни в воде, ни на берегу не просматривалось ни малейших признаков крушения. Словно и не было никакого самолета.

- Не такое оно и глубокое, это озеро, - отрешенно пробормотал Котя себе под нос. - Что тут, черт возьми, опять происходит?

Он машинально сорвал камыш и, похлопывая ею по ноге, медленно, неторопливо взобрался обратно по склону наверх - к кусту, где прямо на траве сидела растрепанная Ника, а неподалеку от нее сквозь прутья переноски отчаянно вытаращился на хозяина Шпунтик.

Не говоря ни слова, Чижиков подошел к клетке и устало присел рядом. Шпунтик, позабывший все обиды за бурной чередой последних событий, вопросительно муркнул.

- Да-да… Извини, мой хвостатый друг, - Котя открыл дверцу переноски, и освобожденный кот пулей вылетел на свободу.

Вылетел - и тут же замер. Принюхался, прислушался: воздух пах не так, как должен, звуки улавливались сплошь не правильные. Мир кругом изменился, и кот повернулся было к хозяину за разъяснениями, но тут увидел куст.

Куст был большой, как следует разросшийся - ветви и листва начинались, казалось, прямо от земли. Шпунтик, оставив претензии и вопросы на потом, рысью устремился вперед, шумно затормозил у корней, пошуршал и затих.

- Хоть кому-то хорошо, - пробормотал Чижиков.

- Дядя Костя…

Из-под куста послышались характерные звуки: Шпунтик старательно зарывал в землю содеянное. Котя взглянул на Нику. Ему совершенно не хотелось с нею говорить. Ему вообще сейчас говорить не хотелось - все то, что произошло за последние несколько часов, было для него немного чересчур. Девочка-подросток вдруг превратилась в двадцатитрехлетнюю девицу, а безмятежный полет в Пекин - в сущий ужас. Еще Чижиков, на минутку один раз умер, а потом чудесным образом воскрес и увидел собственными глазами, как падает самолет, на котором он летел. А сейчас он сидит у неизвестного озера, и вокруг простирается природа без каких-либо признаков цивилизации.

Котя чувствовал себя совершенно опустошенным. И готовым в любую секунду взорваться.

- Дядя Костя…

Ника подошла к Чижикову и села рядом. Взяла за руку. Котю потряхивало.

- Спокойно, дядя Костя, спокойно. Это у вас выброс адреналина, паническая атака. Вот я вам сейчас пластырь…

- Какой, к чертям собачьим, пластырь! - взорвался Чижиков. - Да я чуть не сдох там, в этом белом кошмаре! Руки! А ну-ка убрала руки!

- Пластырь вам поможет, - продолжала увещевать Ника, пытаясь налепить на запястье какую-то полоску. - Вы сразу успокоитесь.

- Сейчас же! - Котя вырвал руку и посмотрел на Нику бешеными глазами. - Замри. Прекрати делать то, что делаешь. Сейчас же!

Чижиков вскочил и почувствовал, что ноги его не держат. Ватные были ноги, стояли плохо.

Из кустов с деликатным выражением на морде выдвинулся Шпунтик и, выгнув хвост, приблизился заинтересованно.

- Что. Там. Только что. Произошло? - чеканя слова, спросил Чижиков, ткнув дрожащим пальцем в сторону озера.

- Что. Это. Было?

- Это? Ах это! - Ника тоже встала на ноги, одернула юбку

- Это был вторичный фантомный след. Побочный эффект максимально возможного приближения.

Котя развернулся к ней и с полминуты внимательно смотрел девушке в глаза. Ника взгляда не отводила.

- Вот ты послушай себя, - выдохнул Чижиков. - Послушай, что ты несешь? Какой вторичный, как его… фантомный след? Ну какой, когда я сам видел горящий самолет? А?! Когда наш самолет только что навернулся в это дурацкое озеро, а мы тут стоим на берегу без единой царапины, как будто так и надо?!

- Ну, - Ника замялась. - Это сложно объяснить в нескольких словах. Да я и не сильна в специальной терминологии.

- В терминологии она не сильна! - расхохотался Чижиков. - Нет, ты слышал, кот? Слышал?

Шпунтик укоризненно посмотрел на Нику, потом уселся на траву и стал вылизывать левую лапу.

- Если в двух словах, - продолжала Ника, чуть пожав плечами, - то мы переместились.

- Да уж переместились! - Чижиков навис над ней. - Рас скажи это тем, кто летел с нами в самолете.

- Ну, дядя Костя…

- Да что ты заладила: дядя Костя, дядя Костя! Я не твой дядя, когда до тебя дойдет? Я знать тебя не хочу! Все! Прямо сейчас я вызываю такси, пожарных, милицию, прокуратуру! Где спасатели, в конце концов?! - Чижиков рванул из кармана мобильник, включил, и тут Ника наконец изловчилась и приклеила ему на запястье полоску пластыря. Крепко прижала.

- Какого черта?! - зарычал Чижиков, потянулся пластырь сорвать, но его удержала теплая волна, мгновенно распространившаяся вверх по руке, а потом и по всему телу. Волна несла не только тепло, но и покой. Котю перестало трясти, и он мягко и расслабленно опустился на траву. Слегка закружилась голова.

- Что это такое? - хрипло спросил он присевшую рядом Нику.

- Пластырь, - улыбнулась она. - Очень полезный при стрессах пластырь.

- Действительно, полезный.

Чижиков отстранился, взглянул на Нику внимательно.

Девчонка как девчонка, и симпатичная притом…

Подошел покончивший с туалетом Шпунтик. С некоторым удивлением и даже оттенком ревности Чижиков отметил, что его хвостатый друг отнесся к новой для него Нике безо всякой настороженности, а напротив - сходу записал в свои: потерся башкой о колено, в ответ на что девушка рассеянно погладила его по спине. Это слегка обескураживало - с другой стороны, они же уже встречались, кот и Ника. Правда, Ника тогда была значительно моложе.

- Ладно, - криво улыбнулся Чижиков, разглядывая свою руку. Теперь на ней было два пластыря: пошире, что закрывал вчерашний порез, и поуже, Никин. - Раз от тебя случилась польза, попробуем еще раз. Но сначала я все же позвоню.

- Не получится, - покачала головой Ника.

- Отчего это? - пробормотал Котя, изучая экран мобильника.

- Мы вне зоны действия, - объяснила девушка. - Тут нет сети.

- А куда она делась? - удивленно поднял брови Чижиков, убедившись в том, что Ника права. - Что, спасателей не будет? Шойгу не прилетит?

- Не прилетит, - подтвердила Ника.

- А кстати, где это мы? Куда мы, как ты выразилась, переместились?

- Вы будете сердиться…

Ника посмотрела на Чижикова из-под челки.

- Слушай, - вздохнул тот. - Бросай ты уже эти свои штучки. Что за детский сад! Тебе же двадцать три года, как ты говоришь. Мы же можем общаться как взрослые люди?

- Мне так легче, - улыбнулась Ника.

- А вот мне, девочка из будущего, будет легче, если ты расскажешь уже хоть частицу правды. - Чижиков встал, проверяя ноги: колени вроде больше не подгибаются. - Правды, понимаешь? Для разнообразия.

- Но я вас еще ни разу не обманула…

- Ага, только пудрила мозги и водила за нос, - усмехнулся Котя, достал пачку сигарет и с наслаждением закурил. - Вот скажи мне: самолет ведь упал?

- Не-а, - мотнула головой Ника. - Мы видели вторичный фантомный след.

- Ты выучила наизусть про след, что ли?

- Ага, - подтвердила Ника. - Выучила. Просто я на самом деле ничего в этом не понимаю, но знаю, что самолет ни куда не падал. Это было… ну вроде оптической иллюзии. Обман зрения.

- То есть все живы и здоровы? Все другие пассажиры?

- Живы и здоровы. И по-прежнему летят в Пекин. Их лишь немного потрясло в турбулентности.

- О! Тут есть люди! - воскликнул Котя, увидев, как из жидкого лесочка на противоположном берегу озера появилось несколько смутных человеческих фигур. - Мы не одни. Цивилизация! Сейчас мы узнаем, где оказались.

- Дядя Костя! - Ника дернула Чижикова за рукав. - Я бы на вашем месте спряталась и не привлекала их внимания.

- Почему? - удивился Чижиков. - Это что, маньяки- убийцы? Джеки-потрошители? Банда?

Но за куст тем не менее присел.

- Нет, это обычные люди, слишком обычные, - ответила Ника, прижимая к себе Шпунтика. - Это местные жители, и нам лучше пока не попадаться им на глаза.

- Так…

Чижиков отогнул ветку, продолжая внимательно наблюдать за противоположным берегом.

- Продолжай объяснения. Но только правду, помнишь? Для разнообразия. И где же мы?

- Дядя Костя, - Ника глубоко вздохнула, - дело в том, что мы не только где, мы еще и когда.

- В смысле?! - вытаращился на нее Котя.

- Мы в далеком прошлом. В Китае третьего века до нашей эры.

ЭПИЗОД 4 Гость из будущего

Поднебесная, уезд Пэйсянь, III век до н. э.

- Ты с ума сошла! - потрясенно выдохнул Чижиков. - Нет, ты определенно рехнулась.

Однако то, что увидел Чижиков на том берегу озера, со всей очевидностью свидетельствовало: либо Ника действительно хотя бы раз решила сказать Коте правду, либо они наблюдают натурные съемки фильма о древнекитайской жизни. Подойдя поближе, смутные фигуры материализовались в довольно грязных азиатского вида мужиков, длинноволосых и нечесаных, одетых к тому же в разнообразное тряпье, преимущественно темного цвета. В руках эти красочные персонажи сжимали кто палку, а кто и сельскохозяйственное орудие типа «мотыга». Крестьяне подступали к берегу с явной опаской, шумно при этом подбадривая друг друга и воинственно тыча палками в пространство перед собой. На лицах пришедших - сколько мог разглядеть Чижиков - явно читался страх.

Зрелище было настолько фантасмагоричным, что Котя с трудом удержался от того, чтобы сыскать подходящий камень, вон их сколько, и с размаху кинуть его в озеро. Эффект можно было предсказать заранее: лишь камень в веере брызг канет в пучине вод, как немытые мужики с воем кинутся прочь, разбрасывая в разные стороны палки и мотыги. Вот где потеха!

Остановившись на почтительном расстоянии от воды, пришельцы собрались в кучку и стали всячески разглядывать озеро, вытягивая шеи, показывая в сторону воды рука ми и громко переговариваясь, точно лаялись. Язык их был Чижикову решительно непонятен - Котя не улавливал ни одного знакомого слова, а оттого заключил, что говорят мужики явно не по-русски. Хотя расстояние мешало, конечно, как следует разобрать речь.

Вдруг мужики встрепенулись: из леса показался еще один человек - верхом на коне, во вполне приличном длинном халате, в странной высокой шапке. Его сопровождали пешие солдаты, на них были доспехи - темные нагрудники и шлемы, а в руках они сжимали короткие копья. Всадник приблизился, немытые мужики тотчас попадали на колени и стали низко кланяться, он же степенно спешился и, положив руку на заткнутый за пояс

широкий меч, обратился к селянам с речью.

- Это ненормально, - сказал Чижиков и поглядел на Шпунтика.

Шпунтик с хозяином был полностью согласен.

Котя обернулся к Нике и повторил:

- Все это совершенно не-нор-маль-но.

Чижиков обвел окрестности свежим взглядом, но нигде не обнаружил ни малейших признаков привычной жизни - вроде столбов с проводами, намеков на дорогу или же там куч мусора. Впереди расстилалась девственно зеленая равнина с неубедительными зарослями кустов и молодым подлеском, а в удивительно синем небе не просматривалось ни единого следа от промчавшегося на огромной скорости самолета. Даже воздух пах по-другому. Или это только казалось Коте?

Тем временем коленопреклоненные мужики, почтительно выслушав речь всадника, загорланили, перебивая друг друга и бестолково тыча пальцами то в небо, то в озеро. Красноречивые их жесты Чижиков истолковал безо всякого труда: на том берегу собрались свидетели авиакатастрофы и теперь они взахлеб рассказывали об увиденном прибывшему начальству. Или старшине местного сельскохозяйственного коллектива. Или… Тьфу. Котя мысленно плюнул. Да почем же ему знать, кто этот человек с мечом!

Он решительно обернулся к Нике.

- Дядя Костя, - жестом предупредила его вопросы девушка, - дядя Костя, нам надо идти! И поскорее, а потом я вам все-все объясню. Честное-пречестное слово! И можете сердиться. Но сейчас нам больше нельзя здесь оставаться…

- Никуда я не пойду! - отрезал Котя. - Никуда не пойду, пока ты не расскажешь, что происходит. - Шпунтик согласно мыркнул. - Мы оба никуда не пойдем, понятно?

- Но…

- Никаких «но»!

- Ох, ну ладно, - Ника быстро глянула, как развиваются события на том берегу озера. - Спрашивайте.

- Как мы сюда попали?

- Перенеслись с помощью одноразового хрононавигатора, настроенного на конкретный момент в две тысячи девятом году, - как по писаному оттарабанила Ника.

- На конкретный момент?

- Да. Расчеты показали, что именно здесь и сейчас и непосредственно в той точке пространства в самолете возникли наиболее благоприятные для осуществления миссии предпосылки.

Чижиков поморщился.

- Слушай, может, у тебя какая-нибудь инструкция в рюкзаке завалялась? Я бы сам все прочитал. Ну как? Нету? Ладно. Дальше… Какой миссии?

- Хронопроникновение в двести десятый год до нашей эры.

- Зачем?

- Для предотвращения критической хронофлуктуации, вызванной нелинейным вмешательством в хронопоток.

- Чего-о-о?!

- Ну, - Ника замялась, - короче, есть большая вероятность, что в этом году одна важная вещь попадет не в те руки, в результате чего история пойдет совсем по-другому. А это, дядя Костя, повлияет на судьбу всей планеты. Фатально. Словом., надо спасать мир. Я же говорила.

- Класс… - протянул Чижиков.

Ника снова быстро глянула в сторону озера.

- А причем тут я? - задал очередной вопрос Котя.

Шпунтик муркнул.

- Причем тут мы? - исправился Чижиков.

- Необходимый компонент вмешательства, - отчеканила Ника и улыбнулась.

Шпунтик никак не отреагировал: был поглощен громадным кузнечиком, гарцующим на том самом подходящем камне, которым Чижиков совсем недавно едва не запустил в пруд.

Шпунтик прицелился, подобрался для прыжка.

- То есть, я так понимаю, без меня никак? - усмехнулся Котя.

- Никак, - серьезно подтвердила девушка.

Чижиков задумался.

- А ты, девочка из будущего, вроде как хронополицейский получаешься? А мы с котом - вроде как твои помощники, да? На общественных началах?

- Я не все поняла из того, что вы сказали, дядя Костя, но без вашей помощи ничего не выйдет.

- Да что тут понимать-то…

Чижиков достал пачку сигарет и глянул внутрь. Вот черт, а ведь если Ника правду говорит, что же он курить-то будет? Осталось всего двенадцать штук.

- Понимать тут нечего, затейница. Все как в хорошем кино: ухватили животную, исполосовали голову ножиком, а я, может, своего согласия не давал, а равно и мои родные! Понимаешь меня, дитя прогресса?

- Смутно, дядя Костя. Если честно, совсем не понимаю.

- Я тебе обрисую картину в общем и целом. А ты поправь, если я ошибусь…

Тут Шпунтик наконец прыгнул и поймал кузнечика. Кот, похоже, и сам удивился - настолько легко это у него вышло.

- Ну да, - кивнул ему Чижиков. - Край непуганых идиотов. Хоть горстями собирай.

Шпунтик обескуражено уселся. Кузнечик в его пасти су дорожно перебирал лапками. Кот определенно не знал, что делать дальше.

- Ну что застыл? Ешь давай, пока тепленький.

- Вы меня настораживаете, дядя Костя, - внимательно по смотрела на Чижикова Ника. - Вы точно хорошо себя чувствуете? Голова не кружится? А то от прыжков во времени всякое бывает.

- Я себя чувствую прекрасно, - заверил ее Котя. - Просто замечательно, лучше не бывает. А вот голова - это да, голова у меня кругом идет, крышу сносит от напряжения. В том фильме про несчастную животину[1], которую исполосовали ножиком, один профессор, гений скальпеля, пересадил со баке гипофиз от только что умершего горького пьяницы. Подобрал бродячую собаку на улице, обогрел, откормил, а по том - раз и операция. И Франкенштейн этот у него зажил человечьей жизнью: получил комнату и документы. Стал работать по части поимки и утилизации бродячих кошек. Отвратительный тип получился, надо сказать, хотя и с принципами. Так же, дорогая моя, и со мной сейчас. Никто меня не спросил, хочу ли я, могу ли, согласен ли, - просто взяли прямо из самолета, где я тихо-мирно летел себе в Пекин, и за швырнули… куда ты говоришь?., аж в двести какой-то год, да еще и до нашей эры! А я, может, своего согласия не давал, а равно и мои родные… И вот теперь ты наконец сообщаешь, что тебе нужна моя помощь, потому что без меня - миссия по спасению мира провалится. Как бы ты отреагировала на моем месте?

- Не знаю, - потупилась Ника.

- Не знаешь… Вот и я не знаю. То ли выломать пару прутьев из этого куста, положить тебя на колено, задрать юбку, да и выдрать как следует, то ли пойти вон к тем славным селянам и поискать у них сердечного отношения и уютного пристанища.

- Дядя Костя, - Ника смотрела испуганно. - Вы, конечно, вправе меня высечь, но только потом, а сейчас - давайте уйдем отсюда поскорее!

Чижиков глянул из-за куста: количество собравшихся на противоположном берегу озера значительно выросло. Подошло много новых персонажей, в основном из числа тех, кого Котя определил как местных сельхозработников. Повинуясь командам человека с мечом и в шапке, они таскали свежевырубленные в лесочке колышки и прочие палки, очевидно собираясь что-то

соорудить - уж не жертвенный ли костер?

Солдат тоже стало больше - они выстроились цепью и начали обходить озеро с двух сторон. Действительно, если не дать деру в самое ближайшее время, солдаты неизбежно обнаружат их укрытие, и далее возможны варианты, рассматривать которые Чижикову совершенно не хотелось.

- Ладно, пошли, - согласился он. - Ты, надеюсь, знаешь, куда?

- Пока вон в ту рощу, - показала назад Ника. - А там посмотрим.

- Просто замечательно! - усмехнулся Чижиков. - Интересно, у тебя вся наша великая миссия так и распланирована - по принципу «а там посмотрим»?

- Не совсем, - в голосе Ники прозвучали неуверенные нотки.

- Да уж ясно, - пробормотал Котя и протянул руку к кошачьей переноске, но Ника остановила его.

- Нет, дядя Костя, клетку придется бросить.

- Это еще почему? Хорошая клетка. Мне нравится. И Шпунтику… нравится тоже.

Кот демонстративно отвернулся и как истинный естествоиспытатель уставился на то, что осталось от кузнечика.

- Дядя Костя! Ну не было в этом времени таких клеток, понимаете?

- Понимаю, понимаю. Значит, мы ее спрячем, а по пути назад заберем.

- Не пойдет, - помотала головой Ника. - Мы больше сюда не вернемся. Ну… если все будет хорошо.

- Если? - возмутился Котя. - Если?!

- Всякое может случиться, - уклончиво ответила Ника.

- Ясно. Значит, успех твоей миссии вовсе не гарантирован, - констатировал Чижиков. - Что-то подобное я и предполагал. Господи, дай мне сил!

Ника тем временем схватила рюкзачок, порылась в нем и достала небольшой флакончик. Побрызгала из флакончика на клетку непонятной бесцветной жидкостью, и на глазах изумленного Чижикова и ликующего Шпунтика клетка с легким треском превратилась в небольшую горку серого порошка, весьма похожего на пепел.

- Ты что это?! - схватил Котя девушку за руку. - Хорошая же вещь!

- Так надо, дядя Костя, - ответила Ника, разравнивая ногой пепел. - Сами подумайте, что будет, если какой-нибудь археолог потом отроет эту клетку и выяснит, что она сделана в Китае в две тысячи девятом году, но на самом деле ей больше двух тысяч лет?

- Да ну… - отмахнулся Котя, хотя и понимал, что Ника права.

Подхватил ее рюкзачок.

- Ладно, пошли уже. Но учти, - Чижиков резко остановил ся, и Ника налетела на его спину. - Учти: я с тобой еще не закончил!

- Хорошо, дядя Костя. Как скажете…

И они, пригибаясь, рысцой устремились в сторону рощицы - подальше от озера, торопясь преодолеть полоску открыто го пространства. Расстояние было плевое, Чижиков и Ника преодолели его за пару минут. Озабоченный таким внезапным отступлением, Шпунтик некоторое время смотрел им вслед, потом подошел к остаткам клетки, вдумчиво понюхал, мощно чихнул, потряс поочередно лапами и потрусил вслед хозяину.

Никто их не заметил.

В рощице оказалось недурно: не очень, высокие деревца, между которыми оставалось полно места, чтобы компания из двух человек и кота могла беспрепятственно продвигаться вперед, полное отсутствие оврагов, ям, возвышенностей и прочей пересеченной местности - иди да радуйся!

Рощица вплотную примыкала к склону невысокого холма, первого в целой череде подобных. Шелестела листва, перекликались птицы, а воздух, свежий и чистый, просто сам рвался в легкие. У Коти даже голова слегка закружилась.

- Ну ладно, - начал Чижиков, когда они отошли достаточно далеко, чтобы их могли заметить приближающиеся солдаты, - теперь скажи, есть ли у нас план?

- Значит, вы согласны?

Ника встала как вкопанная.

- С чем это? - сделав на всякий случай шаг в сторону, спросил Котя.

- Согласны помочь?

- Ну, ты даешь, девочка из будущего! - воскликнул Чижиков. - Как будто ты оставила мне хоть слабое подобие выбора! Что будет, если я тебе отвечу: нет, дорогая моя, я решительно не согласен? Что тогда?

- Не знаю… - неуклюже наморщила лоб Ника. - Наверное, тогда я буду должна объяснить вам, как попасть обратно. Но ведь миссия - это самое важное, дядя Костя! - схватила она Чижикова за руку, тряхнула. - От нее зависит судьба Земли! Если провалить миссию, не будет ни вас, ни меня! Весь мир станет совсем другим!

- Иными словами, ты и твои приятели из будущего не видели возможности отказа, - кивнул Котя. - Чтобы я демонически расхохотался и сказал с адской улыбкой: плевал я на все! Наоборот, весь в соплях сочувствия я должен воскликнуть: ах, чем бы мне послужить будущему? Ешьте мою печень и клюйте мои

глаза, если мать-Земля просит! С пониманием относимся…

Котя выдохнул от души и сказал решительно:

- А потому говори уже, какой у нас план. Если он есть, конечно.

- Хорошо, дядя Костя!

И Ника затараторила:

- Сначала мы идем к холмам и там прячемся. Потом я иду в селение неподалеку и достаю там нужную одежду. Мы не должны выделяться среди местных, должны быть как все, понимаете? Потом мы, уже как здешние жители…

- Тихо! - прервал ее Чижиков. - Не части. Помолчи немножко. Слышишь?

Ника встревоженно огляделась.

- Где? Что?

- Жужжит… - прошептал Котя, подыскивая на всякий слу чай подходящую палку или камень поувесистей.

И действительно: жужжало, и все более отчетливо! Звук нарастал и был удивительно, а главное неприятно знаком… Ну конечно: примерно так жужжало, когда они вывалились из белого кокона на берегу озера!

Чижиков уронил рюкзачок на землю, машинально заступил Нике путь, закрыв ее собою. Набежавший Шпунтик вырвался было вперед, но почти сразу же присел, прижав уши и зашипев. Хвост у кота сделался толстый как полено и начал ходить ходуном. Чижиков ничего не видел, он весь обратился в слух: жужжание нарастало прямо по курсу, аккурат посреди крохотной полянки, через которую они должны были пройти.

- Что еще за ерунда? - пробормотал Котя.

Ему никто не ответил.

Воздух на полянке загустел, налился белесым туманом, который вскоре заискрился, воссиял ослепительной белизной, и на глазах изумленного Чижикова из ниоткуда выплыло до боли знакомое облако-кокон - высотой метра в два и не меньше полутора метров в ширину. Казалось, оно непрерывно вращается - настолько быстро, что глаз не улавливает движения. и при этом жужжит. Громко, уверенно, басовито.

- Бежим? - спросил было Чижиков.

Внезапно жужжание стало затихать, а белое сияние - таять, рассеиваться. Несколько секунд, и воздух снова стал чист и прозрачен, зато прямо перед Котей, Никой и Шпунтиком на полянке, в самой идиотской позе, предстал Федор Сумкин. Он словно бы сидел на невидимом стуле: в правой руке - пластмассовая вилка с насаженным на нее куском курицы, в левой - такая же одноразовая тарелка. Федор таращил глаза, и в

глубине его рта алел некрупный овощ, по виду напоминающий помидор.

Наконец прекратилось и жужжание. Сумкин со всего размаха грохнулся о землю. В небо взвилась упущенная вилка. На траву, блестя стеклами, пали очки.

- Федор Михайлович, - только и смог вымолвить потрясенный Чижиков.

- Здорово… коли не шутишь… - судорожно сглотнув помидор, проскрежетал ненатуральным голосом Сумкин и выронил тарелку.

ЭПИЗОД 5 Те же и Сумкин

Поднебесная, уезд Пэйсянъ, III век до н. э.

Шпунтик не очень жаловал Сумкина. От того вечно несло табачищем, а еще Федор имел обыкновение то и дело брать Шпунтика на руки, наивно полагая, что коту нравится лежать у него на руке лапами вверх и в такой нелепой позе принимать почесывания брюха. В первый раз, когда его столь бесцеремонно схватили, Шпунтик решительно возмутился, что и довел до сведения умиляющегося Сумкина посредством недовольного превентивного гудения. Последний оказался совершенно глух к мягкому увещеванию словом, и кот был вынужден перейти к суровым действиям: хвостом он сбил с Федора очки, после чего удрал в коридор, а уж там фиг догонишь, и вообще сам виноват.

В тот день Шпунтик затаился в темном углу за шкафом, с недоумением слушая разглагольствования Сумкина на тему, как, де, низко пал уровень воспитания среди котов. В прежние-то времена коты подобных выкрутасов себе не позволяли, а напротив - как один были рады отработать щедрое питание, которым их незаслуженно потчевали домовладельцы.

Потом, когда Федор наконец ушел, а Шпунтик, наоборот, вы шел, пришлось выслушать еще нотацию и от хозяина, резко осудившего дерзкое поведение Шпунтика, но одновременно отметившего известную беспардонность сумкинских манер. В этот миг Шпунтик окончательно уверился в том, что справедливость на свете существует, и потому в последующие визиты Федора относился к нему снисходительно, то есть изредка позволял себя хватать, но брюхо чесать не допускал по-прежнему.

Сумкин с таким положением вещей быстро смирился, а Шпунтик в ответ смирился с Сумкиным. И хотя тот все так же едко пах табаком, кот стал это терпеть, поскольку видел, что хозяин Федора привечает. К тому же Сумкин оказался гораздо сообразительнее, чем девушка Тамара. И главное - он не собирался оставаться жить в квартире на Моховой.

И потому, когда пред очи кота явился не опасный враг, но

всего лишь Федор Сумкин, да к тому же не просто явился, а от души хлопнулся оземь, Шпунтик немедленно потерял интерес к происходящему и отправился исследовать окружающую природу, чтобы раздобыть себе пищу, раз уж о нем никто не заботится. В конце концов, Шпунтик был вполне самостоятельный кот, а Сумкин - ну что Сумкин? Посидит, попьет чаю или водки и уйдет себе восвояси. Как всегда.

Сумкин, может, и рад был уйти, но…

- Это… - вымолвил Федор после того, как вилка с насаженной на нее курицей приземлилась у него на макушке. - Я вот конкретно недопонял, старик, а что это было вообще? В целом?

И для наглядности Сумкин пальцем очертил в воздухе почти правильный круг, после чего захлопал пятерней по траве в поисках очков.

- Я, понимаешь, как примерный член социума, сижу себе в самолете пристегнутый. Смирно сижу, никого не трогаю. Стюардессски симпатичные как раз поесть притаранили, и только я в курочку зубами вонзился, как вдруг засверкало, заискрилось, загрохотало, затрясло, сгустилась какая-то белая хрень, и вот я здесь.

Сумкин смахнул курицу на землю.

- Кстати, где я?

Видно было, что Федор ужасно нервничает. Уши его топорщились более обычного. Взоры Сумкина обратились к Нике, и у него достало сил сказать:

- Здравствуйте, прекрасная незнакомка! Вы случайно не знаете, я, часом, не помер от непосильных трудов на ниве народного образования? А?!

- Что это значит?! - развернулся Чижиков к Нике и увидел, что девушка изумлена не меньше него.

- Я… я… я не знаю, - пролепетала Ника, во все глаза уставившись на Сумкина. - А кто это?!

- Вы про меня, прекрасная незнакомка?

Сумкин наконец нашарил очки, с кряхтением поднялся на ноги и, отряхнув для порядка обвислый пиджак и огладив для красоты несерьезную поросль на подбородке, приблизился к ним страдальческим шагом.

- Позвольте представиться: Федор Михайлович Сумкин. Кандидат исторических наук. Следую на Суматру ловить бабочек… Отставить! Это у меня дежавю. Следую на высоконаучную конференцию в город-герой Пекин. А вы куда летите, позвольте взаимообразно полюбопытствовать?

И прежде чем Ника успела хоть слово сказать, Сумкин завладел ее рукой и галантно поцеловал.

- Старик, я понял: я сплю, и все это мне снится, - наклонившись к Чижикову, игриво зашептал Федор. - Клевый сон! Клевый!

Сумкин, видимо, нашел объяснение происходящему и успокоился.

- И чертовски реалистический, я тебе доложу! Это твоя девушка? - интимно заиграл Федор бровями. - Ничего, если я одолжу ее у тебя на время сна? Такие глазищи! А ножки! Черт, но как задница болит…

- Федор! - Чижиков взял друга за плечо, встряхнул. - Федор Михайлович!

- А? Что? - оторвался Сумкин от разглядывания Ники. Так договорились, старик?

- Секунду меня послушай, ладно?

- Я весь внимание!

- Федор Михайлович, скажи мне: если ты здесь, то кто тог да присматривает за моей квартирой? - вкрадчиво спросил Чижиков.

- А?! - отшатнулся от него Сумкин. - Чего?!

- А того! - не отпускал его Котя. - Я тебя как друга попросил присмотреть за квартирой, пока меня не будет. Было такое?

- Было, - кивнул Сумкин. - Но ведь я только на недельку в Пекин, на недельку. Ты не думай, там все в порядке, я все замки закрыл, а ключи…

- Перестаньте! - раздался вдруг громкий крик.

Сумкин и Чижиков разом замолчали и уставились на разгневанную Нику. Из-за ближайшего деревца на звук вышел Шпунтик с крупной мышью в зубах и прислушался к разговору.

- Что с вами? - продолжала Ника. - Вы с ума сошли, вы, оба? Какая квартира, о чем вы?! Там, - ткнула девушка пальцем в сторону озера, - солдаты, и им может прийти в голову осмотреть эту рощу! Нам нужно бежать, а вы лясы точите!

- Гм… - изрек Сумкин и посмотрел на Чижикова. - Кстати, кто это?

- Ника, - ответил тот, - девочка из будущего.

- Ника? Ага… - задумчиво выпятил нижнюю губу великий китаист. - Она очень симпатичная, я тебе уже говорил? Так вот, насчет твоей квартиры…

- Да что же это такое! - всплеснула руками девушка и медленно опустилась на траву. - Мир на грани гибели, а они… а вы… - и Ника неумело, но трогательно зарыдала.

Сумкин посмотрел на Чижикова.

Чижиков посмотрел на Сумкина.

Шпунтик выронил мышь.

Мышь облегченно скользнула в траву.

- Ну вот, - Сумкин кашлянул. - Какая впечатлительная… Старик, ты зачем девушку расстроил?

- Да ну тебя!

- Я не понял, старик, - начал было Сумкин, но Чижиков лишь тяжело вздохнул.

- Федор Михайлович, проблема в том, что вот это все, - он воздел руки к синим небесам, - совершенно не сон. Это, мой друг, суровая реальность. И она тебе не снится. Она - есть.

Чижиков подошел к Нике, сел рядом и обнял ее за вздрагивающие плечи.

- То есть… это…

Федор внимательно огляделся.

- Да, но позвольте… Как я тут, собственно, оказался? И где самолет? Такой, с серебристым крылом, что, влетая, оставляет земле лишь тень? - Федор обозначил рукой размах крыла. -А?!

- Хорошие вопросы, - кивнул Чижиков, гладя Нику по голове. - Ну, успокойся, успокойся. Спасибо, что перестала называть меня дядей, - шепнул он и перевел взгляд на Сумкина. - Я, например, оказался тут благодаря этой вот замечательной девушке. А уж кто тебя сюда перебросил, я знать не знаю и ведать не ведаю. И она тоже. Ника, ты ведь не знаешь? - взял он девушку за подбородок и внимательно посмотрел ей в глаза. - Не знаешь, да?

Ника, глотая слезы, отрицательно мотнула головой и спрятала заплаканное лицо в ладонях.

- Видишь: не знает. И вот еще что интересно, Федор Михайлович… Ты когда в Пекин лететь-то должен был?

- Ну… - Сумкин задумался. - Через неделю после тебя, старик. А что?

- А то, что ты - свинья, раз квартиру мою оставил на произвол судьбы, это раз. И мы здесь только сегодня оказались, а не неделю назад, это два.

- С квартирой все будет пучком, старик! А вот… Не понял! Куда же целая неделя делась?!

- Ты меня спрашиваешь, да? Понятия не имею!

- Тогда у меня еще один вопрос, - Сумкин добыл из кармана пиджака пачку сигарет и судорожно щелкнул зажигал кой. - Может, кто-нибудь по доброте душевной скажет мне, куда нас всех занесло?

- Я тебе скажу. Потом, если захочешь.

Чижиков решительно встал. И потянул Нику за руку.

- Куда идти? - спросил он у девушки.

- Туда, в холмы.

Для верности Ника махнула рукой, обозначая направление движения.

- Нет, подождите, - начал было Сумкин, но Котя перебил его:

- Пошли-пошли. Все расскажу, но сначала надо уйти подальше.

- Подальше от чего?!

- Слушай, Федор Михайлович, ты можешь идти молча? Примерно минут пятнадцать-двадцать? Просто идти и ни о чем не спрашивать?

- Уболтал, чертяка! - кивнул Сумкин, на ходу затягиваясь сигаретой. - Можешь, когда хочешь…

Миновали три холма, пока Ника не сказала наконец, что, по ее мнению, они достаточно удалились от озера. К этому времени девушка пришла в себя и даже начала временами улыбаться, поскольку Сумкин, конечно же, обещания своего не сдержал и начал терроризировать ее и Котю вопросами почти сразу же. Шпунтик же принял на себя роль сторожевого кота и шастал вокруг маленького отряда большими кругами, то чуть отставая, то сильно забегая вперед.

Местность кругом раскинулась дикая - натуральная природа, никак не тронутая цивилизацией и полная разнообразных живых тварей, которые вели себя по отношению к человеку совершенно безбоязненно. Сумкина, который всегда был выше мелочей, это совершенно не насторожило, а вот Чижиков, наблюдая беззаботных мышей, куропаток и даже задорного лопоухого зайца, сильно погрустнел. Буквально все кругом подтверждало слова Ники. Конечно, Чижиков, как и любой здравомыслящий человек, решительно отказывался верить в перемещения во времени и тому подобную научно-фантастическую чепуху. Нет, конечно, ему было интересно читать такие истории, но участвовать в них он не подписывался.

Странные азиатские мужики и всадник в халате хоть и произвели на Котю сильное впечатление, но не убедили до конца. Чижиков никак не хотел признавать тот факт, что происходящее до жути реально. В глубине души он лелеял надежду, что видит очень странный и очень дурацкий сон.

- Слушай, старик, а тут электрички поблизости ходят? - задал очередной вопрос Сумкин. - А то я природу люблю до невозможности, ну ты знаешь, но уже хотел бы с городом слиться.

И тут, на прогалине у громадного валуна, Ника объявила привал.

Сумкин немедленно закурил, и Котя, после некоторого

колебания, сделал то же самое.

Шпунтик же самозабвенно резвился в высокой траве. Выросший среди городских крыш и дворов-колодцев, кот буквально упивался природой и чистыми, сочными запахами. Как котенок, он падал на спину, ловил высокие стебли лапами, кувыркался, высоко подпрыгивал вслед пролетавшим бабочкам - словом, получал удовольствие на полную катушку.

«Хоть кому-то хорошо», - с улыбкой глядя на своего питомца, подумал Чижиков, а вслух сказал:

- Ты поосторожнее, кот. Древнекитайских блох не нахватайся.

- Древнекитайских? - насторожился Сумкин. - В каком смысле?

Чижиков и Ника переглянулись.

- Надо уже ему сказать, - кивнула девушка.

- Что сказать?! - щедро обсыпал пеплом себя и траву Сумкин. - Да что вы все темните и темните? Мало что ли мне приключений? Сначала самолет, потом крушение и белая фигня, потом откуда ни возьмись - садово-парковое хозяйство и вы со своими приколами. А я, может, курочку доесть хотел! А мне сразу - давай, беги во всю прыть. А я, между прочим, забыл, когда в последний раз бегал и вообще физически напрягался! И, наконец, древнекитайские блохи и какие-то там солдаты! Милая девушка, вы упоминали солдат или мне показалось?

- Солдаты, да, - подтвердила Ника. - Они там остались.

- Федор Михайлович, - внушительно сказал Чижиков. - Ты только не волнуйся…

- Хочешь, я сяду? - уныло спросил Сумкин и сноровисто опустился на траву. - Ну, я готов. Вываливай!

- Видишь ли, Федор, - Котя слегка замялся: он и сам до конца не верил в реальность происходящего, точнее, не хотел верить. Ну, не нравилось ему такое происходящее. - Понимаешь… тут как бы нет электричек.

- Что нам мешает выйти на шоссе и поймать машину? - спросил Сумкин. - Или рядом нет шоссе?.. Ну, а грунтовка какая-нибудь да найдется? А там глядишь - аграрий на телеге… В конце концов, можно просто позвонить!

Он вытащил видавший виды мобильник, попытался включить и тупо уставился на экран.

- Гм. А куда делась сеть, позвольте поинтересоваться?

- В том-то и дело, Федор Михайлович, - вздохнул Чижиков.

- Здесь нет сети. Нет электричек. Нет шоссе. Еще нет.

- Ну и задница! - восхитился Сумкин. - И как же мы выберемся в лоно цивилизации, чтобы вдоволь надышаться выхлопными газами? Постой, - осекся он. - В каком смысле - еще

нет?

Чижиков, внимательно наблюдая за другом, поведал ему то немногое, что знал сам - в основном от Ники. Девушка периодически кивала, не очень убедительно улыбаясь.

- В утлые стенки моей души колотится бытийный ужас, - сообщил Сумкин, выслушав Котю.

Он немного помолчал, разглядывая попусту тлеющую сигарету, и вдруг разразился демоническим хохотом.

- Ах-ха-ха-ха! Ну, вы даете! Древний Китай! Какой-какой год, вы говорите, милая девушка?

- Двести десятый, - ответила Ника.

- О! Ну надо же! Двести десятый!

- До нашей эры, - уточнила девушка.

- Так это же просто великолепно, друзья мои! - вскричал Сумкин, быстро поднимаясь на ноги. - А вы знаете, что именно в этом году помер первый китайский император Цинь Ши-хуан? Ну-ка, пошли, посмотрим на его похороны! Одноклассник, ты тут ориентируешься? В какую сторону идти к Цинь Ши-хуану? Я всю жизнь мечтал с ним повидаться!

- Федор Михайлович!

- Ну ладно, ладно, - Сумкин устало прислонился к валуну. - Нет, серьезно, ребята, пошли уже на станцию. Хватит шутить над старым больным китаистом. Мне еще как-то до Пекина добраться надо, у меня конференция, доклад.

- Понимаешь, Федор, - начал Чижиков. - Пекина, похоже, тоже еще нет. Наверное.

- Наве-е-е-ерное, - передразнил его Сумкин. - Само собой, откуда в третьем веке до нашей эры взяться Пекину! Тут вообще мало еще что есть. Тьфу, да что это я, в самом-то деле! Совсем уже свихнулся с вами, заговариваться начал. Поехали в Питер!

- Погоди-ка! - остановил его Котя.

Сумкин настолько искренне отказывался верить в то, что оказался в далеком прошлом, что Котя и сам засомневался, да пуще прежнего. Он отошел от валуна шагов на двадцать и, повернувшись спиной к Нике и Федору, сунул руку в карман джинсов - туда, где лежала фигурка дракона. Чижиков намеревался с помощью предмета попытаться «пробить» кого-нибудь из знакомых, а уж потом решать по обстоятельствам: если удастся - значит, где-то недалеко и впрямь должны ходить электрички, а у озера он наблюдал съемки исторического фильма, а вот если нет…

Дракона в кармане не было.

Тут уж Чижиков всполошился не на шутку: обшарил и вы вернул все карманы. Снял куртку и буквально выпотрошил ее.

Ничего. Ни следа. Дракон исчез.

- Потерял что-то? - спросил подошедший Сумкин.

- Да… - выдохнул Чижиков. Дракона не было, и внутри будто что-то оборвалось. Возникло острое тоскливое чувство чудовищной потери. - Вроде того. Слушай, Федор, - Котя обернулся к другу. - Глянь мне в глаза. Только смотри внимательно!

- Ну, смотрю.

- Какого они цвета?

- Обычного.

- Одинаковые по цвету?

- Абсолютно! - Сумкин посмотрел на Котю с подозрением. - Слушай, старик, что-то ты меня настораживаешь в последнее время. То вдруг воспылал жаждой знаний, чего за тобой отродясь не водилось, то за глаза волнуешься. А я говорил тебе, говорил: вывихнешь головной мозг - другого потом не купишь. Знания - они, брат, такая вещь, что…

- Да брось ты, Федор! - оборвал его Чижиков. Пропажа дракона подкосила его, мысли путались, холодное отчаяние подкатило к горлу. - Перестань уже ерунду молоть! Говорят тебе: мы в третьем веке до нашей эры! Меня сюда перенесла вот она, - Котя ткнул пальцем в Нику. - А ты, ты откуда здесь взялся? А?!

- Смотри-ка! - вдруг округлил глаза Сумкин, глядя Коте за спину. - Человек!

Чижиков медленно обернулся.

Шагах в пятидесяти от них застыло нечто, весьма напоминавшее по виду человека: сгорбленное, одетое в грязную дырявую дерюгу существо, украшенное длинной, черной и крайне растрепанной шевелюрой, в которой застряли сухие листики и прочий мусор, с жидкой бороденкой и решительно босое. Существо опиралось на не менее его самого изогнутую палку, на шее у существа висели блестящие побрякушки на веревочках. Полуоткрывши рот, в котором хорошо просматривались два одиноких кривых зуба, и вытаращив раскосые глаза, пришелец в полнейшем изумлении созерцал Чижикова и Сумкина.

- Простите, пожалуйста! - обратился к нему Сумкин. - Вы не будете столь любезны подсказать, как пройти на станцию?

Существо затрясло бороденкой, вытаращило глаза еще больше и начало поднимать свободную от клюки руку с растопыренными пальцами.

- Не бойтесь! Мы не сделаем вам ничего плохого, - заверил великий китаист. - Нам просто нужно в город.

- А-а-а-а-а-а!!! - изо всей мочи заорал пришелец и замахал рукой, отгоняя Сумкина прочь.

Существо, воя и икая от ужаса, вознамерилось обратиться в бегство, и тут рядом с приятелями встала Ника.

- Это плохо, - сказала девушка из будущего и быстро нажала пальцем на часики, что были у нее на левом запястье.

Что случилось потом, Чижиков не понял.

Мир внезапно вздрогнул, вспыхнул ярче яркого - Котя от неожиданности даже зажмурился, а когда открыл глаза, пугливого пришельца с палкой нигде видно не было.

- Что? - только и смог вымолвить Чижиков.

ЭПИЗОД 6 Благовещий зверь

Поднебесная, уезд Пэйсянъ, III век до н. э.

На душе у смотрителя Лю было тревожно.

Неладно стало в Поднебесной. Многотрудное строительство и многочисленные работы на благо державы, за коими неустанно надзирало зоркое око великого владыки, день ото дня истощали народные силы. В уезды зачастили гвардейцы, требуя в повинность новых и новых людей; нужды столицы и двора в провианте и мастеровых умножались и умножались. Лю Бан горестно смотрел, как из уезда утекают рабочие руки - кто на отработку повинностей (и возвращались очень немногие!), а кто, не вытерпев гнета, в разбойную вольницу. Если так и дальше пойдет, кто будет обрабатывать поля?

Здесь и там вспыхивали волнения, возникали бунты, и солдаты владыки уже не успевали их усмирять и подавлять. Чуть не каждый день шли известия о нападениях вольных людей на караваны с продовольствием и лодки с зерном, что без конца направлялись в столицу. Выслушивая такие вести с неизменной печалью, Лю Бан уже не мог, как в прежние времена, должным образом исполнять долг смотрителя и обеспечивать необходимый порядок на дорогах и трактах, железной рукой выкорчевывая разбойные гнезда и дотла разрушая станы вольных людей. Ибо с того памятного вечера, когда судьба его в одночасье перевернулась, Лю Бан не был более своему долгу всецело верен. Ведь брат его Лю Кан укрывался сейчас в одном из многочисленных разбойничьих станов, куда сам Лю Бан тайно его и направил.

Да и как быть верным долгу, если в Поднебесной нарастает нестроение, а владыка Цинь не делает ровным счетом ничего, чтобы восстановить великое равновесие, и лишь ужесточает наказания и учащает казни.

Право на правление Поднебесной ускользает из рук императора, и многие тому есть свидетельства!

Позавчера люди принесли весть, что недалеко от столицы видели цилиня - животное редкое, чудесное, являющееся миру

лишь в такие времена, когда грядут громадные пере мены или волнения: жестокие войны, страшные наводнения или воцарение нового владыки. Рассказывали и о белой сове, которая якобы сидела утром на главных воротах дворца. А в соседнем уезде лошадь будто бы ожеребилась волчонком…

Да что говорить: сегодня среди бела дня в озеро Вэйминху, что в четверти часа пешего пути от уездного городка, коим был поставлен управлять Лю Бан, снизошел с небес в громе и пламени огромный дракон!

Небесный дракон лишил Лю Бана остатков душевного покоя, которого и так недоставало с той самой злополучной ночи, когда в ворота его дома постучал брат, беглый десятник Лю Кан. Эта ночь внесла в жизнь Лю Бана большую и страшную тайну, которая заключалась в маленькой - блестящей и гладкой, слегка покусывающей пальцы - фигурке дракона, что почти насильно вложил Лю Бану в руку в тот памятный вечер Фэй Лун.

Сей непостижимый человек исчез из дома смотрителя в тот же вечер - исчез неведомо куда и с тех пор не возвращался, а дракончик остался. В ушах Лю Бана до сих пор звуча ли слова Фэй Луна: «Тебе, Лю Бан, суждены великие дела. И поможет тебе в исполнении предназначения древний амулет». Лю Бан пока плохо представлял себе, какие именно и насколько великие дела ему суждены, но в том, что он стал обладателем таинственного древнего амулета, ничуть не сомневался.

Дракончик обладал сверхъестественной волшебной силой, в чем Лю Бан убедился самолично. Случилось это через несколько дней после того, как мучимый судьбой старшего брата, Лю Бан под покровом ночи решился, наконец, отправить его к вольным людям, ибо не находил другого выхода. Прошло время, но никаких вестей от брата смотритель так и не получил, хотя глупо было надеяться, что подобные вести придут в дом государева чиновника - разве что в образе стражников, желающих ввергнуть проштрафившегося смотрителя в темницу.

Лю Бан переживал за брата. Однажды вечером, в уединении с вином и печалью в сердце, он вынул из-за пазухи дракончика, сжал его в кулаке - ибо предмет сей успокаивал смотрителя - и ясно представил себе Лю Кана… Мгновение - и Лю Бан воочию увидел брата: голый по пояс, тот сидел в окружении таких же обнаженных молодцов у костра, что- то ел из чашки, прихлебывал вино, раскатисто смеялся… Лю Бан видел все это словно наяву, только не слышал ни звука: старший брат шевелил губами, но слов было не разобрать. Смотрителя обуял страх, дракончик выпал из его ослабевших пальцев, и Лю Кан тотчас исчез с глаз, как будто его и не было. Лю Бан встрепенулся, привстал: вокруг

снова был привычный кабинет, и светильник по-прежнему коптил, бросая на стены причудливые тени, и вино еще не остыло.

С того вечера Лю Бан не раз пользовался дракончиком, чтобы увидеть брата. Он всецело уверовал в волшебную силу древнего амулета и в то, что не зря стал его владельцем.

И вот-те на: в подведомственной ему местности нисходит с небес в озерную глубь грозный повелитель водной стихии - дракон! Не этого ли знака втайне ждал Лю Бан, наблюдая умножающееся в Поднебесной нестроение? Тут дракон - и здесь дракон. И все эти драконы - вокруг него, Лю Бана!

Что-то случится еще?

Оттого он не очень-то и удивился, когда услышал стук в дверь и увидел, как следом за мальчиком-слугой Сунем Девятым вбегает и падает ниц Ян Гэ, чей дом стоит на окраине городка, аккурат за глинобитной стеной у восточных ворот. Вбегает и срывающимся голосом орет, что во двор к нему прямо сейчас явился благовещий зверь.

Лю Бан быстро собрался и, задержавшись на минутку, чтобы дать указание мальчику-слуге, отправился вслед за Яном.

Сунь Девятый догнал их уже на улице.

В руках его был кувшин с вином.

- А где дедушка с палкой? - внезапно тонким голосом спросил Сумкин. - И почему я снова стою у этого камушка? А?

- Ника? - Чижиков повернулся к девушке.

- Нельзя было ему позволить увидеть нас в таком виде, - ответила она, зачем-то одернув юбку. И замолчала.

- Вид у тебя и впрямь того… смутительный. Но что ты сделала с этим старикашкой? - поднял брови Котя.

- Ну я… - Ника замялась. - Словом, я воспользовалась ТК.

- Чем-чем? - спросил приблизившийся на ватных ногах Сумкин. - ТК?

- ТК - текор, иными словами, темпоральный корректор! - Ника, казалось, слегка рассердилась на непонятливость Сумкина. - Вот он!

Она показала левое запястье, которое обхватывал тонкий блестящий ремешок с часами.

- Какие занятные часики…

Сумкин склонился над ее рукой, поднял очки на лоб, вгляделся.

- Швейцарские? Сколько камней?

- Ника, - с нажимом сказал Чижиков. - Объясни толком.

- Текор - это такое устройство, которое может возвращать

хозяина во времени на пять минут и три секунды, - со вздохом произнесла Ника.

- Опа! - Сумкин водрузил очки на место. - То есть этот юродивый дед с палкой…

- …еще сюда не пришел, - кивнула Ника. - И нам не худо было бы спрятаться, чтобы он нас не заметил.

- Ты в это веришь, старик? - спросил Сумкин Чижикова. - Потому что я - не очень.

- Верю или нет - другой вопрос, - ответил Котя. - И мы можем попробовать ответить на него через пять минут и три секунды, точнее, уже меньше. Есть предложение: прячемся вон в тех кустах и наблюдаем.

- И если старый хрен таки припрется? - спросил небеса Сумкин, но рюкзак Ники подобрал и к кустам направился с видом самым решительным.

- Ничего не случится, - сказал Чижиков, ухватив Нику за руку и устремившись за ним следом. - Разве что мы убедимся, что эта штука, текор, работает.

Они вломились в кусты и плюхнулись на землю.

- Ой, - тихо выдохнула Ника, - коленку поцарапала.

- Тихо! - велел Чижиков. Котя чувствовал: от того, что произойдет в ближайшие минуты, прямо зависит, поверит ли он до конца в то, что они оказались в древнем Китае, или нет. - Тихо…

Сумкин хотел было что-то сказать, но лишь рукой махнул.

Они во все глаза уставились на прогалину.

Некоторое время ничего не происходило, а потом из-за ближайших деревьев показался давешний старикашка и, помогая себе палкой, тряся головой и что-то тихо бормоча под нос, неторопливо пересек поляну и скрылся в роще. В сторону кустов, где скрылись Чижиков, Сумкин и Ника, он даже не посмотрел.

- И что это должно значить? - строго спросил Сумкин девушку, с огорчением рассматривавшую оцарапанную коленку.

- Ну… - Ника похлопала ресницами. - Болит.

- Милая девушка! Дорогая гостья из будущего! - оскалился Сумкин. - Я вас не про колено ваше спрашиваю, а про этого старого идиота, великодушно простите мне подобное выражение! Почему, расскажите мне подробно, он про нас не помнит, а мы - помним и в кусты сбежали? Насколько я представляю себе теорию перемещений во времени…

- Федор Михайлович! - взмолился Чижиков. - Ну какую теорию? Что ты себе представляешь? Уже пора прийти в себя!

- Ладно, ладно! - выставил Сумкин ладони вперед. - Хотя, старик, я в свое время читал один журнальчик, и там…

- Федор! Кстати, Ника, и впрямь неувязочка логическая получается. Если дедок нас видел, как и мы его, а потом мы перенеслись на пять минут в прошлое, то отчего мы про деда помним, а он про нас - нет?

Ника вздохнула:

- Я в этом не разбираюсь, но только те, кто используют текор, сохраняют память после коррекции, а остальные - нет. Дедушка просто никогда нас не встречал. И все дела.

- Гм… - подал голос Сумкин, закурив очередную сигарету. - И что, у вас там, в будущем, у всех такие фигулины имеются?

- Что вы! - широко раскрыла глаза Ника. - Текоры строго контролируются, самовольная темпоральная коррекция строжайше запрещена, это одно из самых тяжких преступлений. Мне текор выдали только потому, что эта миссия очень сложная.

- Вот тут мне стало буквально легче! - воскликнул Сумкин. - Я всегда был за то, чтобы контролировать эту… как ее?., темпоральную коррекцию. По-моему, общество, в котором темпоральная коррекция не контролируется, просто обречено на вымирание.

- Совершенно верно!

Ника посмотрела на Сумкина с уважением.

Чижиков пихнул друга локтем в бок.

- А там что, батарейки? - указал на часики Котя. - Заряда надолго хватит?

- Это трехразовое устройство, так что пара раз у нас в за пасе есть. А потом - все, энергии не будет.

Установилось недолгое молчание. Только Шпунтик где-то поблизости самозабвенно кого-то ловил и яростно шуршал ветками.

- Так… Давайте тогда составим какой-нибудь план действий? - предложил Котя. - В древнем мы Китае или нет, а план нам нужен.

- План простой, - стряхнул пепел на траву Сумкин. - Ищем станцию, покупаем билеты и возвращаемся в Питер. Отличный план, по-моему.

- Ника! - Чижиков обернулся к девушке. - Ты меня сюда затащила, тебе и излагать. Какой у тебя план?

- Значит, так, - Ника оживилась, - предполагалось, что вы с котом посидите где-нибудь здесь в кустах, пока я не схожу в ближайшую деревню и не раздобуду там местную одежду, а также не договорюсь о ночлеге. Таким образом мы легализуемся. А завтра с утра - двинемся в сторону столицы, потому что наша цель находится там.

- И что же это за цель, позвольте поинтересоваться? - Сумкин

самозабвенно пускал колечки из дыма. - Не хотим ли мы, например, спереть Цинь Ши-хуана прямо из дворца? Хотим? Ведь хотим, да? Ну скажите, скажите, что да! Ну пожа-а-а-луйста!

- Он всегда такой? - спросила Ника Чижикова.

- Всегда, - кивнул Котя. - Плюс испуган и ничего не понимает. Я, кстати, в аналогичном состоянии.

- Кто это тут испуган? - тут же выпятил грудь Сумкин, но как-то не очень убедительно.

- Ты, ты испуган, - кивнул Чижиков. - А кто бы не испугался?

- Но у нас проблема, - подхватила Ника. - Откуда ваш друг здесь взялся? Потому что такого быть не должно ни при каком раскладе. Этого не было в расчетах.

- Называйте меня Федором, - любезно разрешил Сумкин.

- Спасибо, - улыбнулась Ника. - Так вот. Я понятия не имею, откуда взялся Федор. Но внешние признаки материализации указывают на сходную технологию.

- Люблю, когда ты так говоришь. Переведи.

- Милая девушка имеет в виду, что я появился из воздуха похожим способом, - разъяснил Сумкин. - Задействована была такая же технология, старик. Я сидел себе в самолете, кушал курицу, хотел выпить пива и поспать, а тут самолет затрясся как ненормальный, все вокруг побелело - и опаньки, приплыли!

- Убедительно, - согласился Чижиков. - Очень, то есть, похоже. Ника, есть предположения, как так могло случиться?

- Никаких, - отрицательно мотнула головой девушка.

- Превосходно, - Котя посмотрел на Сумкина и тоже вытащил сигарету. - Кстати, Федор Михайлович, ты табачок-то экономь.

- У меня с собой еще две пачки. Но ты даже не надейся, старик, - сварливо ответил Сумкин.

- Что-то мы постоянно отвлекаемся, - задумчиво проговорил Чижиков. - А надобно о главном задуматься. Предположим, мы в древнем Китае. Предположим, я сказал! Вот мы каким-то чудом вписываемся в местное народонаселение и попадаем в столицу. Что дальше?

- Дальше нам надо попасть в дворцовую сокровищницу и изъять оттуда одну вещь, - с готовностью продолжила Ника, но громкий смех Сумкина оборвал ее.

- Нет, я буквально изнемогаю, на вас глядя! - веселился Федор. - В столицу! Потом в сокровищницу! В дворцовую! Срочно накапайте мне триста капель валерьянки, чтобы я прямо здесь и сейчас не умер от смеха! Как вы это себе представляете, друзья мои? Мы, типа, явимся в столицу здешнего Китая, кстати это город-герой Сянъян, и спросим у первого встречного: где тут, чувак, у вас сокровищница богатая? А он: да вот, пожалуйста,

сейчас сто метров по этой улице пройдете, потом направо, а там уже и дверь здоровая будет. Это сокровищница и есть. Ну и мы, типа, к той двери подойдем, культурно так постучим и скажем: привет, ребята, у вас одна штуковина завалялась, так мы ее, того, заберем. Нам она, вроде как, гораздо нужнее. А они нам: да пожалуйста! Хоть все забирайте. Нам оно вообще без надобности. Нам только легче будет: ничего сторожить не надо, можно наконец как следует чайку попить, тем паче вон, Чжан уже свеженького заварил, кстати, не хотите на дорожку по чашечке?

И опять воцарилось молчание: а ведь и правда.

Сумкин победно дымил сигаретой.

- У меня только один вопрос остался, - через некоторое время ехидно заговорил он. - Вот когда нам в сокровищнице нужную вещь - кстати, что это? - добровольно выдадут, мы куда дальше направимся? В смысле: прикупим несколько соток земли в нелюдной местности и заживем счастливой сельскохозяйственной жизнью, коровки там всякие, куры, гуси га-га-га, или же будем как-то выбираться домой, в объятья цивилизации? А?

- Ника? - вопросительно посмотрел на девушку Чижиков.

- Ну, дядя… - Ника осеклась. - В общем, надо забрать вещь из столицы. Потом плывем по реке. Там будет такое место, особое, которое перебросит нас в наше время. И все станет очень хорошо!

Она улыбнулась. Правда, не очень уверенно.

- М-да… - пробормотал Чижиков. - Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что… А что на деле нужно из сокровищницы забрать?

- Старик, ты что, серьезно?! - восхитился Сумкин.

- Да погоди. Так что?

- Я не знаю, - виновато пожала плечами Ника. - Это должны определить вы… Костя. Именно вы должны узнать, что именно. Такая у вас роль в этой миссии.

- Я?! - вытаращил глаза Чижиков.

Из зарослей травы вышел Шпунтик, уселся и стал внимательно прислушиваться к беседе.

- Да, - подтвердила Ника. - Вы.

- Милая моя, надеюсь, ты понимаешь, сколь идиотски выглядит весь этот твой так называемый план? - спросил Котя.

- Не говоря о том, что я понятия не имею ни про какую вещь из сокровищницы. Авантюра какая-то!

Ника кивнула.

- Но другого выхода нет, - развела она руками. - Потому что иначе ни ваше, ни мое будущее не состоится. Таким, как мы его сейчас знаем.

- Значит, линия времени в будущем кардинально изменится в

результате какого-то искусственно спровоцированного вмешательства в прошлом? - раздумчиво спросил Сумкин.

- Вроде как пошел поохотиться на динозавров, случайно наступил на бабочку, эволюция пошла по иному пути и кругом одни разумные рыбы?

- Ага, - подтвердила Ника.

- Ну вы, братцы, даете, - покрутил головой Федор. - Ненаучная фантастика какая-то.

- Выбора нет, - печально произнесла Ника.

- Выбор есть всегда, милая девушка, - наставительно сказал ей Сумкин. - Всегда. Можно, например, пойти в другую сторону.

- В какую? - Чижиков встал. - Давайте пока действовать по плану, а там посмотрим… Только скажи, ты что же, в таком прямо виде к местным и пойдешь? - он критически оглядел Нику, ее жакетик, кружевной воротник блузки, короткую юбчонку. - Вряд ли они отнесутся с пониманием.

- Нет-нет! - Ника подхватила рюкзачок. - Отвернитесь, пожалуйста, и не смотрите.

Сумкин и Чижиков послушно отвернулись. За их спинами Ника зашуршала одеждой.

- Все, можно!

Они обернулись. Перед ними стояла преобразившаяся Ника: в мешковатой, невзрачной и несвежей на вид одежде странного кроя: что-то вроде куртки с запахом, широкие штаны. Волосы покрыты серым платком, завязанным на затылке. Лицо тоже неуловимо изменилось - приобрело явные монголоидные черты и уже не блистало привычной чистотой.

- Да… - Чижиков мысленно сравнил ее с крестьянами у озера и дедушкой с палкой. - А что, вполне.

Сумкин только хмыкнул.

- Ну, я пошла. Ждите меня здесь.

Ника скрылась за ближайшими деревьями.

- Интересно, как она с ними объясняться будет, - проронил Сумкин. - Если это и впрямь каким-то чудесным чудом древние китайцы.

- Может, она по-китайски говорит, - неуверенно предположил Чижиков. - Ты же говоришь!

- Говорю, - согласился Федор. - Только по-китайски, а не по-древнекитайски. Видишь ли, старик, нам доподлинно неизвестна фонетика древнекитайского языка, то есть мы не знаем, как он звучал. Тем более во времена Цинь Ши-хуана. На нем кучу лет уже никто не разговаривает. Есть смелые попытки реконструкции, но и только. Так что…

Они ждали примерно минут сорок и за это время успели так

и этак обсудить ситуацию, в которой оказались. Сумкин все больше печалился о том, что теперь не окажется вовремя в Пекине и не сделает свой треклятый доклад, который, как признался великий китаевед, был только удачным поводом посетить страну изучаемого языка за государственный счет. Несмотря ни на что, Сумкин продолжал считать, что они находятся в одном из удаленных питерских пригородов и что надо делать ноги в сторону станции и электричек. Главное, что до сих пор удерживало Сумкина в кустах, где их оставила Ника, был не совсем нормальный способ, которым его в данный пригород перебросили. Сюда же следовало добавить странное происшествие с дремучим дедком, а также чувство товарищеского локтя, которое, по словам Сумкина, у него было чрезвычайно развито. Иными словами, Федор считал недопустимым бросить Чижикова в лесу одного, хотя, с его точки зрения, причин сидеть в ку стах не было ни одной.

- Да, - говорил он Коте, - да, старик, я тебя очень хорошо понимаю, очень симпатичная девчонка, тут, поверь мне, двух мнений быть не может. Но! Старик, пойми и ты, что женщины нахально пользуются своей неземной красотой и непереносимым обаянием в самых низменных целях, то есть порабощают нас, самцов, вьют из нас веревки и постоянно пытаются приучить с первого раза выполнять команду «к ноге!» Неужели, старик, ты этого не понимаешь? Ведь такая у них, у женщин, природа - и они ей не могут противиться! И с чего ты взял, что данный экземпляр чем- то принципиально отличается? Нет, старик, правда, я ведь их, девочек, девушек, женщин и дам, люблю поголовно и совершенно самозабвенно, но при том постоянно имею в виду, что между нами все время идет незримая борьба, больше всего напоминающая перетягивание каната под ковром.

Чижиков слушал друга, отвечал невпопад, а сам думал, что он в очередной раз толком не знает, кому и во что верить. Вот взять того же Сумкина: откуда он тут взялся? Даже если принять точку зрения самого Федора о том, что мы не далеко от Санкт-Петербурга. Как тут появился Сумкин, по чему именно на пути у Коти - так вовремя и так к месту? И отчего - совершенно аналогичным способом, как и сам Котя с Никой и со Шпунтиком в клетке? Ведь не выскочил же Сумкин из кустов с диким криком, не нашелся пьяный в стогу, а материализовался в сияющем белом коконе. Это о чем-то говорит? Или нет? Вопросы, вопросы… В последние дни вокруг Чижикова вертелось так много странных людей со странными намерениями, что он готов был уже подозревать в нехорошем всех и каждого. Даже Сумкина.

А если они действительно перенеслись во времени аж и

третий век до нашей эры?! Это же вообще черт знает что! Таких случайностей просто не бывает. Ни-ког-да!

И еще дракончик пропал…

В сложившейся ситуации у Чижикова было одно существенное преимущество: он привык жить один, делился насущным исключительно со Шпунтиком, и потому мучившая его потребность рассказать о своих питерских приключениях, о нынешней пропаже дракончика с его поразительными свойствами, довольно быстро иссякла. И теперь Котя разговаривал с Сумкиным, аккуратно следя, чтобы не сболтнуть чего лишнего.

Шпунтик кружил вокруг, то появляясь из травы или выныривая из кустов, то снова исчезая. Кот чутко прислушивался к окружающему миру, он первым возвестил о том, что к месту вынужденной стоянки Чижикова и Сумкина кто-то приближается: бросился хозяину под ноги и уселся там, оборотясь мордой к потенциальному противнику и чутко навострив уши. Имея большой опыт общения с людьми, Шпунтик знал, что они достаточно бестолковы, чтобы сделать правильные выводы из его поведения: как именно прибежал кот, какой походкой, как при этом вел себя кошачий хвост. А ведь любому должно быть ясно, что кот прибежал взволнованный, а его хвост буквально кричит о том, что сюда идут. Но у людей, как говорится, мозгов кот наплакал, поэтому Шпунтик подал дополнительный звуковой сигнал, то есть коротко мявкнул.

- Что такое, мой хвостатый друг? - наклонился к нему Чижиков и легко потрепал по голове. - К нам гости?

Тут из-за деревьев вышла Ника, и Шпунтик расслабился.

- Ну, как там древнекитайское население? - с плохо замаскированной издевкой поинтересовался Сумкин.

- Все спокойно, - улыбнулась ему Ника и уронила на траву приличный матерчатый сверток, перетянутый грубой веревкой. - Я договорилась с одним селянином. Он пустит нас переночевать.

- А это что? - указал Чижиков на сверток.

- Одежда, - объяснила Ника. - Вам надо переодеться. А свою одежду запакуйте потуже вместо этой. Я отвернусь, - пообещала она и действительно отвернулась.

Чижиков поглядел на Сумкина.

Сумкин поглядел на Чижикова.

Оба хмыкнули.

Солнце начало клониться к закату. Шпунтик осторожно обнюхал сверток и звучно чихнул.

- Будь здоров, кот!

И Котя стал развязывать веревку. На свет явились похожие на

Никины одеяния: широкие штаны, странные рубахообразные куртки, какая-то обувка наподобие лаптей с обмотками, головные платки. Все далеко не первой свежести, весьма ароматное.

- Пахнет, - пожаловался Сумкин, двумя пальцами удерживая штаны. - Тут наверняка полно древнекитайских блох.

- Это, барин, ничаво, - глумливо ответил Чижиков, скидывая джинсы. - Переодевайся. Нас ждет большое приключение. Квест.

- Блох нет, - заверила Ника. - Я все обработала.

Котю так и подмывало спросить, чем именно, и он удержался с большим трудом.

Когда с одеждой было покончено, старую упаковали в два узелка и перетянули все той же веревкой. Затем Ника достала из рюкзачка два небольших баллончика и, попросив Сумкина с Чижиковым закрыть глаза, опрыскала их руки и физиономии, после чего сунула рюкзак в дорожную торбу, made in Ancient China.

- Эва, старик, - сказал Сумкин, протерши очи и уставившись на Чижикова, - да ты у нас, может, и не китаец, но уж уйгур - точно.

Чижиков посмотрел на Федора и увидел, что лицо друга неуловимо преобразилось - как и у Ники: стало темнее, грубее, приобрело пусть и не ярко выраженные, но явно азиатские черты. Вроде бы, Сумкин - и в то же время уже не совсем Сумкин.

- Не понял, - Котя провел пальцем по лицу, затем внимательно осмотрел палец. Никаких следов грима. Сумкин тут же последовал его примеру и вопросительно на Нику уставился. - Это что за аэрозоль такой, что внешность меняет? Тоже штучка из будущего?

- Ничего особенного, - улыбнулась Ника. - Обычное косметическое средство. Повсюду продается. Здесь, правда, есть некоторые дополнительные изменения.

- И что, нам теперь до конца жизни уйгурами ходить?

- Вовсе нет. Но такая у нас легенда, - ответила Ника. - Мы путешественники, торговцы, наш караван ограбили. Мы еле спаслись… Костя, возьмите, - она протянула Чижикову длинный узкий кусок тряпки. - Пластырь на руке. Надо его замаскировать.

Котя принял тряпку и замотал прикрытый пластырем порез на ладони.

- Торговцы! Надо же! Может и сработать, - ухмыльнулся Сумкин, затягивая потуже тряпичный пояс и засовывая за пазуху пачку сигарет. - Еще бы нам по сабельке какой- никакой, - мечтательно пожелал великий китаевед. - Ну, или, например, ускоренные курсы древнекитайского языка для адекватного понимания окружающих, - подмигнул он Чижикову.

- Курсы не понадобятся, - сказала Ника.

- Правда? - вытаращился на нее Сумкин. - А как же тогда будет осуществляться, извините меня за такое слово, вербальная коммуникация с местным населением? По мне так было бы неплохо понимать, что вокруг говорят и к какой конкретно матери тебя послали. Ну - чтобы адекватно реагировать и вообще не очень выделяться.

- Вот, - Ника протянула приятелям по небольшой грубо вырезанной фигурке на простой веревке. - Повесьте на шею.

- А что это? - разглядывая уродца, поинтересовался Чижиков. Казавшаяся на взгляд деревянной, фигурка, на самом деле, была изготовлена явно из какого-то другого материала.

- Универсальный переводчик. Стилизованный под божка амулет, - объяснила Ника. - Правда, не предполагалось, что нас будет трое.

- Надо же! - восхитился Сумкин, тряся амулетом. - Универсальный переводчик! Здравствуй, светлое будущее! «Стар трэк», не иначе, а, старик? Ты будешь капитан Кирк, а я - коммандер Спок. Вам же, милая девушка, уготована роль Кэс, окампа[2]. Уж извините, но вы дико похожи.

Котя уже ничему не удивлялся и только рассеянно кивнул. Кажется, его не особенно поразило бы, предъяви Ника прямо сейчас действующий атомный реактор - размером со спичечный коробок, крайне нужный в целях выполнения миссии.

- А как же ты сама? - только и спросил он, чувствуя себя в пахучих тряпках с чужого плеча чистым пугалом, и повесил амулет на шею. - Нас ведь действительно не двое, а трое.

- У меня есть способ, - туманно ответила Ника.

- И как оно работает? - Сумкин вертел амулет перед самым носом, близоруко щурясь поверх очков. - Само собой? И будет говорить по-древнекитайски? Моим голосом?

- Да, - кивнула Ника. - А если нужно переводчик отключить, то нажмите пальцем вот здесь, - девушка показала, где именно, - и подержите секунд пять. Переводчик выключится. Включается так же. Можете просто снять с шеи. Эффект будет тот же.

- Сколь пречудны дела твои, великое будущее! - насмешливо воскликнул Сумкин. - А если эта штука у нас не сработает, то…

- Сработает, - заверила Ника.

- Ладно, - махнул рукой Чижиков. - Пошли. Там посмотрим. Шпунтик, не отставай!

- Ты сказал, капитан Кирк, - недоверчиво покачал головой Сумкин. - Ты сказал.

Когда они, петляя между холмами, дошли наконец до того,

что Ника назвала селением, вечер уже явно обозначил себя. Впереди простиралась долина, в которой, у излучины некрупной речки, раскинулся в сумерках небольшой городок: за глинобитной, высотой метра в два с половиной стеной теснились одноэтажные домишки; снаружи к стене там и сям лепились лачуги видом похуже и победнее. С запада на восток городок прорезала прямая и широкая улица, которая начиналась и заканчивалась воротами в стене - высокими, с двумя башнями по бокам. В восточные ворота как раз въезжал небольшой караван - несколько мулов, впряженных в телеги.

- Протрите мне кто-нибудь глаза, - ошеломленно пролепетал Сумкин. - Поднимите мне веки! Так это что, правда?!

- Я же говорила… - в голосе Ники слышался легкий упрек. - Уездный город Сышуй. Добро пожаловать.

И решительно двинулась к городской стене.

- Местный житель, некто Ян, за небольшое количество серебра согласился дать нам приют на ночь, - говорила она на ходу. - На постоялый двор нам лучше не соваться. Помните: мы торговцы, нас ограбили. Если что, говорить буду я. Старайтесь ничем себя не выдать, хорошо?

- Гм… Это… Да… - Сумкин вдруг притих и сделался даже робок. - А это ничего, что у меня очки?

- Думаю, ничего, - ответила Ника. - Вообще-то не знаю. Наверное, очки уже были в это время.

Они направлялись к одному из домишек за городской стеной, неподалеку от ворот. Домик обладал небольшим, обнесенным стеной поменьше, собственным двориком и дымил летним очагом.

- А ты грязью очки намажь, - посоветовал Сумкину Котя. - Вон лужа, черпай скорее. Только не испачкайся.

- Да ну тебя, старик! - возмутился было Федор. - Хотя…

Сумкин нагнулся к луже и гадливо погрузил в нее палец, а потом, сняв очки, осторожно повозил пальцем по дужкам и вокруг стекол.

- Вот когда я окончательно понял, что был прав, не заведя металлическую оправу! - водружая очки на нос, сообщил Федор. - С металлической-то грязь бы враз слетела, а к этой присохнет и не отвалится! Ну, как я вам, зайчик? - торжественно спросил он.

Ника тихонько прыснула в кулак.

Вид у великого китаеведа был комичный: тощая шея, торчащая из великоватой куртки, оттопыренные уши, грязные очки и улыбка от уха и до уха. Вылитый зайчик.

- Тихо… Мы пришли, - Ника стукнула в некрашеную деревянную створку двери.

- Почтенный Ян! - девушка поклонилась показавшемуся в высоких деревянных дверях человеку с добрым морщинистым лицом, в синем халате и длинными седыми волосами, собранными в узел, из которого торчала длинная шпилька. Сумкин и Чижиков переглянулись и поклонились тоже. - Вот мои спутники, почтенный Ян, из зовут… - девушка чуть помедлила. - Сыпокэ и Килэки[3].

- Проходите, проходите, - хозяин распахнул дверные створки. - Ничтожный дом мой убог и беден, достойно принять гостей мне нечем. Я купил немного мяса и вина на те деньги, коими ты столь щедро одарила меня. Отдохните и поешьте с дороги!

На лице великого китаеведа отразилась гамма чувств: явно китайский с виду человек бегло говорил по-русски! Сумкин безо всяких усилий понимал древнего китайца!

Троица путешественников переместилась во внутренний двор.

- Позволь мне узнать и твое имя? - обратился к Нике хозяин.

- Мое ничтожное имя - Кэсы, - ответила Ника.

- Сколь странны ваши имена, чужеземцы! - всплеснул руками Ян. - Из каких вы земель?

Внимание хозяина отвлек внезапный шорох. Обернувшись на звук, почтенный Ян увидел следующую картину: справа, прямо на глинобитной стене, сидел кот Шпунтик и внимательно рассматривал происходящее во дворе.

При виде кота Ян утратил дар речи, рот его самопроизвольно распахнулся, глаза вылезли из орбит. В таком состоянии он пробыл, наверное, с минуту, после чего тихо выдохнул: «благовещий зверь мао!» - и кинулся со двора прочь, едва не вынеся плечом двери.

ЭПИЗОД 7 Те же и Лю Бан

Поднебесная, уезд Пэйсянь, III век до н. э.

Лю Бан быстро шел за Ян Гэ. Едва они вышли из дома смотрителя, он настоятельно попросил почтенного Яна не поднимать излишнего шума, не привлекать внимания, а идти так, будто и не случилось сегодня в Сышуе ничего особенного. Ян, чрезвычайно взбудораженный удивительным созданием, каковое вдруг явилось именно в его доме, с трудом поддался на уговоры: он то и дело порывался рассказать о волшебном событии всем вокруг, в первую очередь ближайшим соседям, и только непререкаемый авторитет смотрителя, человека справедливого, но строгого, удержал его рот на замке. Лю Бан мысленно возблагодарил Небо за то, что Ян был настолько вне себя, когда стремглав бежал к нему, что не раструбил о благовещем звере мао на каждом углу.

По дороге Лю Бан мучительно размышлял. Явление благовещего животного в Сышуе, в его чиновничьей вотчине, - разве это не явный знак Неба? Разве может такое случиться просто так - после всего, что произошло в Поднебесной в последнее время? Особенно после того, что сделал совсем недавно сам смотритель, когда сопровождал очередной отряд плененных разбойников на работы в столицу. Тогда, не будучи в силах глядеть на муки этих людей, он попросту отпустил их на все четыре стороны, отговорившись нападением диких зверей, которым не сумел достойно противостоять.

Кому иному, как не ему, Лю Бану, ниспослан знак Неба?

Но что, если он ошибается? Что, если он неправ? Ясно, что нестроение в государстве достигло предела, но кто положит этому конец, кому суждено снова распространить гармонию управления на земли Поднебесной, чья судьба возглавить великое дело? Неужели эта судьба выпала на долю Лю Бана, скромного уездного смотрителя? Мыслимо ли такое?

Животное - вот ключ ко всему. Лю Бан не был достаточно сведущ в толкованиях знамений, но простые знаки Неба распознать должен! А если нет, то знамение наверняка направлено более подходящему, более достойному человеку.

Потому и важно не поднимать шум преждевременно. Ибо огласка, даже косвенная, может повредить великому делу, если оно заладится. Ибо зорки глаза владыки, чуток его слух, и пусть сердце императора уже не с народом Поднебесной, скорость и неотвратимость карающей длани владыки широко известны. Тут уж лучше поостеречься.

Лю Бан коротко глянул в спину Ян Гэ и машинально сжал рукоять меча. Да, возможно, придется и грех взять на душу. Ян живет один-одинешенек, у него нет родни во всем белом свете, и, коли повернутся дела так, что иного выхода не будет… Смотритель чуть слышно скрипнул зубами. Да, он сделает это. Сунь Девятый предан ему во всем, к тому же совершенно не болтлив - слова лишнего не вытянешь. Мальчишка не подведет. Не выдаст, не предаст. По первому знаку сделает все, как надо.

Да, еще какие-то чужестранцы - торговые люди, подвергшиеся, как сказал Ян Гэ, разбойному нападению и нашедшие приют в его доме. Что за странность? Ежели случилось ограбление, следует явиться к властям и установленным порядком подать жалобу, а не искать ночлега в первом попавшемся доме. Ясно, что Ян за лишний кусок серебра даст пристанище любому, тем паче дом у него стоит пустой, но сами чужестранцы - откуда они здесь, как сюда попали, отчего не проследовали на постоялый двор, в конце концов? Ян сказал, их

трое, в том числе женщина. С виду больше похожи на северян, что налетали в былые времена из степи набегами и чей боевой пыл основательно охладил великий владыка дома Цинь. Теперь они жалуют в срединные земли все больше с торговыми делами. Оно и понятно.

Заметили ли чужестранцы благовещего зверя? И если да, то как с ними поступить? Впрочем, чужаки - они и есть чужаки, с ними проще. Никто их не знает, никто их толком не видел, никто их не хватится.

Ян Гэ распахнул перед смотрителем двери, Лю Бан шагнул во двор и увидел…

- Э-э-э… - только и смог произнести Чижиков, когда гостеприимный хозяин их столь быстро покинул. - Кажется, нас разоблачили.

- Очень возможно, капитан Кирк, - кивнул Сумкин, тоже взволнованный поведением Яна. - Однако же думаю, что настоящее разоблачение последует после возвращения этого шустрого деда со стражниками в придачу.

- То есть?

- Да какое там «то есть», старик! Любому ясно, что мы переодетые чужеземцы. Повяжут, посадят, допросят, - махнул рукой Федор. - Если мы действительно в древнем Китае, мало нам не покажется!

- Мы действительно в древнем Китае, - сказала Ника с нажимом. - И я прошу, прошу вас обоих: поверьте в это наконец и давайте выполним нашу миссию… Да вы оглядитесь вокруг, посмотрите внимательно!

- Гм… - хмыкнул Сумкин, оглядываясь. - Признаться честно, декорации просто превосходные. Еще немного, и я точно уверую. Ой, что это такое интересное?

Он с видом знатного этнографа устремился к сложенному из плоских камней очагу, в котором пылал огонь, а рядом на большом листе какого-то растения, по виду лопуха, лежало нарезанное мясо и чуть поодаль от него в глиняном кувшинчике стояло вино. Осторожно взял кувшин, поднял, понюхал - скривился, стал внимательно разглядывать незатейливый, грубый рисунок, нанесенный на поверхность.

- Неужели все это правда?! - Федор яростно заблестел очками. От возбуждения его крупные уши, казалось, зашевелились. - Обалдеть! Эх, ну почему я никогда не уделял существенного внимания важной науке археологии! Сейчас посмотрел бы на эти предметы кустарных промыслов совсем другими глазами и слегонца определил бы, к какому времени они относятся!

- Между прочим, - заговорил Чижиков, внимательно разглядывая дом Яна, - предполагается, что мы заночуем в этой халупе?

- Думаю, нет, - ответила Ника. - Скорее всего, хозяин позволит нам прикорнуть где-нибудь у стенки во дворе, так что нам понадобятся одеяла.

- Вряд ли у простого человека есть в хозяйстве одеяла, - сообщил Сумкин. - Если это действительно Китай третьего века до нашей эры. В лучшем случае - ветошь тряпичная, а то и просто солома. Солома, кстати, если к ней как следует приглядеться - весьма преизрядная штука, так что…

Великий китаевед осторожно, двумя пальцами, поднял с лопуха пластинку мяса и поднес к носу. Рядом с ним давно уже вертелся Шпунтик: коту все было интересно - и очаг, и лопух, и кувшинчик. Сумкин брезгливо разжал пальцы, и мясом тут же завладел кот.

- Кстати, Федор Михайлович! - Чижиков почесал в затылке. - Скажи-ка мне, а что это наш хозяин при виде Шпунтика так возбудился?

- Ты, старик, невежествен и не знаешь, что китайцы кошку узнали и одомашнили гораздо позднее, - ответил Сумкин, детально исследуя прислоненный к стене деревянный плуг. - Кошки попали сюда, если не ошибаюсь, из Индии и века на два-три позднее. Еще наш учитель Конфуций в часы творческого досуга сетовал: «Шао мао», то есть «Мало кошек». Тянулся Конфуций к кошкам, чисто инстинктивно, но никак не мог получить полного удовольствия от поглаживания и почесывания в виду отсутствия у него собственной чудесной зверюшки. Трагедия, если задуматься, старик… Так что для нашего шустрого хозяина Шпунтик - редкость редкая, которой он в жизни своей видеть не видел. Немудрено, что товарищ обалдел и умчался с криками.

- А что он там про благовещего зверя кричал?

- Так вон зверь-то, - указал пальцем Сумкин, - мясо древнекитайское исследует. Шпунтик называется. Он и есть благовещий до крайности. Таких тут никто не видал отродясь, а сегодня - раз, и на тебе, получите-распишитесь: сидит на стене зверь невиданный и хвостом помахивает. Ясно же, что сидит не просто так, а с умыслом - явился выказать волю Неба, знаменовать грядущие великие перемены и тому подобные вещи. Какой нынче год на дворе, говорите? Двести десятый? И чего вы хотели? Вскоре империя Цинь прикажет долго жить, в Поднебесной начнется смута, и спустя несколько лет на обломках самовластья поднимется новая династия - Хань, которая будет

править долго и поначалу счастливо. Так что Шпунтик явился очень к месту. Нет, я поверить не могу! Неужели мы и правда в гостях у Цинь Ши-хуана?! Старик Килэки, ты понимаешь, что это значит?! Нет, ты вообще понимаешь?

- Тихо! - поднесла к губам пальчик Ника. - Кажется, сюда кто-то идет.

Лю Бан увидел пламя очага, а рядом любопытную троицу. Один высокий, второй пониже, с какой-то странной блестящей штукой на носу, сразу видно, что северный варвар, третья - молодая девица. Одеты, вроде, как обычные простолюдины, ничем не выделяются. Хотя их ограбили, однако, видно, не до конца - недалеко от очага два свертка холщовых лежат, веревками перетянутые, небольшие такие, да дорожная сума. Видно - все, что осталось от торгового имущества, что спасти удалось.

И все же было в этих троих нечто такое… Лю Бан не мог сразу определить, что именно. Настораживающее? Скорее, неправильное. Хотя бы потому, что при появлении чиновника, хоть и без сопровождающих, но все же в официальном платье и в шапке, кланялись они не очень уверенно, не как надо: сначала девица, а уж потом, быстро взглянув на нее, с заминкой, и остальные двое.

Лю Бан ничего по первости не сказал, лишь шагнул через порог, поклоны принял и ответил сообразно положению - рукой слегка повел: вставайте, мол, нечего тут. И с любопытством завертел головою: где зверь благовещий?

Ян Гэ тоже суетился - шею вытягивал, шарил по сторонам глазами, на гостей своих внимания нисколько не обращая, ибо не ради них, убогих, звал в дом самого смотрителя, а ради зверя мао, чудесным образом явившегося в его дворе.

И тут…

Лю Бан вздрогнул: все правда!

Вот и он - благовещий зверь! Глаза как угли - горят-переливаются, о четырех ногах, сам весь сплошь волосатый, уши треугольником, как рога - торчком стоят, к небесам устремились, хвост по земле туда-сюда, так и бьет грозно. Видно сразу: недоволен зверь мао, как приняли его приход, сердится зверь и на Ян Гэ, и на самого смотрителя.

Что делать, что?! Мысли лихорадочно забегали, Лю Бан аж вспотел - и уж потом поспешно колена преклонил, в сторону благовещего животного стал поклоны бить, дабы не прогневалось еще больше и не навлекло на смотрителя, да и на весь Сышуй, беды неисчислимые, не говоря уж о Поднебесной.

- Чего это он? - шепнул Чижиков Сумкину, видя, как новопришедший усердно кланяется Шпунтику, не щадя ни халата своего, явно недешевого, ни шапки. - С ума сошел? А, Федор Михайлович?

- Говорю тебе, старик, он кота никогда прежде не видел, - едва слышно пояснил Сумкин. - Это местный бонза, вишь, халат на нем какой официальный да шапка пирожком, именно за ним наш дорогой хозяин и бегал галопом. Все, сейчас начнется процесс поклонения. Ой, расколют нас, как пить дать расколют! Какие мы, к свиньям собачьим, уйгуры.

- Слушай, - Котя почувствовал себя крайне неловко. - А давай ему скажем, что это просто кот. А то ерунда какая-то получается. Неудобно.

- Да ты что! - зашипел Сумкин. - Если мы уж в древнем Китае оказались, а приходится, кажется, это признать, то нам тут любое преимущество пригодится. За версту же вид но: никакие мы не местные, нас хватать надо да в острог, палок выписать, а уж там мы и сами во всем признаемся - что шпионы северных варваров, что злоумышляем против императора, что скрытые конфуцианцы и далее по списку. Ты удивишься, старик, как тут все просто и какое тут плевое отношение к человеческой жизни. И никаких адвокатов! Нет, теперь нам надо изо всех сил в друганы к Шпунтику набиваться. Теперь он главный, а мы как бы при нем…

- Ни фига себе, - выдохнул изумленно Чижиков, по примеру Сумкина сел на землю и стал наблюдать, как начальник, а вместе с ним Ян Гэ и еще какой-то невысокий паренек, самозабвенно бьют Шпунтику поклоны.

Кот взирал на происходящее с легким недоумением, но в общем и целом не возражал.

Поклонившись девять раз, Лю Бан осторожно поднял голову, дабы посмотреть, какова реакция благовещего зверя - и увидел поразительное: зверь мао уютно устроился у ног сидящего на земле чужеземца, что был повыше, и тот самым обыденным образом гладил благовещего зверя пальцем между ушами! И по всему было видно, что зверю мао такое обращение нравилось!

Совсем оторопел смотритель.

Это что же получается? Вот эти трое - ну, по крайней мере, один из них - общаются с небесными созданиями?! Не иначе это могучие маги. Или вообще святые-бессмертные, по своим непостижимым делам посетившие уездный городок Сышуй.

- Кто вы, о странники? - выдохнул Лю Бан.

- Мы торговцы с севера, - ответила девица. - Лихие люди напали на нас вчерашним днем и ограбили дочиста. Нам самим

еле удалось спастись.

- Поднимись, мой господин, - вдруг заговорил другой чужестранец, с блестящими кольцами, насаженными на нос. Девица кинула на него быстрый взгляд. - Поднимись, ибо не пристало человеку твоего положения и учености в пыли мараться. Сядь с нами у огня этого гостеприимного дома и раздели трапезу.

Речь незнакомца звучала учтиво, и смотритель, мало- помалу успокаиваясь, медленно поднялся на ноги, продолжая во все глаза разглядывать благовещего зверя.

- Но… - Лю Бан замялся. - Не оскорбит ли мое поведение благовещего зверя? Не осердится ли он? Не нашлет ли беды?

- Не беспокойся, достойный господин, - развеял его сомнения чужестранец. Или маг? Или бессмертный? - Ибо хорошо ведома нам природа животного мао! И я заверяю тебя, что не несет это животное вам ни беды, ни разорения.

- Позвольте тогда мне пригласить вас в свой дом, - спохватился смотритель. - Ибо лачуга сия никак не подходит для таких достойных людей, как вы… не говоря уже о благо- вещем звере. Прошу вас не побрезговать моим гостеприимством.

Сидящие чужеземцы переглянулись.

- Мы с радостью принимаем твое приглашение, мой господин, - ответил чужеземец с блестящими кольцами. - Единственно, нам не хотелось бы причинить обиду радушному хозяину нашему, - кивнул он на Ян Гэ, который так и не решился подняться с колен, - ибо гостеприимство его было щедрым и искренним.

- О, не беспокойтесь, не беспокойтесь! - улыбнулся Лю Бан. - Это добрый человек и верный друг, и я буду рад увидеть его в своем доме завтра, после того как вы отдохнете. Сунь Девятый! - позвал смотритель. Рядом тут же возник мальчик-слуга с кувшином в руках. - В благодарность я хочу преподнести моему другу Яну полную меру прекрасного шаосинского вина.

Обомлевший от событий и благоволения смотрителя Ян принял из рук слуги кувшин и благодарно закланялся.

- Следуйте за мной, достойные господа, - простер Лю Бан руку в сторону дверей. - Уже спустилась ночь, вам необходимы еда и отдых. Но прошу вас не привлекать излишнего внимания: добрые горожане наши весьма простодушны и могут прямо сейчас предаться ликованию по случаю вашего прибытия.

- Мы прекрасно понимаем тебя, мой господин, - кивнул чужеземец с кольцами, поднимаясь на ноги. - И нам не хотелось бы стать причиной беспорядков или волнений. Мы проследуем за тобой скрытно.

Высокий чужестранец подхватил на руки благовещее животное, и смотритель окончательно уверился, что незнакомцы

накоротке со зверем мао.

- Ты уверен в том, что делаешь? - прошептал Чижиков Сумкину, пока они шли по темным улицам.

Общаться приходилось на грани слышимости, чтобы не привлечь чужеземной речью внимание смотрителя и его слуги. Хотя Котя, а за ним и Федор, отключили на время свои переводчики, уверенности, что это действительно работает, ни у того, ни у другого не было.

- Пока все идет гладко, старик, - тихо ответил Федор. - Нас ведут в явно более комфортное место, и хотя про водяной матрац можешь, конечно, забыть, но, думаю, одеялами мы там разжиться сможем. Ну и порубаем чего-нибудь помимо завонявшей требухи. Ты главное не пей много.

- Чего мне бояться? - Котя перехватил Шпунтика поудобнее. - Пекинскую народную я уже пробовал.

- И-и-и, старик! - почти беззвучно прыснул в кулак вели кий китаевед. - Размечтался: пекинская народная! Подожди пару тысяч лет. Здесь сейчас такую бражку гонят, что луч me не спрашивать, из чего. Градусов, правда, мало, но ты все равно не налегай. И вы, Ника.

- Я вина не пью, - ответила девушка. - А между прочим, у вас здорово получается с ними беседовать.

- Ну так! - задрал нос Сумкин. - Я же того, профессионал. Я…

- Федор Михайлович! - одернул приятеля Чижиков.

- Ладно, ладно, капитан Килэки, - отмахнулся Сумкин. - Живи долго и процветай.

- Нехорошо с этим Яном получилось, - нарушила молчание Ника. - Хоть я и дала ему серебра, но немного, а человек за едой сбегал, за вином. Невежливо вышло.

- Да все нормально с ним будет, - отмахнулся Сумкин. - Ян больше нам на глаза никогда не попадется, так что можете изжить в себе комплекс вины прямо здесь и сейчас.

- Как так? - широко раскрыла глаза Ника.

- А вы что, милая девушка, думаете про всю эту секретность: не привлекать внимания, простодушные горожане, выпей, Ян, за мое здоровье кувшинчик шаосинского? - ухмыльнулся Сумкин. - Этот вот хрен, - он ткнул пальцем в сторону идущего впереди смотрителя, - очень не хочет, чтобы о нас кроме него кто-то узнал. Прямо до судорог не хочет. Так что Яна мы больше уже никогда не увидим. В живых, я имею в виду.

- Не понял… - удивился Чижиков.

- Ну что тебе непонятно, старик? Прямо сейчас Ян заливает пожар души шаосинским вином…

- И что?

- Какой-то ты на редкость несообразительный, старик! Я просто поражаюсь, что такая милая девушка, как Ника, в тебе нашла! Ты же…

- Федор!

- Да отравил наш новый приятель этого Яна. И все. Обычное дело.

Очевидно, Сумкин был прав: в гости к смотрителю путешественники вошли явно не через парадный вход. Этому предшествовало долгое петляние по темным улочкам, а пару раз их властный проводник останавливался на очередном углу, явно выжидая, когда разойдутся случайные прохожие; да и потом, после очередного поворота, они вышли вовсе не к высоким узорчатым дверям, а к неприметной дверке в стене, ограждавшей дом уездного чиновника.

Хозяин хлопотал вовсю: провел гостей в обширное помещение, зажег несколько бронзовых масляных ламп, послал молчаливого Суня Девятого к какому-то Вану Кривому, сам же обмахнул широким рукавом халата низенький длинный стол и собственноручно уставил его посудой. Тут и мальчик- слуга подоспел, сгибаясь под тяжестью двух плетеных корзин, и из них явились разные яства, коими и был мгновенно уставлен стол, а также кувшины с вином.

- Прошу, прошу! - с легким поклоном простер руки в сторону стола хозяин.

Стульев, конечно же, не было, сидеть полагалось прямо на полу, поджав под себя ноги, что путники не без затруднения и исполнили: уселись. А хозяин уже наливал из кувшина в плоские неглубокие посудины некую бурую жидкость, старательно придерживая рукав халата, чтобы не намочить его.

- Позвольте приветствовать вас в моем убогом жилище! - провозгласил смотритель, двумя руками поднимая свою посудину, и живо вылил в рот ее содержимое.

- Пить наравне с ним вовсе не обязательно, - углом рта разъяснил Сумкин сидевшему рядом Чижикову. - Чокаться даже и не тянись. Не вздумай говорить тосты. И вообще: не хочешь пить - не пей. Это нормально.

Котя с некоторым сомнением поднял диковинного вида глиняную плошку и смочил губы в напитке: вкус был рез кий, непривычный. Бражка какая-то. Стоило Чижикову поставить посудину обратно на стол, как за плечом возник мальчик-слуга и живо наполнил ее из кувшина.

- Ладно, беру переговорный процесс в свои надежные руки, - шепнул Сумкин и громко кашлянул.

- Позволено ли мне будет, - солидно проговорил он, прожевав кусок вяленого мяса, - поинтересоваться драгоценным именем нашего щедрого хозяина?

- Моя ничтожная фамилия Лю, имя - Бан, - с поклоном ответил хозяин. - И я не по заслугам назначен на пост смотрителя этих мест.

Сумкин выпучил глаза и поперхнулся бражкой, которую попивал из плошки.

- Не будет ли угодно моему господину Лю Бану показать, как именно пишется его славное имя? - попросил великий китаевед. - Сделайте одолжение!

Лю Бан легко поднялся, шагнул к стене, у которой притулилось некое подобие высокой этажерки, и, взяв небольшую бамбуковую дощечку, что-то нацарапал на ней заостренной палочкой. Потом, вернувшись к столу, обеими руками почтительно протянул Сумкину.

- Пусть господин простит мою скудную грамотность.

Федор некоторое время смотрел на дощечку сквозь очки,

потом перевел взгляд на Лю Бана и широко улыбнулся.

- Мы премного наслышаны о вас и о вашем мудром великодушии, кое вы ежедневно являете жителям этих земель! - торжественно произнес Федор. - Позвольте вам также сказать, что стиль, в котором вашей рукою начертаны знаки, выдает в вас человека с великим будущим. Знаки взмывают подобно драконам, ниспадают подобно божественным фениксам, сила так и бурлит!

Сообщив все это, Сумкин поклонился Лю Бану, одновременно дергая увлекшегося едой Чижикова за рукав - и Котя последовал его примеру, а за ним и Ника. Лю Бан глядел на них, открыв рот. Выражение явного замешательства на его лице постепенно сменилось настороженным пониманием.

Тут в помещении появился Шпунтик, улизнувший от хозяина перед самым входом. Кот неторопливо и важно приблизился к столу и заинтересованно принюхался к мясу. Потом лапой деликатно подцепил кусок, сбросил на пол.

- О, благовещий зверь мао! - вскричал Лю Бан, распростершись на полу в поклоне.

Шпунтик вздрогнул, оценивающе оглядел смотрителя, уселся у стола, чинно разглядывая мясо, оставшееся на блюде поблизости - стол был достаточно низок, чтобы все выглядело так, будто и кот наравне со всеми принимает участие в пышной трапезе.

- Благовещий зверь, - приподнялся Лю Бан. - Отведай моего скромного угощения. Я не прогневаю зверя такой убогой едой, достойные господа? - вполголоса спросил он взволнованно.

- Нет, господин смотритель, - успокоил его Сумкин. - Благовещий зверь мао считает твое угощение достаточным.

Шпунтик, выслушав все эти речи с удовлетворением, перевел взгляд на Чижикова, и Котя скорчил ему рожу: ешь уже, благовещее животное!

- Не будет ли для тебя обременительным, наш добрый хозяин, предложить благовещему зверю еду на отдельном блюде на полу? - попросил тем временем Сумкин. Шпунтик впервые взглянул на него с благодарностью.

Лю Бан закивал, вскочил, бросился в темный угол.

- Чего это тебя перекосило? - воспользовавшись моментом, быстро спросил Чижиков. - Что он там такое выдающееся на дощечке написал, раз ты ему кланяться начал?

- Да ничего особенного, - Сумкин сиял. - И пишет он, признаться, отвратительно, как курица лапой. Просто это, судя по всему, Лю Бан.

- Это мы и так знаем, - сказала Ника. - Он сам нам сказал.

- Нет, вы не поняли. Если я прав, то это не просто Лю Бан, а Лю Бан, который основал династию Хань. По крайней мере, написание имени и место службы во всем совпадают.

И Сумкин хозяйственно прибрал за пазуху дощечку с автографом первого ханьского императора.

ЭПИЗОД 8 Ночной побег

Поднебесная, уезд Пэйсянь, III век до н. э.

Шпунтик был практически счастлив. Буквально с момента освобождения из тесной клетки. Что было до этого, кот предпочитал не вспоминать. Все эти страшные вещи - их больше не существовало, зато было много всего другого, крайне интересного. Нового!

Сначала кругом оказалось полно природы, травы, деревьев, бабочек и прочей мелкой живности, с которой кот активно пытался познакомиться, и отчасти ему это даже удалось. Столько природы разом кот не видел за всю свою жизнь, не такую и маленькую, между прочим.

Как, впрочем, никогда не сталкивался с ящерицами. Ящерицы были шустрые, но шустрые недостаточно, зато они лихо отбрасывали хвосты, и за короткое время Шпунтик стал обладателем целых трех таких хвостов, шевелящихся, живущих самостоятельной жизнью, но потом за ненадобностью бросил хвосты в очередных кустах. Кузнечик оказался невкусным и заторможенным, мышь - дура дурой, да еще и непуганая: у Шпунтика создалось впечатление, что на эту живность тут, в гуще природы, никто толком не охотился.

Потом - запахи. От запахов, их новизны и свежести, у кота

закружилась голова. Шпунтик как будто сбросил пяток лет - до того оказалось здорово: такие запахи! Шпунтик был готов бегать, прыгать, купаться, летать среди этих одуряющих запахов всю оставшуюся жизнь. Ну, или пока не позовут есть рыбу пикшу.

Кстати, о рыбе. Судя по всему, с рыбой пикшей здесь, в природе, дело обстояло не лучшим образом. По крайней мере, коту нигде не повезло наткнуться хоть на малейший признак пикши. И это слегка настораживало. Нет, кот пока не испытывал голода, но жизненный опыт приучил его периодически заглядывать в будущее. И дома, в его с хозяином квартире, это получалось без особого труда, потому что там существовал источник еды в форме холодильника. Здесь же Шпунтик холодильника нигде не наблюдал. Он наскоро рассмотрел возможность поймать и сожрать, например, дуру- мышь, и решил приберечь такой вариант на самый безнадежный случай. Во-первых, мышь была живая, во-вторых, она была невареная, в-третьих, мышь не сделала Шпунтику ничего плохого. Пока не сделала.

В смысле питания кот предпочитал уповать на хозяина: уж он-то наверняка знает, где тут местный холодильник.

Хозяин между тем вел себя странно, что в общем для него было не слишком характерно. Пусть и ранее Шпунтик многого из поступков хозяина не понимал - часто они казались ему пустой и бессмысленной суетой, и вообще люди странны по самой природе своей. Но теперь хорошо прирученный хозяин взялся выкидывать такие коленца, которые не смог бы предугадать и кот с куда более развитым воображением, нежели у Шпунтика. Для начала хозяин откуда- то взял противного прокуренного Сумкина. Буквально из воздуха. По разным признакам Шпунтик заключил, что Сумкин явился надолго; по крайней мере, скорого его ухода ожидать не стоило. Далее хозяин переоделся в отвратительные тряпки - от них несло землей, дымом и еще целым букетом запахов, ни один из которых Шпунтику приятен не был. Затем хозяин с этим самым Сумкиным и с хорошей девушкой Никой поперся в место, где было полно домов, воняло отбросами и стоял дым костров. И это после изобильного буйства живой природы! Нет бы в траве поваляться! Вместо этого все они зашли в какой-то двор и за крыли дверь у кота под самым носом. Пришлось лезть на стену!

Ладно, тут Шпунтик был не в претензии - дело нехитрое. Подумаешь, стена! Правда, к стене отчего-то забыли присобачить водосточную трубу, по которой так удобно взбираться, но и это такие, право, мелочи…

Со стены открылся грязный двор с очагом посередине, и рядом с ним Шпунтик нашел нечто, похожее на питание. Питание

держал в руках противный Сумкин - подержал, а потом бросил. Кот внимательно изучил брошенное и пришел к выводу, что пока от еды воздержится. В конце концов, про запас всегда оставалась дура-мышь, а сбегать за ней на природу - дело каких-то пяти минут.

А дальше - дальше началось самое интересное. Пришли другие, тоже странные, и, увидев кота, сразу же пали ниц и принялись отбивать поклоны. Впервые Шпунтик почувствовал, что наконец-то оказался там, где надо - то есть в месте, где умеют как следует ценить котов и с удовольствием, не стесняясь, это делают. Шпунтику до того понравилось правильное обращение, что он не удержался продефилировать перед вновь обретенными почитателями самой своей красивой походкой. Кот совершенно перестал сердиться, он простил все гадости черствому хозяину и в наплыве чувств брякнулся ему в ноги, позволив гладить между ушами.

Шпунтик чувствовал: где-то неподалеку находится кошачий рай, а эти, которые пришли и кланяются, - они не иначе как посланники этого рая. Наверное, все коты давно уже там: вот почему их нигде не видно, не слышно и не пахнет, - и ждут только прибытия его, Шпунтика.

Словом, все шло просто отлично, и Шпунтик искренне не понимал, о чем можно бормотать глубокой ночью в темной комнате, когда кот уже практически всем доволен и спит. Он хотел было даже прикрикнуть на болтунов, но нега надвигающегося рая так расслабляла, что Шпунтик счел возможным не обращать внимания на мелкие человеческие глупости.

- …Ты что, старик! Хань - это первая по-настоящему всекитайская династия! - даже не подозревая о кошачьей нирване, которую рушит своим беспардонным голосом, горячо излагал Сумкин.

Как следует откушав, они, наконец, расстались с Лю Баном и уединились в приличной комнате, которую им выделил хозяин. Тут нашлись одеяла или нечто, их напоминавшее, а также было на чем спать и чем укрыться. Пол устилал толстый слой чистой сухой соломы. Устроившись поудобнее, Чижиков, Сумкин и Ника стали обсуждать прожитое.

Для начала въедливый Сумкин, нажав на свой амулет и отключив его, пристал к Нике с вопросом, почему у нее на шее не болтается такой же уродец, как у него и у Чижикова. И как Ника понимает местных и говорит с ними, не используя универсальный переводчик? Или у них там, в будущем, такие переводчики встраивают в организм при рождении или, скажем, по

достижении совершеннолетия? Котя поддакнул: действительно, хотелось бы внести ясность. Переводчиков ведь всего два - на Сумкина не рассчитывали. Значит?.. Ника, помявшись с минуту под их вопросительными, требовательными взглядами, неохотно призналась, что у нее есть другое устройство, очень похожее по действию. «Да ну?! - деланно удивился Федор. - Ну-ка, ну-ка! Страсть как люблю всякие хорошие и полезные штучки из будущего! Покажите, сделайте такую неимоверную милость!»

Деваться было некуда: Ника запустила руку под рубаху и достала оттуда фигурку попугая. Котя вздрогнул, с трудом удержав удивленный возглас: попугай был совершенно из той же, если так можно выразиться, серии, что и его пропавший дракон - сходный по размеру, цвету, виду, блеску. Это был магический предмет, и Чижиков еще раз воочию убедился: предметов больше, чем один. Похоже, Борн говорил правду, и их действительно много, очень много. Костино замешательство осталось незамеченным, поскольку Сумкин живо заинтересовался попугаем, попросил подержать, под нес близко к носу и, подняв очки на лоб, долго рассматривал, а потом заявил: будущее прекрасно своими причудами, только непонятно, зачем сделали так, чтобы эта фигулина колола пальцы. И как он работает, позвольте поинтересоваться? Вот наши переводчики висят себе на шее, а этот? Ника бросила на Чижикова косой взгляд - из тех, какими обмениваются объединенные общей тайной заговорщики, - и пояснила, что попугая нужно держать в руке или, к примеру, прилепить плотно куда-нибудь на тело, как это сделала она. А дальше ты начинаешь понимать любые языки. Нет, она понятия не имеет, каким образом это происходит. Нет, она не знает в деталях, как работают и те переводчики, которые сейчас у Чижикова и Сумкина. Просто - все это происходит и работает. И в итоге наступает полное взаимопонимание. А какова техническая сторона вопроса, ей, Нике, интересоваться никогда в голову не приходило.

Сумкин хмыкнул, достал сигарету, закурил и попросил выключить попугая. Ника послушно отложила фигурку в сторону.

- И все? - спросил Федор.

- И все, - кивнула Ника. - Достаточно разорвать контакт.

Котя молчал: он и так знал, как работают предметы. Сумкин как следует затянулся и сказал, что теперь они могут разговаривать без свидетелей: переводчики не работают и их никто не поймет, а то ему ведомо, как любят местные жители расстелить ухо по подходящей щели. Котя же, дабы отвлечь внимание приятеля от попугая, которого он твердо решил обсудить с Никой позднее с глазу на глаз, задал Федору

провокационный вопрос про династию Хань. И Сумкина тут же прорвало.

- Ты, старик, цени, что я тут оказался, - сказал он Чижикову. - Ты же серый, необразованный, хотя и начал тянуться к знаниям. Как бы ты без меня в этой дыре? И хотя я вовсе не желал прерывать свой комфортный полет в город-герой Пекин, теперь, надо признать, ничуть не жалею, что неведомым макаром меня занесло в третий век до нашей эры… Надо же! - Сумкин прислушался сам к себе и изумился. - Нет, что я только говорю! Третий век! Цинь Ши-хуан! Да коллеги с зависти все передохнут! Ха! Я только что сидел за одним столом с Лю Баном! Обалдеть! С Лю Баном, понимаешь ты, старик?! - хлопнул он Чижикова по плечу. - Ладно, ладно… Так вот, династия Хань… Вы, милая девушка, тоже не очень образованная и тоже стремитесь, да? Ну тогда я вас обоих кратенько введу в курс, так сказать, дела. Итак, жил-был на свете Цинь Ши-хуан, первый китайский император, который, как уже знает присутствующий здесь Костя, наконец-то объединил китайские земли в единое государство и немало поработал на ниве того, чтобы это объединение всячески упрочить. Но он столкнулся со многими проблемами, поскольку добивался государственных целей, как и было принято в то дремучее время, крайне деспотическими методами, то есть казнил и закапывал в землю направо и налево, при этом никому не верил и полагал - не без оснований, кстати! - что все хотят его убить. Нешуточно угнетенные народные массы пробовали бунтовать и все такое, но император пресекал на корню разнообразные души свободные порывы. День ото дня аппетиты его росли, поскольку было затеяно множество всяких грандиозных, как теперь это называют, проектов, куда и направлялись все наличные рабочие руки. И в один прекрасный момент, как учит нас исторический материализм, произошло переполнение чашечки народного терпения, поскольку низы никак не могли жить по-старому, и бунты начались повсеместно. Император, может, их бы и подавил, если бы не взял да и не помер. То есть помрет, и сколько я понимаю, в самом ближайшем будущем, если вы, милая девушка, не обманули нас насчет двести десятого года до нашей эры. Дальше в своем докладе я опускаю некоторое смутное время, когда одни грызлись с другими, и перехожу непосредственно к династии Хань. Основателем ее стал некто Лю Бан - тот самый, с которым мы только что столь любезно трапезничали. В результате всеобщей грызни Лю Бан выдвинулся, набрал силу, победил супротивников, объединил страну заново и сделал ставку на учение Конфуция, которое так старательно уничтожал своих подданных и сограждан покойный

Цинь Ши-хуан. Лю Бан провел полезные реформы, снизил налоги, постарался дистанцироваться от циньского наследия - словом, сделал все для того, чтобы вновь созданная империя не канула в одночасье, как это произошло с Цинь. И это ему вполне удалось: династия Хань правила в Китае аж до начала третьего века нашей уже эры и заложила основы китайского бюрократического аппарата, который потом рулил в Поднебесной практически до начала двадцатого века, с разными видоизменениями и косметикой, разумеется. Так что Лю Бан, старик, - это о-го-го какой матерый человечище!

- Мне он таким не показался, - заметила Ника. Она внимательно слушала Сумкина, подперев голову рукой. - Обычный с виду, ничем не примечательный.

- Да, - Сумкин в задумчивости потеребил бородку, - все, что мы про него знаем, мы знаем только с чужих слов, милая девушка. Со слов историков, которые всегда находились под прессом официальной идеологии и пропаганды. Признаться, я тоже ожидал чего-то другого. Нет, не то чтобы я готовился к встрече с Лю Баном, для меня это полная неожиданность, но все же… Мне казалось, он должен быть выше ростом, - неожиданно изрек Федор.

- Сейчас важно, что Лю Бан согласен помочь нам добраться до столицы, - сказал Чижиков. - Как я понял, путь к возвращению в наше время… абсурд какой-то!., лежит через императорскую сокровищницу. Только потом девушка из будущего согласна нас направить к точке перехода, верно?

- Верно, - кивнула Ника. - И это не я согласна вас туда направить, а так должно произойти. Понимаете, хронолиния - это когда одни обстоятельства становятся причинами возникновения других. А другие порождают третьи. Если какие-то исключить, то нельзя гарантировать, что в итоге получится именно то, чего мы ожидаем. Понимаете? Я здесь бессильна. Даже если бы и хотела…

- Вот именно, обстоятельства! - оживился Сумкин. - Мне только до сих пор неясно, с какой радости здесь я? Нет, я не жалуюсь: увидеть Лю Бана куда как клево, и я еще мешок сувениров наберу… Но ведь кто-то меня сюда отправил? И - прошу занести в протокол! - явно против моего желания.

- Наверное, рано или поздно мы это тоже узнаем, - Котя закурил очередную сигарету. - Федор Михайлович, ты табачок-то береги. Нету здесь «Мальборо».

- Я курю «Кент», - возразил Сумкин. - Или «Кэмел». Но ты прав, ничего такого тут еще нет. Просто беда…

Некоторое время все молчали, и Чижикову показалось, что Ника заснула. И он подумал: странно, если у нее тоже есть

таинственный предмет, то отчего глаза Ники - одинаковые, голубые? Правда, Алексей Борн говорил, что цвет глаз можно скрыть контактными линзами! Есть о чем подумать на досуге.

- Слушай, Федор, - придвинулся Котя к Сумкину поближе, - я не очень понял, за кого нас этот Лю Бан принимает. Почему помогает?

- Понимаешь, старик, - Сумкин от души затянулся, - в империи сейчас плохо, неспокойно, это раз. Знамения всякие. Помнишь, Лю Бан нам про дракона сегодняшнего рассказывал, который в озеро сиганул, рыгая огнем и дымом? Он ведь лично туда примчался, распорядился алтарь ставить, чтобы как следует помолиться дракону.

- Так это же был наш самолет!

- Ты только Лю Бану про самолет не говори ничего, ладно? Воздержись для ясности. Дракон это был, старик. Дракон! Вот ты как думаешь, часто драконы среди бела дня шастают? Правильно, очень редко. И для местных это - знамение головокружительной важности, свидетельство, что устои известного мира со страшной силой сотрясаются, вон, уже и драконы разлетались. Так что люди с мозгами начали задумываться о будущем, и Лю Бан, кажется, из них. Теперь дальше…

Тут Федор вдруг скривился и осторожно дотронулся до щеки.

- Что случилось?

- Да в зуб вступило, понимаешь. Че-е-е-ерт… - Сумкин замер. - Надо же, отпустило. Вот гадство! Только же лечил, перед самым отлетом. Так о чем бишь я? А! Так вот. Мы пришли в компании крайне благовещего зверя мао, который сейчас нажрался и дрыхнет без задних ног. Это два. То есть мы - или приятели зверя, а значит, существа необычайные и выдающиеся, или этот зверь - сам наш приятель и спутник, и тогда мы ну очень крутые. Типа бессмертных небожителей, посетивших бренный мир в его минуты роковые. К ним все тянутся, с ними все хотят дружить. Еще бы! И потом, сколько я помню, у Лю Бана к этому времени уже возникли определенные трения с властями. Он каких-то преступников то ли упустил, этапируя к Великой стене, то ли отпустил. Это три. И вот, мой дорогой друг, в дом к Лю Бану заваливаются трое, с виду странные, при них - благовещий зверь, которого они за ушком запросто чешут. Ты бы вот что подумал?

- Ну-у-у, я даже не знаю, - протянул Чижиков. - Наверное, что мы посланцы Неба?

- Вот и я не знаю. И очень хочется верить, что мы все-таки выглядим посланцами, а таковым надо помогать. Хотя не исключено, что сейчас дверь распахнется, и сюда ворвутся ароматные амбалы из местного околотка. Повяжут нас к такой- то

матери, включая драгоценного кота.

И тут в дверь постучали.

- Начинается, - тихо простонал Сумкин, поспешно гася сигарету и кидаясь за амулетом-переводчиком. - Ника! Ника! Хватай своего попугая скорей!

Девушка едва успела: в дверь уже просунулся Лю Бан. Лицо его выражало крайнюю степень волнения.

- Досточтимые господа! Благовещий зверь мао! Прибыли императорские гвардейцы, - быстро говорил смотритель. - Мне, ничтожному, неведомы те могучие силы, которыми вы обладаете и какие можете призвать себе на помощь, но, быть может, вы сочтете возможным спешно покинуть пределы города, не чиня никому лишнего вреда?

- Мы и не собирались чинить кому-либо вред, - заверил Лю Бана Сумкин, пальцем поправляя очки. - Все наши помыслы направлены на благо народа.

- Достойные, достойные слова, господин Сыпокэ! Ваш слуга и в мыслях не допускал иного, но гвардейцы…

- Мы понимаем, - пришел ему на помощь великий китаевед. - Гвардейцы, послушные долгу службы, могут впасть в заблуждение и…

- Верно, верно! - закивал Лю Бан. - Не угодно ли вам будет принять от меня эти скромные мечи, немного провизии, а также моего верного слугу Суня Девятого, каковой и выведет вас скрытно за пределы города? Вы найдете приют в заброшенном горном храме, а я, ничтожный, присоединюсь к вам завтра, как только смогу. Сейчас же мне нужно встретить десятника гвардейцев подобающим образом.

Лю Бан исчез, а место смотрителя в дверном проеме занял уже знакомый путникам мальчик-слуга. В руках он держал плетеную корзину и продолговатый тяжелый сверток.

В свертке обнаружились два прямых меча в изукрашенных бронзовыми чеканными бляшками ножнах. Сумкин даже языком прищелкнул, явно прикидывая, как бы упереть эдакую редкость с собой - в качестве сувенира. Чижиков же принял меч со смешанными чувствами: с одной стороны, он полтора года своей жизни посвятил фехтованию на бамбуковых палках, и ему это даже нравилось; с другой - что такое меч, когда уже придуман автомат Калашникова?

- Сюда, - сказал мальчишка и, перехватив корзину поудобнее, первым шагнул в темноту.

- Благовещий зверь! - позвал Котя.

Шпунтик покорно затрусил следом.

Свидание с кошачьим раем, похоже, откладывалось.

Они вышли во мрак переулка, и Сумкин чуть слышно чертыхнулся, ступив ногою в невидимое дерьмо. Остро запахло. Вокруг стояла полная тишина, лишь сзади, от центра города, неслись неразборчивые выкрики команд.

- Положите руку мне на плечо, - попросил мальчик Чижикова.

Так, подобно слепым держась друг за друга, они и шли - медленно, практически бесшумно, петляли по улочкам, и вскоре оказались у городской стены, неподалеку от ворот. На привратных башнях горели факелы - там несли службу стражники. Впрочем, вероятно, не столько несли, сколько спали: никого видно не было. Сунь Девятый сделал пару шагов в сторону и пропал.

«И как он только что-то видит в такой темноте!» - в очередной раз поразился Чижиков, а мальчишка уже снова стоял рядом, безмолвно, жестами показывая: туда, туда проходите!

В стене оказалась низкая дверь, ведущая в узкий проход, и, протиснувшись в него, Чижиков, Сумкин, Ника и Шпунтик оказались в зарослях местного лопуха уже по ту сторону стены.

Над путниками нависло бездонное черное небо, полное громадных, ясно сияющих звезд.

Впереди лежала ночь.

И полная неизвестность.

ЭПИЗОД 9 Старый храм

Поднебесная, уезд Пэйсянъ, III век до н э.

До упомянутого Лю Баном заброшенного храма путники добрались без приключений. Дорога, которую по одному ему известным признакам выбирал их маленький проводник, действительно шла вверх, но как-то не очень убедительно - плавно, неспешно. Чижиков никогда не назвал бы ее горной: горы в его сознании ассоциировались с крутым подъемом, отвесными скальными стенами, обрывами, огромными валунами, готовыми сорваться в пропасть. Возможно, они и прошли мимо пары таких пропастей, да только в темноте все равно ничего не увидели.

Наконец вышли на ровное место - на вершину самого высокого в здешних местах холма, по неясной причине щедро названного горою, и мальчишка уверенно двинулся вниз. Спустившись шагов на пятьдесят, Сунь Девятый присел и вскоре застучал камнем о камень, пока не брызнули ослепительные искры, после чего зажег небольшой факел. Факел давал немного света, но его вполне хватало, чтобы не свернуть себе шею, запнувшись о корень или камень и загремев после этого вниз по склону. Котя оценил стратегию мальчишки: теперь, когда от города путников отделяло значительное расстояние и к тому же они пребывали с другой стороны холма, свет было решительно

невозможно заметить.

- Прошу за мной, - коротко велел Сунь и, взвалив корзину на плечо, двинулся дальше.

Шли молча: никто не разговаривал. В основном потому, что не решались - из-за неясной, но явной опасности, кото рую хотел отвести от них смотритель. Шуметь следовало поменьше. Сумкин, впрочем, пару раз порывался что-то сказать, но ограничивался глубоким, еле слышным вздохом.

Углубились в очередную рощу - довольно густую, и движение невольно замедлилось. Шумно захлопала крыльями невидимая птица, раздраженно заорала и взмыла в небо. Ника прижалась к Чижикову.

Из обступившей путников темноты то и дело неслись шорохи, треск, шуршание: роща жила полноценной ночной жизнью. Более шустрый и опытный Сунь постоянно уходил вперед и там поджидал, когда его догонят медлительные спутники, которым тусклый свет факела служил путеводным маяком.

Когда идти надоело всем, и даже Чижикову, Сунь Девятый осветил полуразвалившуюся глинобитную стену.

- Пришли, - коротко сообщил не отличавшийся многословием мальчик. - Здесь.

«Здесь» оказалось не просто заброшенным храмом, но развалинами бывшего храма, небольшого, скорее - кумирни: всего одно строение и стена вокруг дворика перед ним. Нынче от стены остались лишь куски, кое-где еще торчавшие стертыми зубами-пеньками, а от строения уцелел лишь остов, да и тот весь в дырах; крыша же давно обвалилась.

- Шикарное место, - тихо пробормотал Сумкин, бросая на траву меч, на конец которого прицепил узел с вещами.

Сунь Девятый поставил корзину к стене и быстро натаскал в центр двора палок, веток и сучьев, сложил горкой, но вот беда - как раз погас его верный факел. Мальчик не пал духом и стал трудолюбиво высекать искру. Что-то у него не ладилось.

- А сотворим-ка чудо! - подмигнул Сумкин Чижикову, присел у будущего костра и щелкнул зажигалкой - раз, второй, третий, и вот уже по куску сухой коры побежал первый робкий огонь. Сунь бросил свое занятие и стоял, глядя на Федора во все глаза, а потом, когда пламя основательно занялось, низко поклонился Сумкину три раза.

Котя подспудно ожидал, что мальчик перекрестится. Но нет, не перекрестился.

- Что, здесь и заночуем? - спросил Чижиков у мальчика.

Тот, не отрывая взгляда от великого китаеведа, лишь молча кивнул. Сумкин кулем плюхнулся у костра и протянул руки к

огню. Было довольно прохладно.

- Надо бы еще веток запасти, - подошел к нему Котя. - Ночь впереди длинная.

- Да? - блеснув очками, Сумкин посмотрел на него снизу вверх. - Ну, давай, сейчас ты запасаешь, а потом - я.

Чижиков лишь покачал головой и отправился в темноту на поиски топлива. Сумкин, человек жизнерадостный и по большей части энергичный, славился резкими перепадами настроения. В нем словно внезапно выключался скрытый моторчик, требовавший подзарядки, и тогда Федор становился мрачен, желчен и сварлив. Котя, хорошо знакомый с этой особенностью приятеля, даже и не пытался вдохновить его на дальнейшие подвиги: посидит, насосется энергии из окружающего мира и станет как новенький.

Есть никому не хотелось.

Добавив в костер надлежащих веток и даже завалив в него приличных размеров бревно, чтобы горело долго и неторопливо, а потом медленно тлело, отдавая тепло, утомленные путники улеглись вокруг, стараясь поплотнее закутаться в свои новые одеяния.

Благовещее животное разумно пристроилось под боком у хозяина.

Мальчик вызвался караулить.

Постепенно Чижиков задремал.

Первый сон Константина Чижикова

Котя стоял на высоком утесе и вокруг - насколько хвата ло глаз - простиралась долина, прекрасная, цветущая, полная жизни. К горизонту убегали холмы, покрытые лесами, шумели листвой зеленые рощи, змеилась, блестя на солнце, голубая лента реки.

Котя всмотрелся - и увидел на берегу, у кромки леса, олениху и трех смешных длинноногих оленят. Олениха чутко водила ушами, следя за деревьями и кустами, но Коте было ясно: делает она это, следуя вековечному инстинкту, а вовсе не потому, что ей или ее детям угрожает опасность, поскольку никакой опасности в здешнем мире не было и в помине. Оленята, как и положено детям, вовсю резвились среди высокой сочной травы и смешно вскидывали голенастые ноги, неумел еще с ними ловко управляться.

Котя посмотрел дальше - и увидел парочку птиц, размером с сойку, с толстыми клювами и смешными хвостами. Высоко, в излучине толстой ветви сосны, притулилось гнездо, похожее на разворошенный ком сухих прутьев, и птицы сновали по воздуху взад и вперед безо всякой устали, с жучками, паучками и червячками в клюве, а из гнезда им навстречу высовывались жадно разинутые рты птенцов.

По склону дальнего холма шел крестьянин - жилистый мужчина с вязанкой хвороста на спине. Шел неторопливо, уверенно, и, проследив его путь, Котя увидел в месте, где у речной отмели сушились на солнце сети, простой дом, крытый соломой. Прямо во дворе женщина готовила в котле над очагом какое-то варево, подносила ко рту черпак, пробовала.

На нос Коте вдруг села бабочка - ослепительно красивая в ярких лучах солнца, села на мгновение и тут же взмыла вверх, разрезая воздух пестрыми крыльями.

Легкий ласковый ветерок обвевал Котю, и весь мир перед ним дышал покоем и негой. Котя стоял, смотрел и всем сердцем чувствовал простое счастье, гармонию и умиротворение, царившее вокруг. Мир был прекрасен, шелковистая трава нежно гладила босые Котины ноги, хотелось петь от невиданной радости, хотелось легко оттолкнуться ногами от теплой земли, раскинуть руки и взлететь в пронзительно чистое небо - туда, где высоко-высоко плыли кудрявые облака.

Но вдруг вокруг что-то неуловимо изменилось, и почти взлетевший было Котя упал в траву Земля болезненно содрогнулась, потом еще и еще - сильнее и сильнее. Ветер перестал быть ласковым, олениха испуганно закрутила головой,

оленята прижались к ее ногам. Птицы носились вокруг гнезда, встревоженно крича. Крестьянин отбросил прочь вязанку и, поглядывая с ужасом на темнеющее небо, стремглав помчался к дому, а там уже металась женщина, не зная, за что хвататься первым. Котел опрокинулся прямо в очаг, и к небу, на глазах наливающемуся чернотой, устремился тонкий ручеек пара.

Котя оглядывался в смятении, но гул, что родился под землей, уже вышел наружу. Гул ширился, крепчал, обращался чудовищным грохотом. Небо, еще мгновение назад такое лазурное и сияющее, вдруг в одночасье исполнилось зловещего мрака, поглотившего солнце без остатка.

Котя не понимал, что происходит, его разум метался в поисках ответа, а в мирной прекрасной долине меж тем разверзлась земля, плюясь во все стороны дымящимися камнями, и наружу, пожирая все на своем пути, поползла тягучая раскаленная магма. Вспенившаяся речка стала мутным бурным потоком, который, встретившись с магмой, обратился грязным паром.

Холмы двигались как живые, и целые рощи исчезали в зияющих в земле рваных ранах. Казалось, с земли грубо и неумело сдирают кожу, и она истекает алой кровью. Казалось, что внутри земли с треском и грохотом ломаются крепкие некогда кости, а их обломки прорывают кожу и тянутся к небу, грозя пронзить и его. Казалось, у планеты разорвались легкие, и теперь кончился воздух, лопнули и взорвались сердце, печень и почки.

Котя ощутил на лице пепел, и слезы проложили на его щеках первые робкие дорожки. Конец мира надвигался неотвратимо, и Котя ясно знал, что бежать некуда, нигде нет спасения, и если он и проживет чуть дольше, чем другие люди или же звери в долине, то лишь на миг, необходимый разбушевавшимся стихиям, чтобы достичь утеса, где он стоит, пока еще не мертвый.

Котя поднял глаза вверх и черная пелена, застилавшая небо, расступилась перед его взглядом: он увидел бездонные глубины космоса и Луну, безжизненный спутник Земли. И вдруг на глазах изумленного Коти Луна, холодно и величаво плывшая по своей вековечной орбите, плавно изменила траекторию.

Котя понял: в мироздании что-то нарушилось, глобальная драма Земли вызвала к жизни силы, которые изменили движение Луны, и теперь Луна неумолимо приближается. Пройдет время - незначительное по меркам необъятного космоса-и она упадет на Землю, и тогда.

С неба сыпались обгоревшие птицы, пеплом разлетались бабочки, горизонт пылал. Котя беззвучно плакал и тут, среди грохота апокалипсиса, он услышал голос - бесплотный и тихий,

будто кто-то, пролетая мимо, шепнул ему прямо в ушную раковину: «Не допусти этого… Не допусти… Не допусти!..»

Чижиков разом проснулся, приподнялся на локтях, провел рукой по щеке и ощутил влагу. Слезы? Сердце билось как бешеное, дыхание хрипло вырывалось из груди. Он закоченел во сне.

Кругом все спали - и Сумкин, свернувшись калачиком и смешно подложив кулак под щеку, и Ника, что лежала носом вниз, уткнувшись лбом в скрещенные руки, спал даже мальчик Сунь Девятый, сидя у потухшего костра и обняв длинную жердину.

Стояла чуткая предрассветная тишина - небо едва-едва посветлело. И что-то в этой тишине было не так.

Котя осторожно огляделся и буквально в пяти шагах от себя увидел неясный силуэт. Силуэт был почти прозрачный, сотканный из дрожащего, текучего воздуха: сквозь него смутно белел ближайший обломок стены. Чижиков замер, вгляделся - ну конечно, точь-в-точь вышедший из кухонного угла в квартире на Моховой прозрачный человек, которого с помощью красной пирамидки прогнала Ника, девочка из будущего!

Котя почувствовал, как от страха у него на голове шевелятся волосы: ну все, теперь точно конец! Он хотел было позвать на помощь, но горло перехватило. Прозрачный силуэт стоял недвижно, и не отрывавший от него взгляда, словно кролик от удава, Чижиков вдруг понял - даже не понял, а неким седьмым чувством ощутил: пришелец смотрит на него. Со слов Алексея Борна Котя знал, что таких существ отчего- то тянет к предметам - например, к его дракону; но сейчас дракончика с Чижиковым не было, фигурка исчезла невесть куда, пропала из кармана джинсов, растворилась в водовороте времени. Значит, что? Чего он хочет, если не предмета?

Мысли заметались. Предмет есть у Ники - попугай, так почему прозрачный смотрит на меня, а не на нее? И почему просто смотрит? Почему ничего не делает? Например, не бросается, не откручивает голову? Как он вообще тут очутился, в этом чертовом третьем веке до нашей эры? Или такие вот прозрачные были на Земле уже во времена Цинь Ши- хуана? Или даже раньше?!

Чижиков, не находя в себе смелости пошевелиться, изо всех сил вглядывался в страшного пришельца, пытаясь в предрассветных сумерках разобрать черты его лица, рассмотреть хоть что-то определенное - и на какое-то мгновение Коте показалось, словно он поймал взгляд прозрачного, заглянул ему в глазницы. По позвоночнику пополз неприятный холодок, в

животе сделалось пусто и противно заныло - такой вековечной тоской внезапно пахнуло на Чижикова! На глаза его непроизвольно навернулись слезы, еще более жгучие, чем во сне. Сердце пронзила боль - очень похожее чувство Котя испытал совсем недавно, когда в сонном видении наблюдал гибель старого мира. Стоял и смотрел, не в силах ничего поделать и предпринять, и обреченно ждал, когда к его ногам подберется огнедышащая лава.

Сходство ощущений поразило Чижикова, и вслед за этим пришла догадка, почти понимание.

- Это ты сказал «не допусти»? - трудным шепотом выдавил Котя, внезапно вновь ощутив затекшие руки, на которые опирался все это время - Это ты?

И - черт возьми! - он ясно увидел, как склонилась в кивке прозрачная голова.

- А что тебе.

Но договорить Котя не успел: прозрачный резко обернулся, посмотрел назад - в темноту, откуда внезапно прилетела короткая стрела и вонзилась в землю рядом с правой рукой Чижикова.

Замерший мир пришел в движение, словно его сняли с паузы: Котя бросился на землю и откатился влево, прозрачный высоко подпрыгнул и исчез, басовито и яростно рявкнул Шпунтик, у костра тонко закричал Сунь Девятый, и вслед за этим с воплями «блин! блин!! блин!!!» рядом с ним запрыгал Сумкин, спросонья лягнувший голой пяткой еще горячую головешку. Проснулась Ника и моргала спросонья голубыми глазами.

Тут и там шуршали стрелы, но ни одна из них не достигала цели. Чижиков притаился за камнем, прикрываемый с фланга распластавшимся по земле благовещим зверем. Он высунулся посмотреть, что происходит, и увидел, как прозрачный с непостижимой скоростью мечется по воздуху, отбивая стрелы в стороны - одну за другой. Котя не мог уследить за поразительной скоростью его движений, зато заметил валяющийся неподалеку в траве меч, дотянулся до него и потянул из ножен.

На обломке стены неожиданно возник человек, одетый в черное с головы до ног, и в руке его блеснул обнаженный клинок. Прозрачный тут же оказался перед ним и неуловимым движением толкнул в грудь. Человек в черном отлетел в кусты. Через секунду раздался приглушенный вопль, в котором ясно слышалось изумление.

И все кончилось.

Стрелы больше не падали. В кустах коротко прошуршало - кто-то, явно не одинокий в своих стремлениях, не разбирая дороги, несся прочь.

Прозрачный медленно опустился на землю.

Рассвело.

Вдруг Ника выхватила из-за пазухи свою пирамидку и нажала на нее.

- Не-е-ет! - крикнул Чижиков. - Нет! Не надо! Он нас спас!

Но было уже поздно: неведомая сила унесла прозрачного прочь, вот он был и вот его нет, как никогда и не бывало

На мгновение опустилась звенящая тишина. Все застыли: Чижиков с мечом в руке, Сумкин, высунувшись из-за куста, Шпунтик, отклячив зад в предпрыжковом состоянии, Ника, сжимающая пирамидку, мальчик Сунь с жердиной и вытаращенными глазами.

Неподалеку робко, неуверенно цыкнула птица.

- Ну зачем ты… - повернулся к Нике Чижиков.

- Да, но… - непонимающе захлопала она глазами.

- Что это, черт возьми, было? - выпрямился Сумкин. - Кто стрелял?!

Прозрачного Федор не заметил.

- Гр-р-р-р-рм-м-мр-р-р, - завершил боевую песню Шпунтик, сел и хищно облизнулся.

Лишь мальчик Сунь Девятый, бросившись на колени перед развалинами храма, непрерывно кланялся и возносил нехитрые свои молитвы - в совершенном молчании.

ЭПИЗОД 10 Лихие люди

Поднебесная, по дороге в Сянъян, III век до н. э.

Лю Бан пришел спустя час с небольшим. Одет смотритель был в простое, неофициальное платье, за спиной болтался дорожный мешок, из-за пояса торчал меч.

- Могущественные маги, - начал было он, поклонившись Чижикову, Сумкину и Нике, а также отдельно Шпунтику, но Федор остановил его.

- Смотритель Лю, - сказал он. - Прошу вас не называть нас так, ибо мы ни в коей мере магами не являемся.

У них было время обсудить происходящее и хоть немного договориться. Для этого пришлось прибегнуть к определенным ухищрениям. Когда первый шок от внезапного нападения прошел, и стало ясно, что людей в черном поблизости нет и никто в них больше стрелять не собирается, Котя вернулся к костру, над которым хлопотал бледный от переживаний мальчик Сунь, и позвал девушку: «Ни… тьфу… Кэсы!». И когда она приблизилась, тихо попросил: «Выключи попугая!» Ника сунула руку за пазуху, отошла в сторонку, повозилась там немного, обернулась и кивнула. Чижиков глянул на Сумкина, тот понял без слов и

взялся за свой амулет.

Избавившись таким образом от внимания и понимания Суня Девятого, путники присели поодаль от костра и провели короткое совещание. Сумкин прихватил для научного анализа пару стрел и произвел их вдумчивый осмотр, для чего даже снял очки. Посетовав на то, что никогда не уделял должного времени работам по древнекитайскому оружию, повертев стрелы в руках так и сяк, он в результате сообщил, что ничего особенного сказать не может. С куда большей уверенностью видный китаевед отнес стрелы к арбалетным, потому как для лука они были коротки. В итоге было решено отнести случай с нападением в разряд загадок, но загадок нехороших, поскольку совершенно очевидно, что где-то неподалеку бродят люди, твердо настроенные убить Чижикова, Сумкина, Нику и даже кота Шпунтика! По неустановленным пока причинам: может, у них душа поет, если до обеда они подстрелят пару-тройку северных варваров. А может, и нет.

Чижиков обвел взглядом небольшую компанию северных варваров и предложил с этого момента и впредь до особых обстоятельств не подвергать сомнению тот факт, что они на самом деле находятся в древнем Китае. И более к этому вопросу не возвращаться. Возражений не последовало, только Сумкин безнадежно махнул рукой и закурил, а Шпунтик, пресытившись разговорами, удалился в ближайшие заросли. Ника внесла добавление: до тех самых особых обстоятельств не приставать к ней со всякими расспросами, не имеющими непосредственного отношения к текущему моменту. «Но позвольте! - возмутился Сумкин. - Мы, милая девушка, оказались тут не без вашей протекции, и вы нам хотите буквально сказать, что это не имеет отношение к текущему, как вы метко выразились, моменту? Лично мне было бы крайне желательно поиметь некоторую ясность по поводу этого прискорбного происшествия, а вы, я подозреваю, единственный на сегодня источник информации!» Некоторое время Чижиков препирался с приятелем и в конце концов подавил бунт - при молчаливом попустительстве Ники. И хотя Коте и самому было до крайности интересно прямо здесь и сейчас поставить если не все точки над «i», то, по крайней мере, существенно продвинуться в срывании покровов с чужих тайн, он понимал, что в тех обстоятельствах, в которых они оказались, размениваться на пустые споры нельзя никак. Нужно действовать слаженно, командно - если, конечно, они хотят пройти пресловутую «миссию» до конца. А без этого возвращение к нормальной жизни невозможно. Сумкин все понимал, но из природной вредности ерепенился.

Покончив с разногласиями, они подвели итоги и проверили наличные запасы. В корзине Суня Девятого имелось некоторое количество еды, главным образом - завернутые в листья рисовые колобки и вяленое мясо. Пару сосудов с местной брагой питанием решили не считать. Из снаряжения были: два меча среднего качества и остроты, десяток арбалетных стрел, пара не работавших мобильных телефонов, две зажигалки, которые Сумкин неведомым образом протащил в самолет, полторы пачки сигарет, а также родная одежда, запакованная в дорожные свертки, и вместе с нею - две пары наручных часов, авиабилеты и паспорта с визами. Крайне не густо. Чижиков подозревал, что Ника предъявила далеко не все штучки, имелось у нее что-то еще, кроме попугая, пирамидки и пресловутого темпорального корректора, но не обыскивать же ее в самом деле?

Стали обсуждать дальнейшие действия. Ясно было, что самим им дороги в столицу, то есть в Сянъян, не найти, а потому следует уповать или на Лю Бана, или на Суня Девятого, если смотритель вдруг не появится. Сумкин в очередной раз заметил, что план налета на императорскую сокровищницу кажется ему не то чтобы абсурдным, но решительно невыполнимым. «Вы, я так вижу, не очень себе представляете, что такое столица, а уж тем более - дворцы и сокровищница. Во-первых, все это охраняется так, что и мышь не проскочит. Ну, насчет мыши, возможно, я погорячился, мышь проскочит, но три половозрелых существа - никогда. Нас зарежут, заколют, напичкают стрелами еще на подходах, и мы будем лежать и печально смотреть, как кровь радостно покидает наши мужественные организмы, а потом наши бренные тела выкинут на свалку и там ими отменно попируют древнекитайские собаки. Я хочу сказать, что это совершенно безнадежное предприятие, - и Сумкин обильно посыпал окрестную траву сигаретным пеплом. - Если бы спросили меня, если бы хоть кто-то и о чем-то спросил меня, то я бы посоветовал не напрягаться и не тратить силы на бессмысленное путешествие в Сянъян. Куда проще покончить с собой прямо здесь, на этой милой лужайке, если уж так необходимо умереть. Впрочем, прошу занести в протокол, что лично я вовсе не собираюсь умирать ни этим и ни другим утром в течение ближайших пятидесяти лет. А равно ни днем и ни вечером».

Ника посмотрела на Чижикова умоляюще. Котя в ответ пожал плечами. В речах Сумкина был смысл. Чижиков рассуждал примерно так же: в сокровищницу им никак не попасть, это самоубийство. И оттого прямо и открыто спросил Нику, нет ли у нее на такой вот безнадежный случай туза в рукаве или, скажем, кролика в шляпе, которые помогут им и с жизнью не расстаться, и

миссию выполнить.

- О чем-то ведь в твоем будущем думали, когда все это затевали? - резонно спросил Котя.

И Ника призналась, что да, думали. Да, были рассмотрены основные вероятностные хронолинии, и всякий раз получалось, что миссия должна увенчаться успехом. Только она, Ника, не знает, почему это произойдет:

- Я же говорила! Обстоятельства сложатся так, - сказала девушка, - что у нас все получится. И мы не должны нарушать естественного хода событий.

- Прекрасно! - не удержался от саркастического замечания Сумкин. - Да здравствуют обстоятельства и их естественный ход!

Чижиков только молча покачал головой. Однако выбора не было: или идти в столицу - с целью проникновения в императорскую сокровищницу и изъятия из нее невесть чего, или никуда не идти и навсегда остаться тут, в третьем веке до нашей эры.

Сумкин раскипятился не на шутку: авантюра чистой воды, добровольное самоубийство! - но Котя был тверд. Предрассветный сон все еще стоял перед его глазами: картина апокалипсиса была столь явной и реалистичной, что Котю до сих пор пробирала дрожь при одном лишь воспоминании об увиденном. Чижиков странным, необъяснимым образом чувствовал, что сон этот напрямую связан с их так называемой миссией в древнем Китае. Наверное, Ника права: нужно шаг за шагом пройти весь путь, чтобы добиться желанного результата. Для себя Котя уже решил, что если вдруг Сумкин заартачится и наотрез откажется идти в столицу, он отправится туда вдвоем с Никой, ибо это жизненно необходимо.

Не допустить…

Не допустить!

Тут их прервал Сунь Девятый: мальчик, почтительно кланяясь, приглашал их к завтраку. Его жестикуляция была понятна и без перевода: рисовые колобки и ключевая вода, обычная походная древнекитайская трапеза. Необычным было то, что руки мальчишки дрожали, а еще он настойчиво избегал глядеть спутникам в глаза.

Исполнив обязанности слуги, Сунь Девятый отошел в сторонку, сел на землю и принялся о чем-то напряженно думать, а злополучные путешественники во времени вернулись к предмету своей беседы.

- Ладно, обратимся к насущному, - неожиданно предложил Сумкин, вкусив колобка, - то есть к нашему другу Лю Бану.

Чижиков удивился, ожидая, что Федор продолжит

уговаривать их не лезть добровольно в смертельную ловушку, но великий китаевед, видимо, тоже что-то для себя решил.

- Я предлагаю, - тут Сумкин внимательно посмотрел на Чижикова и Нику поверх очков, - не обманывать нашего благодетеля больше того, чем это необходимо для, извините за такое слово, выживания. Конкретизируя свое предложение, скажу: не стоит выдавать себя за магов или за кого там нас в своей дремучей серости принял Лю Бан. Штука в том, что китайское общество на том этапе его развития, на котором оно сейчас пребывает… гм… просто пронизано верой во всевозможную сверхъестественную дребедень, знамения, духов и, само собой, в человеческих особей, которые так или иначе - кто выпив ртути, а кто пожевав киновари - некими волшебными свойствами овладели. Так вот, не будем плодить ложных сущностей, друзья мои, их и без нас достаточно.

- И что ты предлагаешь? - спросил Чижиков.

- Для начала, старик, я предлагаю заявить Лю Бану, что мы никакие не маги, а просто сопровождаем благовещее животное - кстати, где оно? Да, сопровождаем, потому как оно нас с этой целью выбрало, бог весть, по какой причине. Вступило зверю в голову, а мы что, спорить с ним, с таким благовещим будем? Нет, конечно! Только волшебной силы в нас нет совершенно. Это чтобы Лю Бан не ждал и не надеялся. Я понимаю, он не поверит и будет ожидать, что мы нет-нет, да и плюнем невзначай огнем или случайно вызовем дождь, но совесть наша будет чиста: мы предупредили. Я это зачем предлагаю? Исключительно из заботы о Лю Бане! Чтобы когда нас всех в столице на кусочки порубят, он не удивлялся сверх меры, а тикал прочь со всех ног, не дожидаясь нашего внеочередного воскрешения, и чтобы непременно основал династию Хань, как ему на роду и написано.

И Сумкин подмигнул Нике.

Тут, собственно, Лю Бан и подоспел.

Ника едва успела метнуться за попугаем.

- …Нет-нет, смотритель Лю, - продолжал Сумкин, - мы самые обычные люди, пришедшие из далеких краев вслед за благовещим животным. Оно осенило нас своей милостью, и ныне - мы простые спутники ему. Почтительно просим тебя сохранить это в тайне!

Лю Бан недоверчиво пожевал губами. Шпунтик замер подобно глиняной статуэтке: неподвижно сидел, не отводя взгляда от смотрителя. Лю Бан на всякий случай еще раз ему поклонился.

- Я, ничтожный, не смею расспрашивать вас о тайных путях благовещего животного мао, - заговорил смотритель, - И если вы,

уважаемый Сыпокэ, просите сохранить вашу тайну, я так и сделаю.

Между тем Чижиков, впервые при ярком свете солнца увидев дородное лицо уездного чиновника, случайно посмотрел ему в глаза - и замер: один глаз Лю Бана был темно-синим, а второй - темно-зеленым. И это тогда, когда обычно глаза у китайцев черны, как ночь! Котя уже открыл было рот, но тут очень вовремя подоспел Сунь Девятый, раздираемый желанием немедленно высказаться.

- Чего тебе? - спросил его Лю Бан.

- Господин смотритель, - мальчик замялся, переводя взгляд с хозяина на спутников благовещего животного и обратно. - Этой ночью…

- Говори яснее! - велел Лю Бан. - Что этой ночью?

- На нас напали, господин! Я их не видел, но стрелы так и летели, так и летели!

- Вы не ранены? Господин Сыпокэ? Господин Килэки? Госпожа Кэсы? - стал взволнованно спрашивать Лю Бан. - Кто напал на вас? Кто?!

- Мы не поняли, - развел руками Сумкин. - Мы спали и лишь счастливая случайность…

- Я видел! - твердо сказал Сунь Девятый, во все глаза глядя на Сумкина. - Я видел! Нам помогли духи! Они охраняли наш сон! - во взоре мальчика загорелся огонь восторга. - Духи носились по воздуху и отклоняли стрелы, а потом они набросились на злодеев и разорвали их на части! И исчезли, как будто их и не было!

- Великое Небо… - потрясенно прошептал Лю Бан и обратил взор к развалинам храма. - Нужно совершить моле- ни я, нужно возблагодарить духов, - вдруг лицо его омрачилось. - Но у нас для этого совсем нет времени! Какая жалость.

Он тревожно взглянул на путников и пал ниц:

- Добрые господа, прошу простить ничтожного, что совсем заморочил вас никчемной болтовней! Я спешил сюда изо всех сил, дабы предупредить: в эту сторону движутся императорские гвардейцы и, если мы не поторопимся, они непременно обнаружат это укрытие, ибо, нежданно прибыв в наш городок ночью, они, мнится мне, искали именно вас.

- Откуда вам это известно, почтенный господин Лю? - спросил Чижиков, охваченный тяжелым предчувствием и поджидая скорых неприятностей. А ведь есть еще и эти разноцветные глаза смотрителя!

- Оттого, господин Килэки, что с ними прибыл сам императорский советник Гао. Полночи они выспрашивали меня и моих подчиненных, не было ли за последние дни замечено в

наших пределах пришлых людей, по виду чужестранцев из иных земель, но вас никто, кроме меня, не видел, - ответил Лю Бан.

Чижиков хотел было спросить про Ян Гэ, но вовремя прикусил язык.

- Вот отчего я, пользуясь первой же возможностью, покинул город и со всех ног поспешил сюда. Сунь, если ты хочешь вернуться в Сышуй, я не буду тебе препятствовать!

- Нет, мой господин, - твердо сказал Сунь Девятый. - Если позволите, я последую за вами. Не гоните меня.

- Хорошо, хорошо, - закивал Лю Бан. - Тогда живо собирай вещи! Надо уничтожить следы костра. Поторопитесь, добрые господа, поторопитесь! Я иду с вами!

Собрались довольно быстро, если не сказать стремительно: Лю Бан не подгонял, но после того, как смотритель самолично принялся заливать и затаптывать кострище, даже медлительный Сумкин в два счета обулся в непослушные древнекитайские лапти. Чижиков же, одолеваемый тяжелыми мыслями, собирался на автопилоте.

Когда, покинув окрестности храма, они взошли на вершину ближайшего высокого холма, Лю Бан указал пальцем назад и вниз, и, вглядевшись, все, кроме подслеповатого Сумкина, увидели отряд: неразличимо-темные фигурки как раз пересекали открытое пространство; впереди ехал человек на коне. Гвардейцы направлялись в сторону от беглецов, шли неспешно.

- А они нас не увидят? - спросил Чижиков смотрителя, воровато заглянув ему в глаза и зацепившись за них взглядом.

- Нет, господин Килэки, - успокоил его Лю Бан. - Гвардейцы не знают наверняка, что вы здесь. И уж определенно не думают, что здесь я, - вздохнул он. - Долг уездного смотрителя быть в своей управе и неустанно следить за вверенными ему землями, а я… - Лю Бан махнул рукой. - Но видит Небо, не я первым предал свой долг!

С этими словами он быстро зашагал вперед.

- Слушай, что-то я уже запарился по местным косогорам бегать, - потихоньку сообщил Чижикову Сумкин, поравнявшись с ним. - Как думаешь, старик, долго мы еще по полям, да по долам скакать, что твои козы, будем? Не пора ли пообедать?

- Все бы ты ел, - буркнул не меньше друга притомившийся Чижиков. - Вон посмотри на благовещее животное: бежит и не жалуется.

Шпунтик и правда уже который час терпеливо трусил параллельным курсом, иногда наведываясь в исследовательских целях в подходящие кусты. Нельзя сказать, что у кота был

совершенно довольный жизнью вид, но пока Шпунтик точно не жаловался.

Не жаловалась и Ника: девушка шла ровно, не запинаясь и не останавливаясь. Как автомат.

Наконец последний довольно длительный спуск с холма закончился, и путешественники уперлись в лес. Не в очередную рощу, но именно в лес - густой, обширный, высокий! Под кронами деревьев было темно. Идти туда откровенно не хотелось.

- Позвольте предложить вам, добрые господа, найти в лесу подходящую поляну и уже там, в безопасности, дать отдых усталым ногам и вкусить чаемой пищи, - предложил Лю Бан.

- Было бы… неплохо… смотритель Лю, - в три приема одобрил запыхавшийся от спуска Сумкин. - А… там действительно безопасно?

- Что может угрожать путнику в лесу? - ответил Лю Бан.

- Лишь дикие звери да лихие люди. Но у нас нет ценностей, вдобавок с нами мечи и благовещий зверь мао! - простер смотритель руку в сторону Шпунтика.

- Действительно… - пробормотал Котя. - С нами зверь.

- Аминь, - шепотом закончил Сумкин и поправил очки на носу. - Очень курить хочется, - пожаловался он Чижикову. - Может, покурим, старик?

- Терпи, - велел тот. - Вот остановимся дать отдых ногам и придумаешь, как объяснить ему, - Котя кивнул на Лю Бана, - и ему, - Котя кивнул на мальчика Суня, - что это у тебя за дьявольская дымящаяся палочка торчит изо рта.

- А тебе будто не хочется? - горячо зашептал Сумкин, блестя очками.

- Хочется, - согласился Чижиков. - Но я терплю, потому что так надо для дела. Понял?

И они вошли в лес.

Попервости Сумкин радовался: скорость движения заметно снизилась, к тому же в лесу было прохладно, хотя уже начинало припекать. Но вскоре Федор нахмурился: идти по густому, нетронутому лесу, где никто не потрудился прорубить просеку, удовольствие сомнительное, тем более в древнекитайских, как великий китаевед их назвал, лаптях, подо швы которых позволяли во всем разнообразии ощущать сучки, палки и прочую почву. Волевым усилием догнав Чижикова и заковыляв рядом, Федор шепотом потребовал, чтобы ему немедленно разрешили переодеться в привычные разношенные туфли, болтавшиеся в дорожном свертке за спиной, но получил мотивированный соблюдением конспирации отказ.

В результате Сумкин отстал - плелся самым последним. Там,

в арьергарде его атаковали комары. Комаров в лесу оказалось немного, но всем им крайне полюбились оттопыренные уши великого китаеведа.

Шпунтик, хоть и не очень Сумкина любил, тем не менее всячески поддерживал его: бежал рядом, иногда даже отставал - и когда Федор оглядывался, изображал крайнюю усталость. Сумкин, видя, что кому-то еще хуже чем ему, бодрился, хотя, конечно, до конца не верил лукавому коту. Потом Федор сообразил, в чем прелесть быть замыкающим, и тихонько, пряча сигарету в кулаке, закурил, что на время примирило его с лесом и отпугнуло комаров.

Примерно через час в густо стоявших на пути деревьях забрезжил просвет. Лю Бан и Сунь Девятый первыми выбрались на небольшую поляну. Чижиков шел следом и с ходу налетел на внезапно остановившегося смотрителя, ощутимо толкнув будущего основателя династии Хань. Тот не обратил на толчок никакого внимания - настороженно глядел вперед, взявшись показательно за рукоять меча.

Сзади уже тянули шеи, пытаясь понять, в чем дело, Ника и Сумкин.

Посреди поляны лежал плоский замшелый камень, а на камне лицом к пришедшим сидел странного вида человек. Был он гол по пояс и изрядно мускулист, мощный торс его покрывали многочисленные черные грубые татуировки. Сидел он, скрестив под собой ноги в широких темно-коричневых штанах. Смоляные волосы, длинные и спутанные, были перехвачены веревкой. Из-под кустистых неряшливых бровей на пришельцев смотрели маленькие злые глазки. Лицо этого человека, круглое и свирепое, произвело на Чижикова самое отталкивающее впечатление: весь вид его дышал первобытной свирепостью, а на щеке вдобавок багровело квадратное клеймо - отметина, которой владыка Поднебесной жаловал преступников.

Убедившись, что его заметили, волосатый человек медленно сомкнул короткие толстые пальцы на древке прислоненной к камню небольшой секиры с широким лезвием, медленно воздел ее вверх и столь же медленно вытянул в сторону Лю Бана и его спутников.

- Разбойники, - прошептал Лю Бан.

Человек с секирой сидел на камне с устремленной в сторону пришедших секирой, сверлил их взглядом и сохранял полное молчание.

- Бежим? - тихо предложил Сумкин.

Но отреагировать на его смелое предложение, равно как и последовать ему, никто не успел: разбойник внезапно захохотал

утробным демоническим смехом и поднял секиру над головой; в то же мгновение путники ощутили, что они здесь далеко не одни. Заросли вокруг наполнились стремительным движением, и через какую-то пару секунд пришлые были взяты в плотное кольцо. Чижиков почувствовал, как в шею ему, царапая до крови кожу, уперлось острие копья, второе прокололо одежду между лопаток. Котя понимающе убрал руку с меча, замер.

- Э! Э! Стоп, стоп, стоп! - воскликнул рядом Сумкин, но в ответ получил могучий пинок под зад и ткнулся лицом в тра ву. - Ну ладно, ладно, - глухо проворчал он из травы, а над поверженным Федором уже стоял волосатый, полуголый, загорелый и кривоногий разбойник, и нечистой пяткой упирался Сумкину в поясницу, прижимая великого китаеведа к земле. Для полной ясности момента он приставил Федору к затылку копье - короткое, толстое, с большим бронзовым наконечником.

- Не сопротивляйтесь, - посоветовал Лю Бан и уронил меч в траву.

Никто сопротивляться и не думал: просто не успели.

В этот миг обладатель секиры картинно, рисуясь перед своею ватагою, поднялся с камня и неторопливо приблизился к пленникам. Остановился перед ними и внимательно осмотрел. Чижиков поморщился: от разбойника несло давно немытым телом и еще какими-то острыми звериными запахами.

Вглядевшись в Нику, разбойник довольно хмыкнул, по Суню Девятому лишь мазнул взглядом. Наибольший интерес у него вызвал Чижиков.

- Кто ты, варвар? - спросил главарь.

- Это торговые люди с севера, - начал было Лю Бан, но разбойник так на него зыркнул, что слова застряли у смотрителя в горле.

- Разве я тебя спрашивал?

- Нет, - отвел глаза смотритель.

- Нет, - утвердительно кивнул разбойник. - Нет.

И устремил взгляд на Чижикова.

Котя чувствовал себя отвратительно: по шее текла кровь, между лопатками было очень неуютно, со всех сторон его обступили неведомые люди. Они дышали ему в затылок и в любой момент могли сделать с Чижиковым что угодно, а он никак не мог этому воспротивиться. Никогда еще Котя не чувствовал себя столь беспомощным!

- Так кто ты, варвар? - главарь ткнул Котю твердым пальцем в грудь.

- Мое имя Килэки, я торговец с севера. Меня и моих спутников ограбили, отняли все имущество и товары, -

придерживаясь легенды, заговорил Чижиков. - У нас не осталось ничего, кроме наших никчемных жизней. Разве что два меча. А то отпустили бы вы нас, вольные люди, а?

- Килэки… Килэки… - покатал разбойник странное имя на языке. - Это твои спутники, варвар? - указал он на других схваченных.

Котя кивнул.

- Мой двоюродный брат Сыпокэ, - опасаясь резко пошевелиться, подбородком указал на поверженного Сумкина, - а там Кэсы, наша преданная служанка.

- А это? - мотнул спутанной гривой в сторону Лю Бана разбойник. - Тоже твой двоюродный брат? Или дядя? А это его сынишка? Или твой племянник?

Прочие разбойники разразились смехом, оценив шутку главаря по достоинству.

- Нет, эти двое согласились нам помочь добраться до столицы, где живут наши родственники, - пояснил Чижиков. - Мы плохо знаем здешние места.

- Зато мы знаем хорошо! - хохотнул главарь и обратился к своим разбойным соратникам. - Они забавные, эти варвары. Возьмем их с собой! Пусть старший брат решает.

И повелительно махнул секирой.

Тут Чижикову грубо выкрутили и связали руки, на голову накинули дерюгу, и Котя чуть не задохнулся от ударившей в ноздри вони.

ЭПИЗОД 11 Разбойничий стан

Поднебесная, лесной массив в нескольких часах пути от уезда Пэйсянъ, III век до н. э.

В лесу Шпунтику весьма понравилось. Даже больше, чем в рощах и вообще в траве. Потому что лес был густой, но главное - деревья в нем просто располагали к тому, чтобы слегка разбежаться и взлететь на когтях по стволу вверх метра на два, а то и на три. И там, вцепившись в осыпающуюся кору, гордо оглядывать окрестности - до тех пор, пока вниз не потянет.

Еще в лесу Шпунтику встретилась лягушка. Кот и понятия не имел, что на свете бывают такие забавные и в то же время нелепые существа. Смысл лягушки Шпунтик постиг не сразу. Как потенциальная еда лягушка ему совершенно не приглянулась, она была равнодушная и противно-холодная, такую есть смешно и даже неприятно. Собственных дел у лягушки, как понял Шпунтик, никаких не было: лягушка просто сидела на камушке и пялилась на окружающий мир выпуклыми бессмысленными глазами, производя впечатление полной идиотки, в сравнении с которой дура-мышь была верхом сообразительности и природной

целесообразности.

Словом, на первых порах лягушка поставила Шпунтика в тупик. Поэтому кот осторожно подкрался к ней - мало ли что! - и легко тронул лапой. Что в ответ сделала лягушка? Не рыкнула, не куснула, даже не огрызнулась. Нет. Лягушка - прыгнула! Прыгнула высоко, далеко и мощно. Шпунтик аж присел от неожиданности, но тут же взял себя в руки и ринулся сквозь кусты смотреть, что в итоге у лягушки вышло. Оказалось - ничего: она так же бессмысленно сидела под деревом и тупо таращила глаза. Словно ждала чего-то. Тут Шпунтик и понял, для чего существует лягушка: для того, чтобы кот подходил к ней, трогал лапой, а она прыгала. Надежды лягушки оправдались вполне. В очередной раз поразившись тому, как все мудро устроено в природе, Шпунтик немедленно лягушкой воспользовался по прямому назначению, но теперь уж не давал ей продыху, а заставлял прыгать еще и еще. Получилось просто отлично, и они с лягушкой отпрыгали довольно далеко в сторону, а когда Шпунтик спохватился о хозяине, выяснилось, что в лесу появились новые запахи и персонажи.

Персонажи пахли остро и пронзительно. Они притаились с двух сторон от еле заметной тропки, которой сквозь лес пробирались хозяин и его спутники: впереди Лю Бан, позади - противный Сумкин, украдкой пускающий дым в рукав.

Впереди светлела поляна, куда и направлялась вся честная компания. Если затаившиеся среди деревьев люди не вышли открыто к хозяину и не поздоровались, то, вероятно, они не желают быть замеченными, а значит, решил умный Шпунтик, замыслили недоброе. Едва кот, бросив запыхавшуюся лягушку, собрался предупредить хозяина и даже противного Сумкина о надвигающейся опасности, только порысил к ним, беззвучно огибая деревья и скользя между веток, как те вышли на поляну.

Подобравшийся достаточно близко кот увидел, как мерзкого вида волосатый человек на кривых ногах, размахивая опасной даже с первого взгляда штуковиной, подошел к хозяину и начал с ним о чем-то разговаривать. Между тем незаметно выскочившие из засады вонючие люди окружили беспечных путников плотным кольцом, наставили на них острые палки, а Сумкина даже уронили на землю и немного потоптали ногами. Нельзя сказать, что при виде этого Шпунтик обрадовался: все же как бы Сумкин ни пах, был он свой, проверенный, и хозяин им не брезговал. Да и сам кот за время путешествия смягчился к Сумкину, видя, что вояж по колдобинам дается ему не в пример труднее, чем хозяину. Смешно, конечно, их сравнивать - такого высокого, сильного и неплохого хозяина и противного Сумкина, но все же…

Так что кот опечалился увиденным.

Шпунтик скользнул по кустам еще ближе - и прикинул, что будет, если он, скажем, вцепится ближайшему злодею в ногу, быстренько ее раздерет, а потом займется другими вонючими конечностями. По прикидкам выходило не очень: у злодеев были острые палки, притом много, а у Шпунтика - всего лишь когти, и в количестве куда меньшем. И кот благоразумно решил пока затаиться. Тем более что хозяина и его друзей к тому времени уже пленили - связали, замотали головы тряпками и повели через поляну в глубь леса.

Некоторые обстоятельства располагают к раздумьям.

Иногда несешься по жизни, и все прекрасно и все получается, как вдруг кристально ясно понимаешь, что пора остановиться и задуматься: куда несешься, в правильном ли направлении и вообще - зачем?

Или наоборот, живешь себе спокойно и живешь, ровным счетом никуда не торопясь и лишний раз не высовываясь, как вдруг неодолимой волной захлестывают сомнения: а может, уже поспешить, может, уже высунуться, потому что иначе - зачем?

Хуже всего, конечно, если раздумья придут тогда, когда раздумывать уже, в сущности, не над чем. Или некогда.

Чижикова очередная порция тягостных мыслей настигла в третьем веке до нашей эры, посреди дремучего древнекитайского леса. Момент, честно сказать, был не самый подходящий.

Грубая ткань - что-то вроде дерюги - была столь отвратна и запахом, и качеством, что первые полчаса Котя думал: вот и пришел конец его недолгой земной жизни. Унынию весьма способствовала та грубость, с которой непрошенные провожатые вели Котю через лес: постоянные тычки в спину, деревья, на которые Чижиков сослепу налетал, корни и камни, на которые регулярно наступал. Вскоре Коте стало казаться, что его плечи, колени и ступни превратились в один сплошной синяк. Он с ужасом думал о том, что станет с его лицом, когда разбойники свирепо и безжалостно сдерут с него дерюгу. Однако через некоторое время Чижиков с легким удивлением понял, что физические страдания занимают его уже не столь сильно, да и к едкому звериному запаху он вполне привык.

Боль никуда не делась, но отодвинулась на задний план. После столкновения с очередным пеньком Чижиков отрешенно подумал, что если в конце этого отвратительного путешествия с вонючей тряпкой на голове ему суждено будет глупо и бесславно умереть, то такой исход станет вполне логичным. Ведь что такое его прошлая жизнь в Петербурге, как не череда упущенных

возможностей? Возможностей сделать что-то, выходящее за рамки привычной рутины, совершить запоминающееся деяние, что сохранится если не в веках, то хотя бы в памяти людей, которые знали его и, возможно, любили. Котя не построил дом, не родил сына и даже не выучил китайского.

Дед постоянно вразумлял Котю, призывал заняться стоящим делом, не сидеть сиднем. Ведь вокруг столько интересного, важного, нужного! Необходимо просто найти себя. Понять, каково твое предназначение, и поняв - держаться его, не сворачивать с выбранного пути и никогда не сдаваться. Пусть то, что ты делаешь, не будет заметно сразу сейчас и сразу многим, пусть за твой труд тебе платят плохо или не платят вовсе, зато это только твое и больше ничье! А денег можно заработать всегда.

Котя слушал, соглашался и не переставал удивляться, откуда в деде Вилене, человеке, как это ныне принято говорить, старой формации, потомственном коммунисте и крупном советском чиновнике, так много удивительного и вполне современного здравомыслия. А потом дед умер, или не умер, а странным образом перенесся в Китай. Котя остался один, увещевания деда постепенно забылись, а жизнь мало- помалу стала чередой упущенных возможностей.

Как это произошло? Когда впервые Котя махнул на все рукой, замкнулся в своем мирке и откровенно поплыл по течению? Чижиков не мог ответить. Быть может, так было всегда - до тех поразительных событий, в которые он оказался вовлечен несколько дней назад и благодаря которым сейчас брел через древнекитайский лес с мешком на голове и выкрученными за спину руками. За несколько дней Чижиков пережил и увидел столько, сколько не видел и не переживал за последние десять лет. Что-то в нем изменилось, душа сдвинулась с насиженного места, и Котя понял, что он больше не согласен плыть по течению и упускать возможности, и начнет - прямо сейчас.

Внезапно ему вспомнился Алексей Борн, который на питерской кухне рассуждал о все том же предназначении. Мол, попавший в его руки дракон запросто может оказаться знаком судьбы. Было о чем поразмыслить, да только дракона теперь с Котей не было, и от этого сердце сжимала печаль. Зато Сумкин, Шпунтик и Ника были рядом, здесь.

Ника. В этой хрупкой девушке крылось столько загадок. Это ее поразительное моментальное взросление: как такое могло случиться? Непонятное будущее, из которого она якобы пришла. Толком про свой мир она ничего не рассказала, но у нее есть попугай - предмет вроде дракона, только свойства у него иные, он позволяет понимать языки, которых не изучал сроду. Значит, в

будущем предметы известны тоже.

Потом этот ее темпоральный корректор. Если не видишь его в действии, вряд ли поверишь, что такое возможно. А еще пирамидка, что действует на прозрачных гостей как на чертей ладан.

Да и сами прозрачные? Один из них даже нанес им визит, значит, в третьем веке до нашей эры они уже существуют. Но зачем он пришел? Почему защитил от нападения?

И кто были нападавшие?

И сон - поразительно похожий на явь. Падающая на Землю Луна…

Чего он, Чижиков, должен не допустить? Всемирной катастрофы? Падения Луны на Землю? Но как? Как, черт возьми, может не допустить это один вовсе не геройский Костя Чижиков?!

И Сумкин - откуда он взялся? Полетел в Пекин неделю спустя, так куда же делась эта неделя?

Голова пухла от вопросов.

И никто, никто не желал отвечать честно и правдиво!

Борн говорил: никому не верь. Похоже, в самом деле никому нельзя верить. В том числе самому Борну.

Чижиков скрипнул зубами. Постарался унять душевное волнение. На помощь пришли строчки из любимой книги:

«Пой, богиня, про гнев Ахиллеса, Пелеева сына,
Гнев проклятый, страданий без счета принесший ахейцам,
Много сильных душ героев пославший к Аиду,
Их же самих на съеденье отдавший добычею жадным
Птицам окрестным и псам…»

Ах, как же ему не хватало «Илиады»! Но книга осталась в сумке, что лежала в самолете на соседнем сидении.

Ясно одно: не пройдя тот путь, о котором рассказала Ника, отсюда, из древнего Китая, Коте никак не вырваться. Или он сделает все, что от него требуется, и Ника выведет их туда, откуда возможен переход в ненаглядный две тысячи девятый год, или придется до конца жизни любоваться на окружающую действительность, лишенную всяких признаков цивилизации. Был, правда, еще один вариант: схватившие их разбойники могли запросто распорядиться пленными по своему усмотрению, например, банально убить. Но этот вариант Чижикову откровенно не нравился.

Отчаяние постепенно сменялось решимостью: Котя непременно вытерпит все злоключения судьбы! Пусть его приведут к тому, кто полагает вправе распоряжаться его, Котиной, жизнью. Чижиков еще поборется за себя и своих спутников, потому что теперь у него в жизни есть цель!

И состоит она вовсе не в том, чтобы сплясать под чужую дудку в тысячелетней игре, в которую он оказался вовлечен, но в том, чтобы остаться целым, разобраться с этой чертовой миссией, благополучно вернуться домой и найти деда Виле- на, единственного родного человека, с которым он уже однажды попрощался навек. Найти и спросить: почему?

Вдруг лес кончился, и дорога пошла в гору.

Вершина холма, на который они в итоге взобрались, оказалась плоской как столешница, и на этом природном столе, в пышных зарослях кустов, и обитали древнекитайские разбойники.

Восхождение сопровождалось приветственными криками и комментариями вроде: «Кого это ты изловил, братец Кун?»

Обустроились разбойники хорошо и даже с комфортом: когда с Чижикова содрали дерюгу (было больно!), он увидел перед собой низкие строения из бревен, крытые ветками и соломой. Строения стояли полукругом, обрамляя утоптанную площадку, посреди которой из камней был выложен очаг. Над очагом на вертеле жарилась туша, жир капал прямо в огонь, а рядом суетился не особо видный разбойник. Он поворачивал тушу над огнем, тыкал в нее палочкой, словом, всячески заботился о будущей еде.

Поодаль от очага из земли торчало несколько пней. Самый высокий покрывала бурая шкура, а на шкуре восседал могучий детина с темным клеймом на щеке, бритый налысо, в полосатой, топорно сработанной меховой безрукавке и с громадным кольцом в ухе. Лицо у детины было вытянутое, толстогубое, нос носил следы давнего перелома, но особой злобы и жестокости это лицо не излучало - напротив, разбойник смотрел на Чижикова и других пленных, которых выстроили перед ним в шеренгу, с откровенным интересом, производя впечатление человека крайне смышленого. На других пеньках расположились еще трое разбойников, тоже очень живописные с виду, а из темных недр бревенчатых построек к костру подтягивались и другие обитатели разбойничьего стана.

- Старший брат Лян! - обратился к бритому обладатель секиры. - Посмотри, какая добыча попала нам в руки в лесу! Варвары-чужестранцы с проводником и его мальчишкой. А с ними - девка!

Разбойник швырнул на землю отобранные у пленников мечи и грубо вытолкнул Нику вперед.

Наличие среди пленных «девки» вызвало немалый интерес: над площадкой повис одобрительный гул голосов. Названный Ляном предводитель внимательно оглядел Нику с ног до головы

и одобрительно хмыкнул.

- Хорошая добыча, могучий Кун Разящая Секира! - кивнул он, поднимаясь на ноги. - Не каждый день к нам заглядывают красавицы.

С этими словами он оглянулся на разбойников и те словно по команде радостно захохотали.

Чижиков смотрел на Куна, как тот всячески красуется перед соратниками, какие победные и похотливые взоры бросает на Нику, и чувствовал, как в груди его рождается неконтролируемая слепая ярость.

- Оставьте ее в покое, - негромко, но твердо потребовал Котя. - Это не ваша женщина.

- О! - глаза Куна округлились от изумления, он всем телом повернулся к Чижикову. - Варвар подал голос! «Оставьте!» - передразнил он Котю. - А то что?

- А то будете иметь дело со мной, - посмотрел на него Чижиков тяжелым взглядом. - И это может вам не понравиться.

- Ты что… - донесся до Коти лихорадочный шепот Сумкина. - Да они тебя сейчас в бараний рог…

- Ты! - брызнул слюной не сразу пришедший в себя от наглости варвара Кун и замахнулся секирой. - Да я тебя сейчас!

- Погоди, брат Кун!

Котя и не заметил, как вожак разбойников оказался рядом. Рука его легла на плечо разъяренного Куна, и тот удержал замах, хотя и продолжал дышать злобно и жарко.

Над площадкой повисла тишина.

- Ты смелый, варвар, - произнес после небольшой паузы Лян, окинув Чижикова медленным изучающим взглядом. - Ты безрассудно смелый. Ведь вокруг тебя пятьдесят молодцов и все они известны удалью и бесстрашием.

- Много ли удали в том, чтобы глумиться над связанным пленником? - перевел взгляд на вожака Котя. Нужные слова приходили на язык сами собой. - Много ли бесстрашия в том, чтобы учинить насилие над слабой женщиной? И… я не варвар.

- Нет? - деланно удивился Лян. - Да, слова твои правильны, идут от самого сердца. Однако разговор - дело дешевое, - заключил он под одобрительный гул. - Я сам всей душой стремлюсь к справедливости, и это известно каждому. И вот что я решаю!

Лян поднял вверх руку, призывая собравшихся к молчанию.

- Ты покажешь нам, что рука твоя так же крепка, как и слово. А могучий удалец Кун Разящая Секира тебе в том поможет. Развяжите его! Дайте место для сражения!

Разбойники, переговариваясь, отступили.

Освободился широкий круг.

Чижиков почувствовал, как чьи-то сильные пальцы взялись за спутывавшую его запястья веревку.

Кун торжествующе зашипел, двинулся к Коте.

С этими словами разбойник рванул с Котиной шеи универсальный переводчик. Шнурок лопнул, и тут же все вокруг заговорили на непонятном - мяукающем, визгливом, шипящем языке. Котя не понимал ни слова, но поведение его противника говорило само за себя: Кун отскочил назад и яростно рубанул секирой воздух, справа налево и слева направо.

Котя почувствовал, что руки его наконец свободны, и в этот миг его вытолкнули в боевой круг. Чижиков устоял на ногах, спешно растирая онемевшие запястья, не замечая боли, которую причиняли прикосновения к ссадинам и свежим синякам. Надеяться было не на кого: прочие его спутники оставались по-прежнему связанными, да будь они и свободны, какой в бою прок от знатного китаеведа или же от девушки из будущего?

Ярость, клокотавшая в душе Чижикова, подернулась льдом решимости. А Кун уже обходил его по широкой дуге, занося над головой секиру.

Он по-прежнему красовался перед приятелями, этот Кун, не воспринимая варвара, хотя тот и был его выше на две головы, всерьез. Он думал о том, как славно разнесет сейчас чужака на две половинки и какую сподвижники сложат песню о его славном подвиге. Да и жаркое уже практически подоспело…

Котя же не думал ни о чем. Он просто стоял, спешно восстанавливая чувствительность в руках, и ждал. Все же не зря он несколько лет подряд каждый вечер выходил на татами, и пусть с тех пор и прошло время, но тело помнило куда больше, чем голова. Стойку Котя принял самую что ни на есть правильную.

Тут Кун издал боевой вопль и, мелко перебирая кривыми ногами, с криком понесся на Котю.

«Богоролсденный Аякс размахнулся огромною пикой…» - вдруг из глубин сознания пришли строки из «Илиады».

Чижиков не стал убегать. Он не отпрыгнул и не пригнулся, в ужасе прикрывая голову. Котя просто подождал и в нужный момент мягко отступил в сторону, и когда несшийся со скоростью атакующего кабана разбойник поравнялся с ним, всем корпусом толкнул его в бок.

Эффект был вполне ожидаем: Кун, чей богатырский замах пришелся в пустоту, потерял равновесие, секиру и кубарем полетел под ноги зрителям.

- Щит светозарный насквозь пролетела могучая пика,

Гекторов панцирь пронзила, сработанный с тонким искусством. И против самого паха хитон Приамида рассекла. Он увернулся однако и гибели черной избегнул… - споро разворачиваясь лицом к разбойнику, вскричал Чижиков под вой и улюлюканье разбойного братства.

Обалдевший Кун потряс кудлатой башкою, затем вскочил на ноги, схватил секиру и снова взялся обходить Котю по дуге, на сей раз уже не красуясь, но полностью сосредоточившись на противнике.

Чижиков придерживался прежней тактики: стоял и ждал.

Кун приблизился маленькими шажками и быстро рубанул секирой, тут же отскочив назад. Котя легко ушел от удара. Он быстро учился, этот Кун.

Еще замах, снова удар. Скорее - ложный выпад, проверка.

- Баба трусливая, прочь убирайся! Расстанься с надеждой на стены наши подняться, меня отразивши, и женщин наших к судам повести. Я смерти предам тебя раньше! - ткнул Чижиков в Куна пальцем.

Легендарные герои античной древности сошлись перед его мысленным взором в титанической битве. Боевое безумие охватило Котю.

Кун слов его, само собой, не понял, но, видимо, посчитал их оскорбительными, потому что яростно прыгнул вперед, одновременно нанося коварный удар сбоку. Котя, чуть развернувшись вслед его движению, перехватил обеими руками древко не нашедшей цели секиры и рванул оружие на себя. Разбойник не ожидал этого, но древка не выпустил - он был силен свирепой животной силой. Кун попытался отступить, изо всех сил потянув древко на себя, чтобы высвободить оружие и единым взмахом покончить с варваром, но тот вдруг отвесил ему столь мощный пинок ногою в живот, что разбойник от неожиданности и боли разжал пальцы и во второй раз полетел на землю.

- …Но мечом Диомед размахнулся, прямо по шее ударил и оба рассек сухожилья. В пыль голова покатилась, еще бормотать продолжая, - провозгласил Чижиков, коротко взмахнув трофейной секирой, и, видя, что на сей раз Кун вряд ли поднимется так скоро, огляделся.

Над холмом стоял всеобщий лай. Со всех сторон Котю обступили разбойники: рты их были раскрыты в крике, руки сжимали оружие - Чижиков видел направленные на него пики и копья, а где-то сзади застыли под присмотром троих молодцов Сумкин, Ника и Лю Бан со слугой- мальчишкой. Котя успел заметить выражение небывалого изумления на лице Федора, но тут круг разбойников заметно сузился.

- Горе! Что будет со мною? Беда, если в бег обращусь я перед толпою врагов. Но ужаснее, если захвачен буду один. Обратил Молневержец товарищей в бегство! - возвышая голос, продекламировал Котя.

Он стоял один перед лицом многочисленных недругов, подобный воспетому Гомером греческому титану. В сердце его не было страха.

- Но для чего мое сердце волнуют подобные думы?! Знаю, что трусы одни отступают бесчестно из боя! Тот же, кто духом отважен, обязан во всяком сраженье крепко стоять - поражает ли он, иль его поражают!!!

Чижиков скандировал Гомера с такой яростью, что гневные рожи отшатнулись в замешательстве.

Внезапно раздался мощный рык: расталкивая разбойников, к Чижикову шагнул предводитель - тот, кого называли старшим братом Ляном. Он что-то пролаял, свирепо оглянувшись, и разбойники покорно отступили. Затем Лян перевел взгляд на Котю, и Чижиков не увидел в том взгляде звериной жажды убийства и злобы; взгляд был скорее заинтересованный, в нем читалось даже что-то похожее на уважение. Лян высказался - требовательно, напористо. Но Чижиков ничего не понял.

Оценивающе поглядев на него, Лян широким властным жестом отогнал своих собратьев подальше. Снова образовался круг, пространство для боя очистилось, и в нем остались лишь Чижиков и вожак разбойников.

Котя тяжело вздохнул. Он лишился возможности понимать окружающих, но поведение главаря не оставляло сомнений: Лян вызывал Чижикова на поединок. Разбойник сорвал с себя безрукавку, отшвырнул ее в толпу, стукнул себя кулаком в выпуклую грудь, сжал и разжал немаленькие кулаки. Не глядя, протянул назад руку, и кто-то вложил в нее тяжелый, явно металлический посох. Лян указал пальцем на Чижикова и произнес короткую и жесткую фразу.

Воцарилось молчание.

Лян явно ждал ответа.

И Чижиков ответил.

- Богорожденный Аякс Теламоний, владыка народов! Полно со мною тебе говорить, как с бессильным ребенком, иль как с женою, которой неведомо ратное дело! В мужеубийствах и битвах я опыт имею немалый, щит сухокожный умею ворочать и вправо и влево, с ним управляюсь искусно и храбро в кровавом сраженье. На колеснице умею ворваться и в конную свалку, пляску Ареса смогу проплясать и в бою рукопашном. Но на такого, как ты, не хочу нападать я украдкой, высмотрев тайно. Открыто я бью.

Посмотрю, попаду ли! - громко, с вызовом продекламировал Чижиков, глядя в глаза предводителю разбойников, и отшвырнул секиру прочь.

Лян кивнул - медленно, с пониманием, и разжал пальцы: посох с глухим стуком упал на землю.

Разбойник сделал шаг вперед.

Чижиков, в чьем сознании Гектор рубился с Аяксом, механически принял вовсе не античную боевую стойку: чуть присел, отставив немного левую ногу назад, согнул перед грудью руки, глубоко вдохнул и резко выдохнул.

Лян оказался мощным и стремительным. Недаром был он силен и здоров, как стадо быков. Разбойник обрушил на Чижикова град размашистых ударов. Котя все их добросовестно блокировал, чувствуя, как предплечья заныли от боли.

Лян дрался, как парни в колхозе «Новый путь» после танцев в клубе: обстоятельно замахивался и со всей дури, от души хекнув, лупил, особенно не глядя, куда именно, причем умудрялся проделывать все это достаточно быстро. Ни о какой комбинации ударов тут не могло быть и речи, а уж про то, чтобы поддержать атаку ударами ноги, разбойник, похоже, вообще никогда не задумывался. Он пер вперед как взбесившаяся ветряная мельница.

Чижиков отступал, уклоняясь и блокируя сыпавшиеся на него удары. Он мгновенно понял, что ни про окинавское карате, ни про кэндо тут слыхом не слыхивали, а расцвет ушу, то есть воинских искусств со всеми их изощренными приемами, наступит в Китае даже не послезавтра. Это было полезное знание, коим следовало мастерски распорядиться, причем - немедленно: Котя допятился уже почти до самых зрителей, и те с обидным смехом потрясали копьями и прочими орудиями убийства, а Лян все долбил и долбил кулачищами.

- Извини, брат, - сказал ему Чижиков. - Я понимаю, это нечестно и все такое, но ты не оставил мне выбора.

Чижиков присел, увернувшись от кулака Ляна, проскользнул у него под рукой и нанес серию коротких ударов по корпусу, как на тренировке, поскольку противник и не думал закрываться. Лян содрогнулся - все удары попали в цель!

и от неожиданности и боли опустил руки, и вот тут-то Чижиков провел красивый апперкот. Он хотел вложить в удар всю холодную ярость, весь страх, все вопросы без ответов, и сокрушить разбойничью челюсть, но вовремя сдержался и ударил вполсилы.

Костяшки пальцев пронзило болью, даже в плече отозвалось, - попал так попал! - и еще мгновение назад победно молотивший его Лян на глазах изумленных соратников вдруг вздрогнул всем

телом и безвольно рухнул на спину, картинно разбросав в пыли руки и ноги.

- Нокаут, - констатировал Котя.

Над холмом снова установилось напряженное молчание.

На Чижикова никто не бросился, никто не попытался достать его копьем - разбойники были слишком потрясены внезапным исходом поединка. Котя беспрепятственно сделал пару шагов, поднял с земли амулет-переводчик, завязал узлом порванный шнурок, повесил на шею. После чего вернулся к Ляну, встал над ним. Увидев, что глаза разбойника открылись и в них появилось осмысленное выражение, протянул руку:

- Вставай, старший брат.

ЭПИЗОД 12 И благовещий зверь снизошел

Поднебесная, разбойничий стан, III век до н. э.

Памятуя о том, что осмотрительность есть высшая форма храбрости, Шпунтик следовал за плененным неизвестными людьми хозяином скрытно. Ни на минуту не упуская их из вида, кот незаметно двигался через лес параллельным курсом: чуть в стороне и чуть позади. Нужно было правильно оценить обстановку, а потому Шпунтик отбросил посторонние мысли о всяких несущественных теперь материях вроде лягушек и всецело посвятил себя слежке.

По лесу шли довольно долго: Шпунтику уже изрядно надоело красться сквозь все эти ветки, завалы и буреломы. В какой-то момент скорбное однообразие происходящего заставило кота почувствовать себя крайне несчастным и брошенным - ведь он остался сирота-сиротой в раскинувшейся вокруг необозримой природе. Вот совсем рядом в кустах кто-то страшно захрустел ветками: явно крупный, больше Шпунтика в несколько раз - а вдруг выскочит и напрыгнет на одинокого кота? Природа была прелестна, когда хозяин рядом, но и опасна, когда тот далеко.

Шпунтик, высоко поднимая лапы, затрусил прочь от пугающих кустов. Тут же раздался подозрительный хруст слева, и кот на всякий случай взлетел по ближайшему дереву на пару метров вверх, замер, вцепившись в ствол когтями, и огляделся.

Никого не было видно. То есть - опасного, кто хрустел. Хозяин и другие люди по-прежнему шли в одном им известном направлении и совсем не обращали внимания на отсутствие кота. Шпунтик хотел было заорать от обиды, но тут ему прямо на голову нагадила какая-то дерзкая птица, и кот от изумления сполз на когтях вниз по стволу. Вот за что он всегда не любил птиц, в частности - голубей: они гадят, где попало и на кого попало, совершенно не заботясь о том, чтобы убрать за собой. Зарыть, например, в землю! Не говоря уже о том, чтобы

чистоплотно вылизаться после похода в туалет.

Туалет! Шпунтик вспомнил об их с хозяином туалете с нежностью. Какой прекрасный, теплый и удобный был у них в квартире туалет! Как приятно и уютно было в нем греметь когтями о бортики пластмассовой кюветы, разгребая катсан! И как всегда хвалил его хозяин, когда Шпунтик, гордый собой, покидал туалет с чувством выполненного долга! Хозяин!

Кстати, где он?

Шпунтик увидел, что, увлекшись страхами и нахлынувшим одиночеством, он вовсе упустил хозяина из виду. А тот вместе с новыми знакомыми уже вышел из леса и теперь поднимается по пологому, лишенному растительности склону холма.

Шпунтик без труда последовал за ними, умело укрываясь в ложбинках и за чахлыми кустиками, и когда хозяин достиг вершины, кот тоже был практически рядом: скользнул ужом в пышные заросли и затаился в них, найдя хорошую точку для наблюдения.

- …Вставай, старший брат, - повторил Чижиков.

Разбойник Лян сфокусировал взгляд над склонившимся над ним Котей, потом в глазах его промелькнуло понимание, он схватил Чижикова за руку и рывком поднялся на ноги. Ляна заметно повело - все же нокаут есть нокаут, но Котя незаметно поддержал его, и разбойничий вожак устоял.

Его соратники взирали на них вопросительно.

- Его рука крепка так же, как его слово! - провозгласил Лян. - В битве он поверг наземь доблестного брата Куна! Все вы знаете, какова отвага нашего брата, сколь стремителен удар его! Секира брата Куна до сего дня не знала промаха!

Кругом согласно загудели: «Да, да, правда!» Кун со своей разящей секирой стоял в первом ряду и смотрел на Чижикова во все глаза, с восхищением.

- Он поверг наземь и меня! - продолжал Лян. - Меня! Ляна Большого! Того, кто кулаком валит насмерть дикого кабана, когда кабан несется на него со всех ног!

Толпа притихла.

- Он великий воин и благородный человек! - выкрикнул Лян, затем повернулся к Чижикову и взял его за другую руку.

- Могу ли я звать тебя старшим братом, неизвестный воин? - спросил Лян, кланяясь. - Примешь ли ты мои жизнь и дружбу после того, как я и мои люди по глупости причинили столь много вреда тебе и твоим благородным спутникам?

И Лян опустился перед Котей на одно колено.

Разбойники замерли в ожидании.

Чижиков догадывался, что даже с его невеликими знаниями о том, как дерутся в двадцать первом веке, он запросто может прослыть в древнем Китае величайшим воином всех времен и народов, но все же произведенный эффект был велик и внезапен. Дальше Котя действовал, полагаясь на интуицию. И на многочисленные гонконгские боевики, к которым питал известную слабость.

- Брат Лян, - сказал он проникновенно. - Мне не по чину звать тебя младшим. Ты и старше, и опытней, и благороднее меня. Ты дрался с честью и не твоя вина, что ты оказался побежден. Мне не нужна твоя жизнь, но дорога дружба, которую ты предлагаешь. Поднимись скорее на ноги и зови меня младшим братом, старший брат Лян!

Вокруг возник легкий шепот, по лицу Ляна пробежала чуть заметная тень облегчения, и разбойник поднялся.

- Как мне называть тебя, мой благородный младший брат? - спросил разбойничий вожак. - И каковы драгоценные имена твоих спутников?

- Зови меня Килэки, - представился Чижиков. - И не удивляйся моему имени, а также и именам моих друзей, потому что мы пришли с далекого севера. Мы чужестранцы здесь, а имена и обычаи в нашей стране отличаются от ваших. Это мой верный спутник Сыпокэ, мудрец и предсказатель, - представил Чижиков Сумкина, которого, равно как и прочих, освободили от веревок. Сумкин хотел было что-то сказать, но вовремя сдержался. - Это сестра моя Кэсы, а это - наш проводник и верный спутник Лю и его помощник Сунь Девятый.

- Мы счастливы приветствовать столь высоких гостей в нашем захолустном становище! - ответил с легким поклоном Лян Большой. Он быстро оправился от нокаута и снова обрел неторопливое достоинство разбойничьего лидера. - Дозвольте же нам немного о вас позаботиться и накормить простою и грубою пищей!

- С удовольствием! - вклинился Сумкин. - И если ты, благородный брат Лян, как истинный поборник справедливости, велишь своим людям вернуть нам наше жалкое имущество, то мы будем безмерно благодарны.

Имущество тут же оказалось у ног Федора - хвала Будде, разбойники не спешили на месте поживиться награбленным: несли добычу в лагерь, в общий котел, и донесли в целости и сохранности. А то всякое могло случиться, если бы они увидели наручные часы или, скажем, мобильник, или же российский заграничный паспорт!

К великому восторгу Сумкина очки оказались совершенно

целы, только весьма заляпаны нечистыми древнекитайскими пальцами. Протерев очки краем рубахи и умудрившись не стряхнуть с дужек засохший слой грязи, Сумкин тут же нацепил их на нос.

- Это чудесное изобретение из далеких краев, помогающее моим слабым глазам оставаться достаточно зоркими, - пояснил он, указывая на очки.

Разбойники глубокомысленно закивали, хотя было видно, что ничего не поняли.

- Мой благородный брат Килэки… - Лян явно хотел о чем- то попросить, но не решался.

- Говори смелее, старший брат, - подбодрил его Чижиков, чувствуя настоятельную потребность присесть: от пережитого начали мелко дрожать ноги.

- После того, как мы немного отдохнем и попируем, не мог бы ты показать нам еще немножко своего волшебного боевого искусства?

- Ну, если только немножко… - смущенно буркнул Котя.

- Ха! - вскричал Лян Большой и воздел мускулистые руки к синему небу. - Так давайте пировать! Пировать! - провозгласил он под одобрительный рев членов своей банды, широкими шагами направляясь к костру. - Эй, братья, живо несите наилучшую посуду и чаши! Тащите отборное вино! Мы будем пить в честь наших новых братьев!

- Интересная мысль, - вполголоса заметил Сумкин. - Ты, старик, кстати, где так драться научился? Раз-раз, и мужик уже лежит.

- По фильмам с Джеки Чаном, - ответил Котя.

- Не ожидал от тебя, не ожидал…

Договорить Федор не успел - сильно толкнув его, к Чижикову бросилась Ника и повисла на шее, уткнувшись лицом в плечо.

- Э-э-э… Сестра Кэсы, - позвал ее Котя, машинально обняв девушку и почувствовав, что это приятно. - Ты это… Ну того…

- Действительно, - шепнул Сумкин. - На нас уже оглядываются. Варвары-то варвары, а тут все же иные нравы.

Ника разжала руки, отстранилась. Расцвела счастливой улыбкой. Глаза ее сияли. Чижиков вдруг покраснел, сам не понимая отчего.

- Мой господин, вы целы? - спросил очень вовремя приблизившийся Лю Бан. - Этот лихой человек не нанес вам увечий?

- Спасибо за заботу, почтенный господин Лю, - скупо улыбнулся ему Чижиков. - Я в порядке.

В этот момент между низкими домами родилось движение -

расталкивая разбойников, вперед выбежал какой-то человек и с криком: «Брат! Брат!» - устремился к Лю Бану.

Для того чтобы ничего не упустить из происходящего, Шпунтику пришлось скрытно, кустами обогнуть почти всю площадку на вершине холма и потом взобраться на крышу одного из стоявших полукругом домов. Спрятаться на крыше было негде, а потому кот положился на судьбу.

Судьба в этот день была к Шпунтику благосклонна: никто из собравшихся на вершине холма не обращал на него внимания, все были увлечены тем, что происходило там, внизу, неподалеку от костра. Шпунтик глянул и обомлел: его хозяин, тихий и мирный, вступил в отчаянную драку с одним из тех вонючих типов, что напали на путешественников неподалеку от лягушки. Кот впал в мистический ужас, потому что вонючий размахивал палкой с приделанной к ней острой железякой, а у хозяина никакой железяки не было и в помине, и Шпунтик приготовился к худшему.

Спрашивается, как быть коту - после того, как его хозяина порубят железякой и он, хозяин, неизбежно сдохнет? К кому обратить нехитрые чаяния, к кому устремить робкие надежды? Нет, это вовсе не кошачий рай, решил Шпунтик, это больше похоже на кошачий ад, где ты неприкаян, одинок и - ни малейшей еды буквально нигде.

И Шпунтик изготовился было внести посильный вклад в исход безнадежной битвы: подобрался, забил хвостом, отклячил зад, чтобы прыгнуть прямо на голову типа с палкой, да разодрать ему всю наглую физиономию, а уж там хозяин, должно быть, и сам не подкачает, - как хозяин не подкачал самостоятельно.

Два раза ронял на землю волосатого типа! Два раза возил его в пыли!

Кот передумал прыгать, но тут же увидел, что рано обрадовался: на хозяина попер какой-то мускулистый тип с лысой башкой. Хозяин испугался: бросил отнятую у волосатого палку. Лысый не унимался: тоже кинул свою палку и замахал кулаками, а каждый кулак с голову младенца! Очень здоровый и страшный противник… Прощай, рыба пикша!

Кот снова подобрался: лысую голову разодрать не в пример проще, в волосах когтями не запутаешься, но хозяин опять справился и так отоварил лысого, что тот вмиг с копыт перекинулся. Упал, лежит, скучает. И правильно: знал бы лысый заранее, как хозяин с веником управляется, вообще бы против него не вышел никогда!

Шпунтик вытянул шею: внизу установилась тишина, никто

больше на хозяина не нападал, а он - и это вместо того, чтобы ухватить какую-нибудь палку побольше, да и надавать всем злодеям, пока не опомнились! - подошел к лысому и помог ему подняться. Потом стали кричать, и лысый громче всех. Кот понял, что больше к хозяину никто не пристает и на всякий случай распластался на крыше, попытавшись стать как можно незаметнее. Мало ли что.

Внизу драчуны, похоже, договорились, даже противного Сумкина отпустили. Кот ничего не понимал, но лежал смирно. На всякий случай.

- …Брат! Брат!!

Лю Кан сжал младшего брата в объятиях.

- Как! Ты разве здесь, Лю Кан?!

- Так это брат твой? - удивленно спросил подошедший Лян Большой. - Друг Лю Кан, говорил же ты, будто брат твой - чиновник из уездных…

- Так и есть, - печально кивнул Лю Бан. Посмотрел на Лю Кана и уточнил. - Так и было.

- Коли пожаловал ты к нам с чистым сердцем, то в лагере поборников справедливости тебе всегда рады, - сказал Лян. - Старший брат твой, Лю Кан, удалец отчаянной храбрости, не раз и не два сразившийся за обездоленных.

Лю Кан покраснел.

- Зачем ты смущаешь меня, старший брат Лян? Заслуги мои ничтожны, отвага еле тлеет.

- Ну! Ну же, брат Лю! Полно! - хлопнул его по плечу предводитель разбойников. - Не ты ли в одиночку сразил того свирепого кабана, что уже изжарился у нашего очага? Пожалуйте на пир! И вы, гости дорогие!

Лян широким жестом пригласил всех к очагу, где стараниями разбойников были расстелены циновки. На иные из них поставили широкие бронзовые блюда, где зеленели овощи, золотилась жареная рыба, радовала глаз прочая мелкая снедь и шипело, исходя жиром, горячее кабанье мясо, которое огромным ножом нарезал крупными ломтями прямо с туши, не снимая ее с вертела, Кун Разящая Секира.

- А где наше вино? Выпьем же за славную встречу! - воскликнул Лян.

Четверо приволокли вино в огромном глиняном жбане. Сумкин поморщился.

Наконец, после долгих церемоний уступания друг другу места все расселись на свободных циновках: во главе - Лян Большой, на правах всеобщего старшего брата и предводителя, по

левую руку Лян усадил Чижикова, рядом плюхнулся Сумкин, около него Ника. Котя рухнул на свое место совершенно обессиленный. Его хватило только на то, чтобы не показать охватившей его слабости.

Справа от Ляна восседал Кун, ковыряя пальцем в невидимом из-за волос ухе, около него сели Лю Бан с Лю Каном и еще один разбойник - видимо, из числа ближайшего окружения предводителя; его представили как Дуна Сокрушителя, выдающегося храбреца и ярого защитника справедливости. Окинув взглядом щуплую фигуру воителя, Чижиков не усмотрел в нем ничего устрашающего. Быть может, Дун сокрушал отнюдь не силой.

Остальные члены разбойного сообщества расселись кто куда. По рядам заходили наполняемые из жбана кувшины и глиняные чаши с брагой, понеслись острые, специфические запахи.

- Мясо можешь есть смело, оно термически обработано, - шепнул Сумкин, подцепив ближайший ломоть.

Котя последовал его примеру. Есть хотелось очень.

Лян Большой сунул ему в руки глиняную чашу. В чаше плескалась мутная жидкость, пахнувшая кислятиной.

- Я обрел сегодня нового младшего брата! - провозгласил он под одобрительные выкрики собравшихся. - Мой брат Килэки! Клянусь, что узы нашего братства, скрепленного честным поединком, будут нерушимы!

И Лян в один присест выхлебал содержимое своей чаши, после чего громогласно рыгнул, утерся кулаком и вопросительно взглянул на Чижикова.

- Мой старший брат Лян! - заговорил тот. - Сегодня ты явил настоящую мудрость и благородство. И я счастлив, что теперь у меня есть такой старший брат! Но, молю тебя, не гневайся: вера моя такова, что мне неуместно пить хмельные напитки, ибо тогда лишусь я покровительства тех духов, что хранят меня в долгом пути.

- И я тоже, - тут же вставил Сумкин. - И она, - указал он на Нику.

Ника кивнула.

- Что же, - Лян Большой дернул себя за ухо. - Хоть я и не слышал о подобной вере, но пусть духи хранят тебя, а мы будем веселиться! И выпьем и за себя, и за вас! - воскликнул он, радуясь столь просто найденному выходу. - Эй, где там вино!

Лю Бан, которого не защищали духи-трезвенники, с удовольствием к своей чаше приложился. Лю Кан не отставал от брата.

Разбойничий стан наполнился звуками раскованной трапезы.

- Однако, - продолжил развалившийся на циновках Лян, пожирая мясо, - скажите мне, братья мои, и ты, сестра Кэсы, куда вы держите путь и чем мы, поборники справедливости, можем вам помочь?

- Мы направляемся в столицу, - сообщил ему Сумкин, по примеру предводителя разбойников дернув себя за ухо. Съеденное мясо повлияло на великого китаеведа самым положительным образом, и он совершенно пришел в себя. - Путь туда труден и долог, оттого мы и попросили смотрителя Лю помочь нам.

- Смотрителя Лю? - удивился Лян Большой. - Ах да, ты, брат Сыпокэ, ведешь речь о старшем брате Лю Кана, нашего верного друга и великого воина! Как же вышло, что ты, брат Лю Бан, покинул службу?

- Такова моя судьба, - твердо ответил Лю Бан. Голос его был исполнен решимости. - Сегодня ночью, когда я, как обычно, исполнял свой долг, в наш уездный город прибыли посланцы императора, и я понял, что больше не могу нести службу. Смотреть на страдания народа, на то, как день за днем пьют его кровь и едят его плоть, оказалось выше моих сил!

- Сколь верны твои слова, сколь справедливы! - подхватил Кун Разящая Секира. - Все мы - и я, и старший брат Лян, и брат Дун, и другие, - сошлись тут не потому, что стремились к грабежам разбойным. Я был простым воином, вкусил жестокой несправедливости и бежал, обманув стражу. Теперь у меня нет дома, нет семьи! Вся моя родня здесь, в этих лесах!

- Когда-то и я служил наставником ратного дела, - заговорил Лян. - Но меня оболгали коварные недруги, зарившиеся на мое место. А что сделали власти?! Судья, сговорившись с завистниками, вынес приговор не по справедливости, а по воле своего алчного сердца! Взял мзду немалую! Меня клеймили и выслали на строительство великой стены, но я перебил охрану и обрел свободу! Совершил ли бы я что-либо подобное, если бы в Поднебесной правила справедливость, а сердце властителя заботили нужды его подданных?!

- Увы! - горестно вздохнул Лю Бан. - Я делал для народа все, что было в моих малых силах, но когда ночью из столицы прибыл сам советник Гао, понял, что и мне не сносить головы. И вот я здесь.

- Брат, - Лю Кан смотрел на Лю Бана со слезами, - могли ли мы подумать, что жизнь обернется таким вот образом? Ты был чиновник, а теперь, как и я, сидишь в диком лесу, вдалеке от родного очага.

- Оттого мы и ушли в леса, - Лян Большой поднял чашу над

головой, - чтобы вершить ту справедливость, которая нам по силам. Мы перехватываем идущие в столицу караваны, что везут последние крохи, отобранные у простых людей. Мы возвращаем имущество несчастным, у которых не осталось больше надежды. Брат Лю! Знай, что подобных нам много, и с каждым днем становится все больше. Слышал ли ты о великом воителе Чэн Шэне, что собирает под свои знамена целую армию, дабы противостоять тирану? Мы с братьями подумываем присоединиться к нему. Пойдешь ли ты с нами?

- Всем сердцем я хотел бы пойти с тобой, благородный брат Лян! - ответил Лю Бан, - но сейчас само Небо указывает на то, что я должен идти в столицу с чужестранными гостями, - он почтительно кивнул в сторону Чижикова.

Котя сделал непроницаемое лицо.

«Смотри, это там не Шпунтик притаился? - шепнул Сумкин, указывая глазами на крышу одного из домов. - Точно, он!»

- В самое логово тирана… - задумчиво сказал Лян Большой. - Как же Небо указало тебе, брат Лю, что ты должен идти на верную смерть?

- Небо отвернулось от властителя Цинь, - сказал Лю Бан. - Даже в нашем незначительном уезде вчера с неба в озеро снизошел дракон! Дракон был гневен, брат Лян, очень гневен! Виданное ли дело, чтобы повелитель водной стихии нисходил в огне!

- Что ты говоришь, брат!

- Да, да! Многие это видели. Среди бела дня дракон в пламени и дыму прочертил небо и скрылся в озерных водах! Великое, великое нестроение охватило Поднебесную, на глазах она погружается в хаос и смуту! А вчера вечером Небо послало знак лично мне: в мой дом явился благовещий зверь мао!

- О-о-о… - выпучил глаза от изумления Лян, а Кун Разящая Секира и Дун Сокрушительный даже с места вскочили от такого известия. - И как же, брат мой, выглядит благовещий зверь? Какова его сила?

- Мне сила благовещего зверя неведома, - ответил Лю Бан, - но только, брат Лян, именно эти чужестранцы сопровождают зверя мао в его странствиях, - бывший уездный чиновник указал на Чижикова, Сумкина и Нику. - Они верные стражи благовещего животного. Брат Лян, посуди сам: мог ли я отказаться помочь сим необычайным чужестранцам отыскать путь в столицу, когда Небо прямо указывает, что в этом моя судьба и то великое дело, которое я должен совершить?

Предводитель разбойников перевел полный изумления взгляд с Чижикова на Сумкина, затем с Сумкина на Нику.

- Так вы могущественные маги?! - наконец вымолвил Лян.

- Да! Их защищают духи! - неожиданно вмешался в разговор старших откуда-то взявшийся рядом Сунь Девятый. - Я сам, сам видел!

- Какие духи? Ты их видел, маленький брат?!

- Да, я видел! Видел! - кивнул мальчик. - Духи пришли на рассвете, когда мы ночевали в лесу. На нас напали, в нас стреляли. Много, много стрел! И тут появились духи! Они отразили все стрелы! Они набросились на злодеев и те в страхе бежали! Духи были такие… такие… - Сунь Девятый в возбуждении не мог отыскать нужные слова. - Они были такие… как колышущийся туман, но я видел, ясно видел!

- Это правда, - степенно подтвердил Лю Бан. - Мальчик никогда не лжет.

- Вы все-таки могучие маги! - Лян Большой глубоко поклонился Чижикову, Сумкину и Нике, а за ним принялись кланяться и другие разбойники. - Простите нас, простите! Мы не ведали, на кого поднимаем руку!

- Вовсе нет, - помотал головой Сумкин. - Мы просто сопровождаем благовещего зверя в его путешествии, как верно сказал брат Лю Бан. Не надо оказывать нам никаких почестей. Мы самые простые люди.

- Да, но… - предводитель был обескуражен. - А где же… где же благовещий зверь? Можно ли созерцать благовещего зверя?

- Дело в том… - Сумкин чуть помедлил, пощипал бородку в раздумье, - что благовещий зверь не обладает никаким могуществом, кроме того, что является миру, дабы указать на волю Неба. Благовещий зверь сам нуждается в защите, но горе тому, кто покусится на зверя мао!

- Да мы и не думали… Нам бы только… посозерцать… - просительно поклонился Сумкину Лян Большой. - Посозерцать.

- Посозерцать? Это можно! - кивнул Федор и локтем толкнул Чижикова в бок.

- Благовещий зверь! - позвал Котя, помахав засевшему на крыше Шпунтику. Кот заинтересованно вытянул шею. - Снизойди до нас, пожалуйста! Сделай милость! - попросил он с нажимом, видя, что кот заметил его жесты, но все еще не решается спрыгнуть вниз.

И благовещий зверь снизошел.

ЭПИЗОД 13 Пока лихие люди пили брагу

Поднебесная, разбойничий стан, III век до н. э.

- А я-то думал, старик, ты только Лукьяненко с Головачевым и читаешь, - задумчиво сказал Сумкин Коте. Они, отключив переводчики, сидели на громадном валуне с краю, а за спиной

шумел затихающим пиром разбойничий лагерь. - А ты, старик, надо же - Гомера наизусть шпаришь!

- Ну, я не полностью выучил, - смутился Чижиков. - Только куски.

- Из Лукьяненко?

- Из «Илиады».

Чижиков и Сумкин улизнули от Ляна Большого и прочего лихого люда под благовидным предлогом: сослались на необходимость справить нужду, что было воспринято с пониманием. К тому времени доблестные поборники справедливости почти осушили жбан с бражкой, которую называли добрым вином, и доброе вино оказало на них вполне ожидаемое действие: разбойники сделались веселы, стали петь песни, прерывая их для взаимных восхвалений, а также для того, чтобы в очередной раз выразить почтение благовещему животному мао.

После очередного явления Шпунтика древнекитайскому народу положение в разбойничьем лагере бывших пленников, а ныне чуть не посланцев небес, необычайно упрочилось. Как только кот спрыгнул с крыши и, чутко поводя ушами и раздраженно дергая хвостом, подошел к хозяину, вольные люди превратились в наивных детей - попадали на колени и принялись Шпунтику кланяться, а после того, как кот уселся рядом с Чижиковым, заодно от души покланялись и Коте. Шпунтик принял почитание вполне благосклонно: последний раз за ним последовала еда, не обманули его предчувствия и в этот раз. Справившись у чужестранцев, можно ли угостить благовещее животное их грубой пищей и получив дозволение, разбойники во главе с Ляном Большим наметали перед котом такую прорву всякой снеди, что Шпунтик сначала даже растерялся. Осмотревшись, он проигнорировал рис с овощами и уверенно взялся за рыбу. Рыба была жареная, и хотя совершенно не походила на пикшу, оказалась чертовски вкусной. Сгрудившиеся на почтительном расстоянии разбойники смотрели на неторопливо трапезничающего кота как на неведомое чудо, а Шпунтик знай себе наворачивал.

Вот тут-то, воспользовавшись удобным моментом, Сумкин и уволок Чижикова подальше от костра - покурить в покое. Нику друзья оставили при благовещем звере, который девушку изрядно жаловал.

Здесь их никто не видел, и табачный дым таял в полумраке наступившей ночи совершенно невозбранно.

- А кстати, кто этот великий воитель Чэн Шэн, которого так восхвалял Лян? - поинтересовался Чижиков. - А, Федор

Михайлович?

- Лидер народного восстания, старик. Когда империя Цинь Ши-хуана стала трещать по швам, многие взялись воду мутить, дабы кусок власти оттяпать, но Чэн преуспел больше прочих, - выпустив облако дыма, объяснил Федор. - И когда Цинь Ши-хуан помер, даже цельное государство собственное основал, назвав его Чу. Местные герои еще долго потом между собой силами мерились, но Лю Бан постепенно всех сделал. Так-то, старик…

- А советник Гао кто такой? - спросил Чижиков.

Сумкин лишь плечами пожал:

- Об этом персонаже известные мне словари и справочники умалчивают. Гад какой-нибудь.

Ночь была тиха - если не считать разошедшихся разбойников, а звезды в небе стояли крупные и чистые. Природа дышала спокойствием, и Чижиков с удивлением подумал, что вот еще несколько часов назад шел, грубо толкаемый в спину, через лес с вонючей тряпкой на голове, не ведая ближайшей судьбы. Потом, впав в несвойственный ему боевой транс, бился сначала с Куном, а потом и с Ляном, совершенно о себе не заботясь и о последствиях не думая. А сейчас сидит на камне сытый и отдохнувший, курит и, как ни в чем не бывало, глядит на небо. А рядом дымит, как паровоз, Сумкин, который тоже, кажется, вполне свыкся с парадоксальной мыслью о том, что он в Китае третьего века до нашей эры.

- Странно все это, - задумчиво проговорил великий китаевед и сплюнул в темноту. - Я про то, старик, что мы до сих пор живы и даже относительно целы. И что тебя сегодня не зарубили, - Сумкин потер ссадину от веревки, ободравшей его нежное запястье. - Ну ты дал, старик, ты конкретно дал! Как это… А! Вот: «В пыль голова покатилась, еще бормотать продолжая»! Тебя же запросто могли убить, а потом. выбросить в какие-нибудь колючие кусты! Ты о чем вообще думал?

- Да ни о чем я не думал, - признался Котя. - Просто, знаешь, я вдруг понял, что если ничего не сделаю, то может случиться что-то гораздо более ужасное.

- Ты про Нику? - с пониманием кивнул Сумкин. - Точно, старик, могло. А я… я как-то растерялся. Ты знаешь, я парень башковитый, с мозгами, но совершенно неспортивный.

- Да брось, - махнул рукой Чижиков. - Все уже позади.

Он видел, что приятель мучается собственным бессилием и тем, что не по-мужски повел себя в виду откровенной угрозы. Чижиков Федора очень хорошо понимал: если бы на него не нашло боевое безумие, он бы тоже застыл, не зная, что предпринять.

- Ну… - Сумкин вздохнул, потом посмотрел на Чижикова и легонько ткнул его в бок. Федор не умел долго огорчаться. - Слушай, как вернемся, покажешь мне немного своего волшебного искусства? Нет, правда, старик! Я честно буду на тренировки ходить, отжиматься, сколько скажешь, бегать по утрам, даже иногда подтягиваться. Что ты смеешься? Ничего смешного тут нет! Может, я на старости лет решил немного физически подразвиться и познать, наконец, на собственной шкуре преимущества школы Ян над школой Мэн?

- Да ну тебя, Федор Михайлович! Тоже мне, нарождающийся богатырь земли русской!

Сумкин хихикнул, вынул из пачки новую сигарету и с сомнением на нее уставился.

- А вот у меня еще один вопрос возник, - все так же разглядывая сигарету, начал он. - Почему наша милая Ника не воспользовалась своей хреновиной из будущего, ну той, которая во времени перемещает? Нажала бы на кнопочку, мы бы раз - и переместились назад, и разбойники бы нас не схватили. А?

- Наверное, просто не успела, - пожал плечами Чижиков. - Но, скорее всего, это было бесполезно. Кун-то, который с секирой, уже давно нас в лесу вел, так что пара минут проблемы не решили бы.

- Может, спросим ее саму? - деловито щелкнул зажигалкой великий китаевед.

- Э-э-э… Давай не сейчас, ладно?

- Да чего тянуть-то? Чего тянуть? - Сумкин взъерошил ладонью волосы. - Уж если кто что-то и знает, так это она, Ника! Вот ты, помнится мне, сказал, что сюда тебя перенесла она, так?

- Ну, вроде.

Думая о Нике, Чижиков испытывал противоречивые чувства: с одной стороны, он не мог не злиться на девушку за то, что она втравила его в эту безнадежную историю, а с другой, Котя не мог не признать, что, несмотря ни на что, Ника ему симпатична. Кроме того, Чижиков смутно ощущал в Нике некую странность: она как будто примеряла на свое лицо улыбки, слезы, обиду, гнев, не умея эти чувства выразить свободно и естественно. Что, в сущности, Котя про Нику знал? Да практически ничего. И как со всем этим быть, Чижиков не мог пока разобраться.

- Что-то я не слышу уверенности в твоем голосе, старик! Совсем не слышу. Но, заметь себе на манжетах, я этому не удивляюсь. Черт, да я уже вообще удивляться разучился за эту пару дней! Когда кругом такое, такое! - Сумкин сделал руками фигурный жест. - Ну ладно, ладно… И как Ника это перемещение произвела?

- Понятия не имею.

- Вот! Так давай пойдем и спросим.

- Мне кажется, не стоит.

- Отчего это не стоит? Почему, я тебя спрашиваю? Да каждая клеточка моего высокоученого организма буквально вопиет о чистом и незамутненном ложью знании: что вообще происходит? Почему? Отчего именно так? И кто виноват в том, что мы оказались по самые уши во всем этом древнекитайском дерьме? Я хочу знать, понимаешь? И вижу только один толковый источник информации. И называется он - Ника.

- С ней вообще странная история, Федор Михайлович, - произнес Чижиков и замолчал, прикидывая, стоит ли говорить.

- Еще бы не странная! - воскликнул Сумкин. - Она же у нас из будущего. Ты находишь это нормальным? Или в твоей системе координат вполне естественно скакать во времени и при этом прихватывать с собой совершенно невинных людей, которые только-только раскатали губу поесть курицы?

- Мне кажется, она к твоему перемещению никакого отношения не имеет, Федор Михайлович, - возразил Котя. - Она не врет: когда ты вдруг появился прямо у нас перед носом, Ника удивилась не меньше меня.

- И что это доказывает, что? - напористо заговорил Сумкин. - Это ровным счетом ничего не доказывает. Кто она такая вообще? Может, знатная артистка больших и малых театров. Она с тобой летела? Ты давно с ней знаком?

- Тут такое дело, - Котя решился: будь что будет. Все же Сумкина он знает далеко не первый год. - Понимаешь…

И Чижиков коротко рассказал приятелю, как нашел у себя под дверью тринадцатилетнюю Нику, девочку из будущего; как он не придал значения этому ее утверждению и усиленно от навязчивой Ники отделывался - и таки отделался, а она потом все равно обнаружилась в летящем в Пекин самолете, но уже в возрасте двадцати трех лет. Рассказал и о том, как Ника велела держаться рядом, когда самолет начал падать, о том, как их окутало белое сияние и как позднее они пришли в себя на берегу древнекитайского озера.

- Я пытался от нее удрать и пытался заставить отвечать на вопросы. Все бесполезно: Ника так ничего мне толком и не объяснила и никуда не делась, - закончил Чижиков. - Ну не пытать же ее, в самом деле?

- Да, пытать как-то неловко, - согласился Сумкин задумчиво. И вновь оживился. - Кстати, а ты умеешь? Ну, там иголки под ногти загонять и все такое? А то китайцы, доложу я тебе, в этом смысле очень далеко продвинулись, и мы могли бы…

- Федор Михайлович!

- Ладно, ладно! Пошутил я, пошутил. И все равно - я не вижу, отчего бы не задать Нике пару-тройку хороших, берущих за душу вопросов.

- Да она от любого вопроса отговорится! Пробовал я по всякому, только голову вдрызг заморочила, - махнул рукой Котя. - Бесполезно это. К тому же только она знает, куда нам идти, чтобы выбраться отсюда.

Он кивнул в сторону разбойничьего лагеря.

- Ты меня просто поражаешь, старик, - сокрушенно покачал головой Сумкин. - Просто поражаешь… Ну откуда, скажи мне на милость, тебе известно, что там, куда стремится Ника, действительно будет некая фигулина, которая благополучно доставит нас домой? А? Может, она воспользуется нашими многочисленными талантами для достижения собственных це лей, свалит в свое светлое будущее, а нас бросит на произвол судьбины лютой здесь? Тебе такое в голову не приходило?

- Приходило, - кивнул Чижиков. - Но я старательно игнорировал эту мысль. Да и что мы можем поделать?

- Ну, например, никуда больше не идти, - предложил Федор. - А что? Мы теперь сподвижники благовещего Шпунтика, нас практически на руках носят, мы везде желанные гости. Не пропадем. В принципе, можно и у Ляна остаться, пожить немного на халяву. А что? Воздух тут свежий, с мясом проблем нет, Шпунтику тоже, вроде, нравится. Надо только решить вопрос с табаком и все. Ты удивишься, старик, насколько я неприхотлив в повседневной жизни!

- Интересная мысль.

- О чем я тебе и толкую! - торжествующе стряхнул пепел на штаны Сумкин. - Откажемся идти дальше в столицу, скажем: благовещий зверь дал такой знак. И посмотрим, что Ника предпримет…

- …а предпринять ей нечего! - подхватил, воодушевляясь, Котя, - и мы вынудим ее все-все-все нам рассказать. Толково придумано.

- Точно! - хлопнул его по плечу Сумкин. - Давай еще по одной?

И предложил, вытаскивая пачку:

- Да бери мою, у тебя уж и не осталось, поди.

Чижиков взял предложенную сигарету, наклонился к огоньку зажигалки прикурить, засмотрелся на огонь и…

Второй сон Константина Чижикова

Едет автобус - широкие окна, парные сидения и между ними проход к кабине водителя. В окна бьет солнце, ощутимо холодно: зима? Пассажиров в автобусе немного - с десяток, все в пальто и шапках; сидят свободно и оживленно переговариваются, а один из них, невысокий мужчина в зеленом, военного покроя, длинном стеганом пальто и без шапки стоит в проходе. Держась за поручень у потолка, свободной рукой указывает в окно и что-то громко говорит остальным. Котя вглядывается: стоящий в проходе - китаец, на груди у него алеет большой круглый значок с Председателем Мао. Остальные пассажиры - европейцы: русские, точнее советские, Котя знает это твердо. А еще он знает, что автобус, люди, едущие в нем, - все они из прошлого, из пятидесятых годов двадцатого века. Местное средство передвижения ползет по тогдашнему Китаю, петляет по горной дороге, упорно стремится вверх, а за окном сменяются один другого краше живописные пейзажи. У всех пассажиров прекрасное настроение, какое и должно быть в погожий зимний день, они едут в горы насладиться заслуженным отдыхом после тяжелой трудовой недели на великих народных стройках. Они - советские специалисты, помогающие братскому китайскому народу создавать лучшее будущее.

Неподалеку от ворот небольшого даосского храма раскинулось маленькое торжище - рыночек, где можно купить продукты питания, изделия сельских кооперативов, сувениры и разные прочие немудреные мелочи. Вот кто-то из приезжих уже приценивается к вырезанному из цельного куска дерева бюсту Председателя Мао, вот другой - высокий и, несмотря на морозец, в шляпе - заинтересованно разглядывает невзрачный красноватый сундучок, внимательно слушая, что через переводчика вещает ему укутанный в старый тулуп краснощекий продавец. Слушает и кивает, машинально поднося руку к подбородку, на котором алеет свежая ссадина. Котя знает, что тот сегодня упал и расшибся - поскользнулся на обледеневшей горной тропинке, что вела к беседке на отшибе; чуть не сорвался в пропасть, но вовремя подоспели сопровождающие, удержали. А от ворот спешит уже водитель - зовет в автобус, пора ехать дальше. Человек в шляпе морщится, нервно торгуется, потом достает деньги, протягивает краснощекому продавцу. Продавец оборачивает сундучок тряпкой, отдает покупателю.

Вот комната, похожая на гостиничный номер: у стены большой деревянный шкаф, рядом с дверью невысокая этажерка,

на ней книги, у окна - широкий письменный стол. У стола сидит человек - тот самый, что купил сундучок. Теперь, когда на нем нет пальто с высоко поднятым воротником и шляпы, надвинутой от холодного ветра на самые глаза, Котя видит его лицо и с замиранием сердца понимает, что это его дед Вилен Иванович Чижиков. Черные, без изъяна волосы, светлое, чистое, почти без морщин волевое лицо, пятно йода на подбородке. Сердце Коти переполняет счастье: он снова видит деда! Котя смотрит на этажерку, зацепляет глазом знакомый переплет - «Илиада», тот самый экземпляр! Котя хочет броситься к деду, обнять его, закричать от восторга, но не может, его нет в этом сне. И тут его взгляд падает на стол, туда, куда так пристально смотрит не замечающий его присутствия дед Вилен: а там - сундучок. Неведомая сила приближает Котю к столу, сила эта словно говорит: смотри! смотри! запоминай! Котя глядит: сундучок, красный, облупившийся. Еще ближе: на лаковой крышке - черный, словно ребенком выжженный круг и схематические изображения животных, числом пять. Котя не хочет смотреть на круг, он хочет вернуться к деду, силится вырваться, напрягает все силы и тут…

- …Старик… Старик, - словно издалека донесся до Чижикова тихий голос Сумкина.

Котя почувствовал, что его схватили за плечо и осторожно трясут.

Чижиков открыл глаза и первое, что увидел - был дымящийся окурок меж пальцев. Сигарета дотлела почти до фильтра. Котя разжал пальцы, но Сумкин продолжал трясти его и звать - отчего-то шепотом.

- Что? - еще не отойдя от видения, тоже на всякий случай шепотом спросил Котя, поворачивая голову к приятелю.

- Смотри-и-и…

Сумкин, замерев на месте, шептал уголком рта.

- Только не дергайся. Смотри, - показал он глазами куда- то в темноту ночи. - Вон там…

Чижиков посмотрел в указанном направлении и увидел знакомый прозрачный силуэт. Еле различимый, он парил метрах в трех от приятелей. Котя явственно почувствовал невидимый взгляд прозрачного. И устремлен этот взгляд был прямо на него.

Друзья застыли в молчании, и тут прозрачный медленно растаял в темноте. Миг - и никаких следов.

- Ушло… - спертым голосом проговорил Сумкин. - Ух, черт. Ты видел, видел?

- Ага, - подтвердил Котя и потряс головой: молодой дед Вилен все еще ясно стоял перед глазами.

- Если бы мне кто рассказал, никогда не поверил бы, - Федор

судорожно выхватил новую сигарету, зубами оторвал фильтр и выплюнул его в темноту. - Ты понимаешь, старик, что это значит? Понимаешь?

- Что? - оглоушено спросил Чижиков.

- Да то! Похоже, все истории про встречи с призраками, духами и прочей нечистью, которыми пестрят древнекитайские рассказы - правда! - щелкнул зажигалкой Сумкин. - У одного меня еще могут случиться галлюцинации, это я допускаю, к тому же зрение у меня хреновое, - Федор сорвал с носа очки и победно потряс ими. - Но у двоих одинаковые галлюцинации исключены. Ты это видел? Видел. Я это видел? Видел. Значит, это есть на самом деле. Призрак. Ты понимаешь, понимаешь, старик, чему мы с тобой были только что свидетелями? Да тому, что по древнему Китаю действительно разгуливают духи! Это же в корне все меняет, буквально сводит на нет научные изыскания, считающие призраков и духов исключительно народной фантазией и суевериями! Феноменально! Ты чего, старик?

Только тут Сумкин заметил, что приятель не разделяет его восторгов.

- Послушай, - замялся Котя. - Как бы это тебе сказать…

- Что такое? - всполошился Сумкин. - Давай, не стесняйся, валяй, выкладывай! Знаю, знаю! Ты хочешь сказать, что я полный псих, а ты ничего не видел?

- Нет, я видел то же, что и ты, - покачал головой Чижиков. - Но…

- Ага! - торжествующе воскликнул Федор. - Значит, ты не отрицаешь, что…

- Да погоди ты тарахтеть, Федор Михайлович! - тоже повысил голос Котя. - Ты меня выслушай спокойно. Дело в том, что я такое уже не в первый раз вижу. Сначала это случилось там, в храме - ну помнишь, где мы ночевали, а на нас напали какие-то типы?

- Помню, - кивнул Сумкин. Глаза его горели жаждой познания. - Там еще пацан кричал: духи! духи! им помогают духи! Ты про это?

- Ну да, - Чижиков вздохнул. - Я сам видел, как такой… призрак отразил все летевшие в нас стрелы, а потом бросился преследовать нападавших. И пацан это видел.

- Это… - такого великий китаевед явно не ожидал. - Это что же? Выходит, шустрый китайчонок был прав и нам действительно помогают местные духи! Обалдеть!

- Только, Федор Михайлович, они, по-моему, не совсем местные.

- В каком смысле? Нет, ты меня сегодня решительно с ума сведешь! Говори толком!

- Ну… - Чижиков вынул из пачки Сумкина сигарету. - Понимаешь, такой же призрак являлся ко мне в Петербурге. Прямо из стены в кухне.

- Ну?! - на Сумкина было больно смотреть: на глазах рушилась его гипотеза о реальности древнекитайских духов. - А тебе не приснилось? Не привиделось? Может, ты пьяный в дугу был? Ты точно помнишь, что именно такой? - жалобно спросил он. - Точно?

- Точно.

- Нет, точно - или то-о-очно?

- Совершенно точно. Точнее некуда, - подтвердил Чижиков. - Кроме того…

- Ну что еще?!

- Мне кажется, что эти призраки пытаются беседовать со мной, - выпалил Чижиков. - Я тоже не псих, - на всякий случай быстро добавил он. - Когда мы ночевали в храме, мне приснился очень странный сон: всемирная катастрофа и па дающая на землю Луна, а потом будто голос, который просит меня: «Не допусти!» А как проснулся, смотрю - призрак совсем рядом со мной стоит! И я его спрашиваю: это ты со мной во сне разговаривал? И он мне в ответ кивнул. А сейчас, пока мы курили, я отрубился и вдруг как наяву увидел своего деда-покойника. Только он был молодой и в Китае. В середине пятидесятых годов. Никогда у меня не было еще таких сновидений - реалистических, словно живых! И оба раза рядом ошивался призрак.

Чижиков посмотрел на Сумкина с надеждой: быть может, хоть Федор что-то объяснит, растолкует? Может, ему в умную голову придет разумное и рационалистичное объяснение, как все это понимать?

- М-да, - пожевал губами пораженный Сумкин, с трудом усваивая полученную информацию. - Все чудесатее и чудесатее. Даже и не знаю, что тебе на все это сказать. По твоим словам выходит, будто такие же призраки есть и в этом, и в нашем времени.

- Абсолютно такие же! Насколько я могу судить, конечно.

- Логично будет предположить тогда, что они существовали и в другие времена, столетия и эпохи. Лично мне интересно: это типа бессмертные, если такое понятие к при зракам вообще применимо, или же это разные, так сказать, поколения? В любом случае, старик, основываясь на тех скудных данных, которыми мы располагаем, имеет смысл говорить о чем-то вроде параллельной цивилизации, что ли… - сказал Сумкин и умолк, пораженный собственными словами. - То есть на Земле живут люди, они развиваются, цивилизуются, отравляют окружающую среду и

стремятся к звездам, а рядом с ними все это время тихо и незаметно живет-поживает призрачное общество. Тьфу! До какой ерунды можно договориться! Нет, ты послушай, старик, что я несу?!

Федор в раздражении отшвырнул окурок.

- А что, - задумчиво проговорил Котя. - Почему бы и нет?

- Ну начинается! Попер Эрнест Мулдашев! - вскипел Сумкин. - Сейчас ты мне расскажешь, что пирамиды построили инопланетяне, что рисунки на плато Наска - это посадочные маркеры для их кораблей, а в районе Тунгуски потерпел аварию транспортник, который вез на Землю очередную партию зеленых человечков! Ты давно «Секретные материалы» смотреть перестал?

- Да причем тут это?! - разозлился Котя. - Ты сам посуди, Федор: мы знаем, что эти призраки существуют, так? Мы знаем, что они разумны, иначе как бы они могли кивнуть в ответ на мой вопрос? Мы знаем, что призраки присутствуют что в нашем, что в этом времени.

- И что? - ехидно осведомился Сумкин.

- А то! - Чижиков вспомнил, что рассказывал ему про прозрачных Алексей Борн. - Почему бы не допустить, что это - остатки древней цивилизации, жившей на Земле задолго до нас, и что в процессе эволюции они дематериализовались или перешли на иной уровень существования?

- Допустить, капитан Кирк, можно буквально что угодно, вот что я тебе на это скажу! - саркастически заявил Сумкин.

- Да ну, - отмахнулся Котя. - Это уж слишком, Федор Михайлович.

- А древняя цивилизация истончившихся от времени призраков не слишком? - поинтересовался Сумкин и вздохнул. - Подчас самых умных людей заносит. Вот, помню, на одной уважаемой научной конференции по Китаю один вполне маститый ученый муж сделал поражающий воображение доклад о том, что в древности на территории Китая совершили посадку два инопланетных космических корабля, которым Земля глянулась как планета. Пришельцы принадлежали к разным цивилизациям, и те и другие считали, что застолбили Землю первыми, и поскольку не сошлись на сей предмет во мнениях, развернули полномасштабное сражение за обладание нашей замечательной планетой. Ну а в процессе этого сражения друг друга дотла уничтожили. Так вот, ученый муж на полном серьезе нашел подтверждение всей этой галиматье в древнекитайских письменных памятниках, а также в мифологических преданиях. И вышло у него, что одной из противоборствующих сторон был мифический Желтый император, прародитель китайской

цивилизации, ну и, само собой, его соратники, а забороть Желтого императора пытался некто Чи-ю, согласно дошедшим обрывкам мифов, уродливый великан с медной башкой и с такими же металлическими солдатами. Ну чем не боевые роботы?

- Интересно… - сказал Чижиков. - И когда это примерно было?

- Слушай, старик, я тебе просто пример привел. Пример того, куда может завести богатое воображение, если в его топку накидать ничем не подтвержденной информации. Давай лучше попробуем рассуждать логически, на основании доступных эмпирических источников.

- Откуда-чего?

- Оттуда-того, что мы с тобой видели своими глазами. Вот скажи, тогда, в Питере… Когда к тебе на хату призрак заявился, чего он хотел? Что говорил? Чем мотивировал? И как все закончилось?

- Так у меня как раз сидела… - начал было Чижиков, но сзади послышались шаги, и из кустов к валуну шагнула Ника.

- Ах, вот вы где! - улыбнулась она. - А мы вас ищем, ищем…

Следом явился совершенно довольный жизнью Шпунтик и вопросительно уставился на хозяина.

ЭПИЗОД 14 Визит советника Гао

Поднебесная, разбойничий стан - река, III век до н. э.

Из решения не двигаться с места, пока Ника не расскажет всей правды, ничего не вышло: утром разбойничий стан был атакован.

Спать легли поздно, заболтались. Впрочем, едва появилась Ника, Чижиков и Сумкин, не сговариваясь, свернули беседу. Сумкин выразительно пожаловался на усталость, потом у него снова случился приступ зубной боли - и Котя поддержал приятеля. Все трое вернулись в лагерь, где нетвердо державшийся на ногах Лян Большой предоставил в распоряжение гостей отдельное жилище, а перед входом выставил охрану из двоих самых трезвых разбойников. Укладываясь на солому рядом с Никой, Чижиков спросил ее, снимает ли она на ночь контактные линзы, и получил удивительный ответ. «Я не ношу контактные линзы», - загадочно улыбнулась Ника. Ошеломленный Котя не нашелся с новым вопросом, и провел добрый час, размышляя, что бы это значило. Предмет у Ники есть, но глаза у нее при этом одинакового цвета, дело нечистое. Ника уже сладко посапывала носом, когда он, так ни до чего и не додумавшись, задремал.

Смеркалось в древнем Китае рано, а рассветало и того раньше. Чижиков только-только провалился в сон - а снилось ему, что на груди его лежит большой теплый камень и давит, давит

мягко, но упорно! - как над ухом у него завопили. Котя мигом продрал глаза и уперся взглядом в морду Шпунтика: аккуратно подобрав под себя лапы, кот возлежал у него на груди, неотрывно смотрел на хозяина и тихо, напевно мурлыкал.

- Тревога! Тревога! - надрывались снаружи.

- Что? Что такое?! - спросонья вскинулся Сумкин, торопливо нашаривая очки. - Почему орут? Кто распорядился?

В углу подняла встрепанную голову Ника.

Чижиков хотел было согнать Шпунтика с груди, но вовремя спохватился: как-никак это теперь не просто кот, но благовещее животное, от которого в каком-то смысле зависит их с Сумкиным судьба. Обидится Шпунтик, переметнется, скажем, к Ляну Большому - тот ему изрядно кланялся, и как прикажете тогда быть? Так что Чижиков аккуратно поднял кота обеими руками и бережно посадил на солому, которой был устлан земляной пол.

Тряпка, которой был занавешен вход, приподнялась - внутрь хлынул солнечный свет, и все разом зажмурились. Лю Бан, возникший на пороге, торопливо сказал:

- Господин Килэки, господин Сыпокэ! Скорее вставайте, здесь императорские гвардейцы!

И столько в голосе бывшего смотрителя уезда было волнения, такая тревога звучала в его голосе, что Чижиков, а за ним и Сумкин с Никой, поспешили одеться как можно быстрее, после чего кинулись на выход, возглавляемые задравшим хвост Шпунтиком.

- Нас хранит Небо, - пояснял на ходу Лю Бан, быстро шагая к краю площадки, туда, где у гряды валунов залегли с луками и арбалетами наготове кое-как одетые разбойники. - Хоть вчера и попировали мы славно, но брат Лян все одно не растерял прозорливости и выставил дозоры. Они и углядели гвардейцев заранее! Страшно подумать, что было бы с нами и с благовещим зверем, если бы дозорные заснули! - покачал головой смотритель, поправляя заткнутый за пояс меч.

Кругом деловито суетились разбойники: тащили к валунам пучки перевязанных веревками стрел, проверяли оружие, галдели друг на друга. Особого порядка в вольном воинстве не наблюдалось.

Чижиков, пригнувшись, скользнул к свободному месту у валуна, осторожно выглянул.

В общем и целом лагерь на холме был устроен толково: впереди на склонах не росли - или были подчистую вырублены - деревья, мелкие же кусты не в счет, поскольку за ними спрятаться мог разве что Шпунтик, а позади холма протекала быстрая речка, и с той стороны холм заканчивался крутым обрывом. Подобраться

к разбойникам незамеченными было довольно трудно, а при наличии бдительного караула практически невозможно, поскольку идти приходилось напрямик. Удальцы, укрывшиеся на вершине, обладали куда большей свободой маневра и выбора, а в случае крайней необходимости всегда могли спуститься по бамбуковым лестницам к реке и удрать на привязанных у берега лодках.

Это если совсем припрет.

Сейчас пока не припирало.

Но то, что увидел Котя, настроило его на минорный лад. Пологий голый склон упирался в стену густого леса - именно оттуда Кун Разящая Секира и его подручные пригнали Чижикова и компанию, и именно там сейчас растянулась длинная шеренга вооруженных копьями и большими луками людей в легких доспехах, тех самых злополучных императорских гвардейцев. Гвардейцев было много, на взгляд Коти - десятков пять, если не больше. Позади шеренги на коне восседал важного вида человек, в длиннополом тяжелом халате и высокой шапке; приложив козырьком ладонь ко лбу, он вглядывался в вершину холма. Начальник.

- Брат Килэки, - рядом с Чижиковым присел тяжело дышащий Лян Большой. Смуглый лоб разбойника усеяли бисерины пота. - В недобрый час состоялась наша радостная встреча.

- Старший брат, - слегка кивнул ему Чижиков. Правила древнекитайской разбойничьей игры состояли в соблюдении установленной псевдородственной иерархии, и Котя готов был правилам следовать, но до определенных пределов.

- Откуда они взялись? Чего хотят?

- Чего хотят - про то мне неведомо, - ответил Лян. - Они вышли из леса совсем недавно. Пу Седьмой заметил их сразу, у него острый глаз, и тут же поднял тревогу… О! Благовещий зверь! - заметил предводитель разбойников приблизившегося к ним Шпунтика, отвесил ему земной поклон, после чего добрым голосом сказал коту: - Многоуважаемый благовещий зверь мао! Тебе не стоит тут сейчас находиться, ибо там, - Лян указал на лес, - есть люди, которые по дерзкому незнанию могут поразить тебя случайно стрелой, а это станет для всех нас непереносимым горем. Прошу тебя, благовещий зверь, удались подальше от опасности, а мы не пожалеем жизни, дабы защитить тебя!

Шпунтик с интересом выслушал Ляна, после чего перевел взгляд на хозяина. Предводитель разбойников тоже уставился на Котю.

- Достопочтенный смотритель Лю, - нашелся Чижиков.

- Сегодня тебе выпала честь накормить благовещего зверя

приятной ему рыбой!

От такого счастья Лю Бан просветлел лицом и стал делать коту приглашающие знаки, направляя того в сторону еще дымящегося кострища и на ходу увещевая благовещего зверя «изволить проследовать со своим покорным слугой, дабы вкусить грубой пищи, единственно у нас и имеющейся». Шпунтик некоторое время следил за жестикуляцией бывшего смотрителя, потом лениво перевел взгляд на хозяина: идти, что ли? Котя еле заметно Шпунтику подмигнул: иди! И кот, сопровождаемый Лю Баном, неторопливо двинулся туда, где суетились, то и дело бегая к обрыву со свертками, с десяток разбойников.

- Брат Сыпокэ! - махнул Чижиков рукой Сумкину. - Подойди сюда, помоги советом! Сестра Кэсы, не отходи далеко.

- Окружить нас они не смогут, - говорил тем временем Лян Большой. - На реку я уже выслал дозоры в лодках. Хэй! Пусть же закипит битва! С нами благовещий зверь мао! - провозгласил он, и разбойники поддержали его нестройным, но полным энтузиазма хором.

- Благовещий зверь! - крикнул Лян еще раз, поднимаясь.

- Благовещий зверь!!! - с этим кличем Лян Большой поспешил к своим воякам.

- Да тут большая сила, - Сумкин, припавший к валуну слева от Чижикова, сощурившись, разглядывал вражеское войско. - Тут, старик, немалое для этих времен воинское подразделение, а если перед нами и правда императорская гвардия, то дело и вовсе швах: отборные ребята, им пальца в рот не клади - откусят по самый пояс. Элита тогдашних вооруженных сил, отряд «Альфа» Поднебесной…

- Что, думаешь, наше дело дрянь? - тихо спросил Чижиков, наблюдая, как внизу возникло слаженное движение: по шеренге передавали большие плетеные щиты. - Не пора ли мотать вниз на реку?

- Зачем же так сразу, - ухмыльнулся Федор. - Мы с тобой как-никак из двадцать первого века и, хотя не все тут умеют драться как Джеки Чан, но и других фильмов мы посмотрели немало. Видишь: щиты у них?

- Ну?

- Щиты деревянные, плетенные из ивы или бамбука. Стрела такой щит возьмет только с близкого расстояния или из арбалета. А так - застрянет или вообще отскочит. Тем более у разбойничков наших стрелы наверняка дрянь.

- Ты меня Очень обнадежил…

- Не суетись, старик!

И Сумкин, вскочив на ноги, побежал к разбойникам,

выкладывавшим у валунов стрелы.

- Ты куда? - спохватился Чижиков, но Федор уж не слышал.

Котя на всякий случай устремился следом.

Меж тем Сумкин схватил ближайшего разбойника за пле чо и потребовал срочно принести побольше ветхих тряпок, а также масла.

- Дело думаешь! - сообразил Котя.

- Вряд ли они ожидают подобного от лесных оборванцев, - довольно кивнул Федор.

- Каторжники, воры и убийцы! - донесся снизу зычный голос. - Кто осмелится говорить со мной?

- Кто ты такой, чтобы возвышать голос в наших владениях? - немедленно прозвучал ответ. Это Лян Большой, скинув безрукавку, выпрямился во весь свой немалый рост.

- Я императорский советник Гао! - крикнул сидевший на лошади важный чиновник. - И я не слышал, чтобы божественный император наделял вас, безродные дети черепахи, владениями! Но я готов быть милосердным даже к таким мерзким злодеям! Я не буду предавать вас лютой казни, если вы прямо сейчас выдадите мне пришлых чужаков, всех до единого!

- Ха-ха-ха! - громко, раскатисто и издевательски рассмеялся в ответ предводитель разбойников. - Ха-ха-ха! Я - прославленный удалец Лян Большой, мое имя гремит по всей Поднебесной! Со мной великие воины и поборники справедливости, молодцы как на подбор, мы ни перед кем не склоняем головы! Мы видели многих подобных тебе, и каждый потом молил нас о пощаде! Уходи, откуда пришел, и мы простим тебе твою дерзость!

Ответа не последовало. Вместо этого строй гвардейцев у подножия холма пришел в движение: распался на шесть частей, ощетинившихся копьями и прикрывшихся щитами. Советник Гао выхватил из ножен меч. Меч блеснул на солнце.

Тут же щиты сомкнулись, а в небо тучей взвились стрелы. Они взлетели высоко-высоко, а затем смертоносным дождем обрушились с неба на разбойничий лагерь. В тот же миг гвардейцы, выставив пред собою щиты, бросились вперед в атаку.

Началось.

По лагерю прокатилась волна воплей - и далеко не все из них были воплями испуга. В двух шагах от Чижикова рухнул наземь высокий разбойник: стрела со всего размаха вошла ему под ключицу почти по самое оперение. Несчастный был еще жив - на губах пузырилась кровь, разбойник пытался вдохнуть и не мог. Пальцы его бессильно царапали землю, комкая ветошь, которую он принес по приказу Сумкина. Неподалеку криком кричал другой удалец - стрела пробила ему плечо. А дальше - еще один,

и еще, и еще…

Первый удар советника Гао собрал богатый урожай.

Лян Большой при виде стрел не спрятался. Видимо, он и вправду был когда-то наставником в ратном деле: предводитель разбойников мастерски отбил посохом все стрелы, до которых сумел дотянуться, после чего громогласно расхохотался.

- И это все?! - вскричал Лян. - Это все, что ты можешь, советник Гао? Все, на что ты способен?!

Гвардейцы поднимались на холм с изрядной прытью.

- Теперь наша очередь! - крикнул Лян. - Эй, молодцы!

Разбойничья ватага обрушила на наступавших тучу стрел.

Но они не могли равняться с отборными солдатами ни в меткости, ни в мощи луков - лишь с десяток раненых гвардейцев откатились обратно, прочие же продолжали неумолимое наступление.

Чижиков остолбенел. Подле его ног лежал убитый разбойник, вглядываясь незрячими глазами в пустоту вечности, и черная кровь его струилась наземь. Котя дернулся в сторону и увидел другого, пришпиленного к стволу дерева тремя длинными стрелами, словно бабочка булавками. Голова его бессильно свесилась на грудь, руки обвисли. Мертв!

Вновь раздалось пение стрел.

Судорожно выдохнув, Чижиков скосил глаза и заметил, что одна из них вонзилась в землю в паре сантиметров от его правой ноги. Смерть прошла совсем рядом. Еще немного левее-и…

Сердце Коти неистово забилось, в висках заломило, перед глазами встала пелена. Живот скрутило от ужаса, а в позвоночник вонзилась ледяная игла.

Бежать!

Скрыться, ускользнуть, спрятаться…

Бежать!..

- Дядя Костя!!! - ворвался в его сознание отчаянный крик.

- Что?! - рывком вернулся к действительности Чижиков. - Какой дядя? Кто?! Тьфу ты!..

- Старик, помогай уже!

Это уже был Сумкин. Хлопнув Котю по спине, он резво распорядился оставшимся в живых лесным братом:

- Эй, ты! Давай, зови сюда пару друзей, и живо начинайте наматывать ветошь на кончики стрел. И плотно мотайте, не сачкуйте!

Разбойники засуетились, удивленно поглядывая на Сумкина, но за дело взялись безропотно.

- Да не так, бестолочи… тьфу, братья мои! - возмущался Федор. - Плотнее надо, крепче!

- А зачем мы это делаем, брат Сыпокэ? Это какая-то чужеземная хитрость? - робко спросил один из разбойников.

- Да, да! Именно: чужеземная хитрость! Вы обалдеете, когда увидите!

Сумкин сделался необычайно деятелен и так и сыпал во все стороны приказами и распоряжениями.

- Теперь ты! Да, я тебе, могучий поборник справедливости, говорю! Зови сюда лучников! Так, кто тут у нас… - взгляд его упал на крутившегося под ногами Суня Девятого. - А, мальчик! Ну-ка быстро беги и принеси сюда масла! Масла, которым лампы заправляют, понял?

Сунь кивнул.

- Живо! Одна нога здесь, другая тоже здесь!

Кипучая деятельность приятеля окончательно привела Чижикова в чувство: он плюхнулся на землю рядом с трудившимися над стрелами разбойниками и принялся наматывать на кончики стрел тонкие полоски ветхой ткани.

- Быстрее! Быстрее! - торопил Сумкин, то и дело высовываясь из-за валуна и глядя вниз. - Да быстрее же!

Примчался Сунь Девятый с горшком масла.

- Так, лучники, слушай меня! - Федор ухватил стрелу за оперение и погрузил замотанный тряпкой конец в масло. Щедро смочил. - Делай как я! А теперь огня сюда!

Разбойники переглянулись.

- Но костер потух давно…

- Дьявол! - на лице Федора было написано отчаяние. - Нам до зарезу нужен огонь!

- Так извергни же огонь из руки! - потребовал Сунь Девятый. Он стоял рядом со знатным китаистом и пристально смотрел на него. - Ты великий маг, старший брат Сыпокэ! Ты можешь! Я видел!

- А! Была не была!

Сумкин сунул руку за пазуху. Повернулся к ожидавшим лучникам.

- Значит, так! Слушайте все! Сейчас я подожгу масло, и вы немедля стреляйте, цельте в щиты, это главное!

С неба вновь посыпались стрелы - уже не так густо, но все же и они нашли цель. Тонко ахнул Сунь Девятый.

Сумкин щелкнул зажигалкой и бросил ее в горшок с маслом. Жарко пыхнуло. Разбойники разинули рты, но бестрепетно поднесли стрелы к огню.

- Стреляй! - заорал на лучников Сумкин.

Пылающей волной понеслись стрелы к приближающимся гвардейцам, вонзились в щиты, и те загорелись. От

неожиданности некоторые воины выпустили задымившиеся щиты из рук, другие затрясли ими в воздухе, пытаясь сбить пламя и позабыв о защите, - и всех их накрыло новой волной. Быть может, разбойники стреляли и неточно, зато кучно, а еще в нападавших летели копья. В результате стройная шеренга оказалась смята, многие попадали ранеными или убитыми, остальные бросились наутек, и лишь правый фланг, успевший подобраться ближе всех, продолжил движение к цели. Именно там был советник Гао. Оставив коня, громадными прыжками он несся вперед, и в руке его сверкал меч.

Разбойники разразились победными криками. Одну стрелу поджигали за другой, в упоении от успеха лучники стреляли еще и еще. Главной целью стал Гао: перепрыгивая через тела своих подчиненных, он невероятным образом уворачивался от летевших в него стрел и копий, или же отбивал их точными, скупыми взмахами меча.

Впереди пятеро наиболее удачливых гвардейцев уже достигли валунов и вступили в рукопашную схватку с вольными удальцами. Гао устремился на прорыв.

Оставшиеся в живых гвардейцы, видя такое дело, остановились, перегруппировались и повернули назад. Чижиков глянул, их было два десятка, не меньше. Вместе с Гао и той пятеркой, нет - уже тройкой храбрецов, пара дюжин. Многовато…

Он обернулся.

Неподалеку, прямо на земле сидела Ника: на коленях у нее лежала голова Суня Девятого. Стрела пробила мальчишке сердце - он умер сразу, и сейчас создавалось ощущение, что мальчик спит.

- Оставь его, мы уже ничем не можем помочь! - закричал ей Котя. - Где Лю Бан? Где этот чертов Лю Бан?..

- Там, - кивнула Ника направо, туда, где звенели мечи и слышались крики битвы. Она бережно опустила голову Суня на землю, встала на ноги, собралась с силами.

- Федор! - Котя тряхнул Сумкина, при виде мертвого Суня Девятого растерявшего весь боевой задор. - Федор, слышишь меня? Самое время мотать отсюда!

- Да-да… А? Что ты говоришь? - переспросил бледный как полотно Сумкин.

- Я говорю, что пока нас тут не перерезали, как котят, нужно забирать нашего драгоценного проводника и уматывать к лодкам! - крикнул ему прямо в ухо Котя. - Понял меня?

- И вовсе незачем так орать, - поморщился великий китаевед. - Я тебя прекрасно слышу, старик.

- Тогда чеши за нашими шмотками, хватай Шпунтика, а мы -

за Лю Баном, - велел Чижиков. - Если что, руби всех мечом в капусту. Встретимся у спуска к реке. Вперед!

На правом фланге было жарко: здесь, у низкого строения, из которого выглядывали ряды мешков, а вдоль стены стояли глиняные кувшины и жбаны, развернулось настоящее сражение. Там и сям валялись тела разбойников, земля почернела от пролитой крови - воинская подготовка лесных братьев не могла идти ни в какое сравнение с боевыми навыками императорской гвардии.

В строю осталось слишком мало удальцов - Лян Большой, Кун Разящая Секира да еще Лю Бан. Когда Чижиков и Ника прибежали сюда, обороняющиеся совместными усилиями зарубили последнего из прорвавшихся гвардейцев. Однако цена этой маленькой победы оказалась слишком высока.

Обрушилась внезапная тишина.

- Братья, мы победили! - воскликнул предводитель разбойников, но в голосе его не было радости. - Мы победили, братья…

- Вас не задело, добрые господа? - устремился к Чижикову и Нике Лю Бан. Лоб его перечеркнула длинная царапина, глаза горели, бородка спуталась. - Каково состояние благовещего зверя мао?

- Зверь в порядке, - ответил Котя. - Смотритель Лю, старший брат Лян, нам нужно скорее уходить к реке! Сейчас здесь будет еще два десятка гвардейцев!

- А-а-а-а!!! - раздался вдруг страшный крик и из-за валунов выпрыгнул советник Гао. Полы его халата взвились как крылья - и сам он летел подобно птице, высоко и стремительно, воздев над головой меч. Котя видел подобное лишь в гонконгских боевиках, но там актеры летали, поддерживаемые страховочными тросами, а тут…

Еще не коснувшись ногами земли, Гао взмахнул левой рукой, что-то сверкнуло - и стоявший рядом с Котей Лю Бан коротко хекнул: в грудь его по самую рукоятку вошел длинный боевой нож. Глаза Лю Бана удивленно раскрылись, губы скривило.

- Не-е-ет!!! - закричал Чижиков, протягивая руки к начинающему заваливаться на спину смотрителю. - Нет…

Котя оборотился в сторону противника и увидел, как при замедленной съемке, что тот уже занес меч над головой Ляна Большого. Предводитель разбойников никак не поспевал отразить этот стремительный удар. Следующим на очереди был Кун, а потом уже и они с Никой…

И тут девушка использовала текор.

…Чижиков обернулся.

Неподалеку, прямо на земле сидела Ника: на коленях у нее лежала голова Суня Девятого. Стрела пробила мальчишке сердце - он умер сразу, и сейчас создавалось ощущение, что мальчик спит.

Девушка подняла голову и посмотрела на Котю.

- Пять минут и три секунды, говоришь? - спросил он.

- Масло, - только и сказала Ника, бережно опустила голову Суня на землю и вскинулась как стрела.

- Федор! - заорал Чижиков, хватая Сумкина за плечо. - Дуй за нашими вещами и Шпунтиком! Нет-нет, ничего не спрашивай, поверь: так надо! Не спорь, если хочешь жить! Потом все объясню! Живо, бегом!

- А вы?

- А мы за Лю Баном!

Вихрем долетев до валунов, Чижиков, не останавливая стремительного бега, вырвал из-за пояса меч и, не стряхнув с него ножен, помчался прямо на последнего гвардейца, которого с двух сторон атаковали Лян Большой и Кун Разящая Секира.

Никто ничего подобного не ожидал. Правда, гвардеец, боевая машина убийства, все-таки попытался полоснуть Котю мечом, но тот легко уклонился, принял удар на ножны и со всего размаха впечатался гвардейцу плечом в грудь. Сила удара была так велика, что охнувший гвардеец, в росте уступавший Коте на голову, нелепо замахал руками и улетел за валуны - навстречу стремительно продвигавшемуся вперед советнику Гао.

Инерция бросила Чижикова наземь. Он заученно сгруппировался, совершил кувырок и врезался пятками в камень. Тут же вскочил и метнулся к строению, рядом с которым стояли кувшины с вином и жбаны с маслом. Котя вцепился в ближайший жбан, поднатужился, ухнул, поднял его и неловко перекинул через валун. Жбан грохнулся о камень, лопнул, вслед ему тут же улетела объятая огнем стрела - молодец Ника! - и в небо взметнулось пламя. Раздался чей-то вопль.

- Быстрее! - Чижиков развернулся к опешившим разбойникам и Лю Бану. - Времени нет, сейчас тут будет еще два десятка гвардейцев! Бежим к лодкам, братья!

- Ты великий воин, младший брат Килэки! - воскликнул Лян Большой.

- Каково состояние благовещего зверя мао? - ошалело поинтересовался Лю Бан.

- Это честь - быть твоим братом! - взмахнул секирой Кун.

- Потом, все потом! - Чижиков бросился вглубь лагеря. Ника устремилась следом. - Поспешите, братья, поспешите!

Рядом с обрывом маялся Сумкин: у ног лежит дорожная поклажа, под мышкой Шпунтик.

- Как все прошло? - спросил он набежавшего Чижикова. - Я так понял, Ника задействовала свою темпоральную фиговину?

- Нормально! - отрезал Котя. - Вон, видишь - лестница? Давай, пошел, пошел!

Спустились к реке быстро, если не сказать стремительно. Потом Кун Разящая Секира дернул за веревку, и лестница упала вниз.

У заросшего тростником берега ждали на приколе лодки - всего несколько штук. Примятый тростник ясно свидетельствовал о том, что совсем недавно лодок было гораздо больше. Лян Большой, похоже, увиденным оказался расстроен: предводитель разбойников со злостью стукнул кулаком по колену и воскликнул:

- Презренные трусы и воры! Пока мы доблестно сражались, они подло уплыли, бросив нас и прихватив с собой все наше добро!

Чижикова расхищение награбленного волновало меньше всего - Котя бросился к оставшимся лодкам, бегло осмотрел…

- Садитесь в эти две!

Никто не стал спорить: в лодках как раз хватило места всем, кто спасся: Сумкину, Чижикову, Нике, Лю Бану, Ляну Большому и Куну Разящей Секире. Ну и, конечно, благовещему зверю мао.

Спешно отчалили, отталкиваясь от берега и дна длинными бамбуковыми шестами - лодки одну за другой вынесло на стремнину и быстро повлекло прочь от дымящегося лагеря.

Чижиков обернулся - и ясно увидел стоящую на краю обрыва высокую фигуру в длиннополом халате и с мечом в руке.

- Надо было продырявить остальные лодки… - проследив его взгляд, сварливо заметил Сумкин.

ЭПИЗОД 15 Беспечный рыбак

Поднебесная, безымянная река, III век до н. э.

Воду Шпунтик в общем и целом не жаловал.

Кот был осведомлен о существовании воды и воспринимал ее в двух видах: когда за окном шел дождь и когда хотелось пить. В первом случае вода Шпунтику даже нравилась, но исключительно потому, что была там - за окном, а он сидел на подоконнике в теплой, сухой кухне и смотрел на падающую с неба воду через стекло.

Шпунтик не понимал и не хотел понимать, кто и зачем придумал дождь. Дождь был еще нелепее, чем недавно встреченная в лесу лягушка: совершенно бессмысленная штука, да еще и вредоносная! Попадешь под него - весь вымокнешь.

Отсидишься дома, все равно пострадаешь: ну кто просит этот дождь смывать буквально отовсюду полезные запахи и важные кошачьи метки? Каждый раз приходится заново столбить территорию, чтобы не лезли всякие разные, а особенно этот Тишка, рыжий, наглый и мордатый. Тишка уже неоднократно получал по своей раскормленной морде и позорно бежал с воем, но всякий раз настырно возвращался - сразу после дождя. Так что дождь Шпунтик любил исключительно через оконное стекло. Падающие капли завораживали кота своей бесполезностью - он мог смотреть на них часами.

Во втором обличье - в виде источника питья - вода была куда понятнее и приятнее. Кот не любил испытывать жажду. Жажда его не вдохновляла. Шпунтик знал лишь один верный способ жажду побороть - пойти и попить. Хозяин же в своей человеческой наивности и несообразительности довольно долгое время жил иллюзией, будто для утоления жажды лучше всего подходит молоко, и регулярно наливал Шпунтику целое блюдце этого напитка. А Шпунтик молока терпеть не мог. Тьфу на него. Кот мог оскоромиться исключительно от отчаяния или от полной жизненной безысходности, а вот чтобы так, каждый день вместо воды, ну уж нет! Потребовалась целая вечность, чтобы внушить хозяину простую и очевидную мысль: кот утоляет жажду водой. Не молоком, не сливками, не простоквашей, не сметаной, не прочими благоглупостями, но - водой, и та непременно должна быть чистой и проточной.

Здесь, конечно, кот снова столкнулся с трудностями, но со свойственными ему стойкостью и терпением преодолел их все до одной. Основной трудностью была крайняя бестолковость хозяина. Хозяин не понимал элементарных вещей, которые ему излагали простым и понятным кошачьим языком. Хозяину не хватало воображения представить, что если кот потрудился вспрыгнуть на кухонную стойку, дойти до раковины и сесть рядом с краном, то это не просто блажь или жажда к перемене мест, а нечто совсем другое. Что кот вовсе не полюбил сидеть как идиот у закрытого крана, но ожидает, когда кто-нибудь с более приспособленными для того пальцами на лапах уже откроет этот самый кран и Шпунтик получит доступ к вожделенной свежей и проточной воде.

Еще хозяин отчего-то считал, что для того, чтобы напиться, достаточно минуты или даже меньше. Какие, право, странные представления об утолении жажды! Если ты сам торопливо хлещешь воду из стакана, то отчего так же легкомысленно должны вести себя и все прочие, в том числе вполне здравомыслящий кот? Пить надо обстоятельно, столько - сколько

хочется и сколько влезет, и нет причин тут же заворачивать кран с дурацкими криками: ну что, попил? Нет, не попил. Не попил, а только начал! Это же процесс: разве можно заранее сказать, когда уже хватит. Его, видите ли, раздражает звук текущей из крана воды. Звук ему не нравится. Он говорит: это непорядок. Смешно даже. Непорядок-это когда у тебя под потолком бьется о стену жирный шмель, а когда кот обстоятельно, с перерывами лакает воду из-под крана - это как раз порядок.

Еще Шпунтик сталкивался с водой, когда хозяину приходило в голову, что кот загрязнился и его следует вымыть. Причем - целиком. Выбить эту вопиющую дурь из хозяина Шпунтику так и не удалось: после очередной помывки возмущенный кот целый день показательно вылизывался, преследуя черствого хозяина по всей квартире, не исчезая из поля его зрения ни на минуту и ни на минуту же не прекращая наводить чистоту, как это и положено, - языком. Хозяин уходил на кухню, садился там за стол и делал вид, что пьет чай. Кот тут же устраивался перед ним и демонстративно задирал заднюю лапу. Хозяин бежал от кота в кабинет, там плюхался на диван и отгораживался от Шпунтика книжкой - делал вид, что читает, но кот вспрыгивал ему на грудь, отодвигал книжку мордой и начинал старательно лизать переднюю лапу. И так далее. В конце дня Шпунтик сдался - устал, а кроме того сделался настолько чистый, что самому стало противно. Хозяин же так ничего и не понял и по-прежнему раз в пару месяцев, воскликнув «ой, какой ты у меня грязный!», тащил кота в ванную, где поливал из душа и мылил дегтярным мылом. Шпунтик смирился и теперь принимал водные процедуры стоически: не возмущался, не дергался, не пытался удрать. Что взять с неразумного человека? Пусть порадуется, если ему приятно.

Однако сейчас, когда вода обступила Шпунтика со всех сторон, когда стихия властно несла куда-то явно ненадежную лодку, в которой осторожно сидел кот, когда эта бесконечная вода журчала и плескалась буквально всюду, - благовещий зверь с удовольствием пересмотрел бы свое снисходительное отношение к хозяйским причудам. Вдруг хозяин в результате решил, что Шпунтику очень нравится мыться, и прямо сейчас схватит, кинет в реку и начнет полоскать? Вон как тут глубоко, а берег вон как далеко!

Шпунтик плотнее прижался к хозяйскому боку и зажмурился, чтобы не видеть страшной воды. Но не слышать ее кот, к сожалению, не мог.

- Прощайте, мои дорогие братья! - отсалютовал

удаляющемуся холму посохом Лян Большой. - Ваши имена будут жить в наших сердцах, весть о вашей храбрости пронесется по всей Поднебесной! Мы заколем в вашу честь жирного кабана, мы поднимем чаши с погребальным вином! Мы отомстим за вас, герои!

Чижиков сидел, привалившись к борту лодки и равномерно поглаживая сжавшегося в ком Шпунтика по загривку. Рядом приткнулась Ника.

Котя думал, что далеко не все, кого предводитель разбойников столь пафосно провозгласил героями, являлись таковыми на самом деле: видел он среди удальцов и тех, кто, лишь только стало ясно, какой серьезный противник на них напал, бросился удирать со всех ног - только их и видели. Котя и сам чуть не бросился бежать, когда воочию увидел распростертые на земле безжизненные тела. Гвардейцы не задумывались: они пришли убивать - и они убивали. Это были воины, профессиональные бойцы, смысл их существования заключался в том, чтобы убить или быть убитым. В разбойники же шли простые крестьяне, в лучшем случае беглые солдаты. Лян Большой и Кун Разящая Секира были знакомы с военным делом не понаслышке. Остальные же… Сложно винить тех, кто не захотел геройской смерти и предпочел спасаться бегством. И, возможно, прав Лян Большой: те, кто так или иначе, в порыве храбрости или же совершенно бестолково, сложили головы в бою, - они герои.

На носу лодки стоял Сумкин, который чрезвычайно ловко управлялся с шестом, просто загляденье какое-то, так что

Котя сделал в уме пометку: спросить при случае, где это он так наловчился-то? Чижиков не видел выражения его лица, но спина приятеля тоже была весьма красноречива. Коте было ясно без лишних слов, что Федор смертельно хочет курить и с великим трудом удерживается от того, чтобы при всех достать пачку сигарет. А, может, опять у него заболел зуб.

Рядом плыла лодка, в которой сидели Большой Лян, Кун Разящая Секира и Лю Бан - бывший уездный смотритель, ныне же разбойник и беглец. А главное - будущий основатель династии Хань, которого Котя сегодня спас от смерти. Черные, кое-где уже тронутые преждевременной сединой волосы Лю Бана вольно разметались по плечам. Грязная, измазанная кровью рука смотрителя сжимала рукоятку убранного в ножны меча. Он сидел, застыв в одной позе, смотрел невидящим взором на воду, и лишь губы шевелились беззвучно. Чижиков вдруг подумал о Суне Девятом, немногословном и преданном мальчике-слуге, чье бездыханное тело осталось лежать на безымянном холме - кто был этот мальчишка? Кем мог стать? Чего добиться? Где-то в

горячке скоротечного боя пропал и старший брат Лю Бана Лю Кан - жив он был или мертв, никому было не ведомо. Правда, надежда теплилась: Сунь Девятый умер у них на глазах, а смерти Лю Кана никто не видел. Может, сбежал, как Дун Сокрушительный, чью спину Котя определенно приметил среди тех, кто заранее бросился к реке.

Равномерные скрежещущие звуки неслись над водой - это Кун Разящая Секира сосредоточенно правил свое знаменитое оружие о небольшой камень. Кун не сверлил взглядом воду, не читал молитв, не прощался громогласно с погибшими, но, единственный из всех, предавался практическому занятию: готовил оружие к бою. Хотел быть уверен в секи ре, в том, что она не подведет. Ибо из того переплета, в который они угодили, нужно было еще выбраться.

Лян Большой правил лодкой твердой рукою, точно войско вел в бой, глядел сосредоточенно.

Каждый был при деле.

- Ой! - внезапно вскрикнула Ника.

Вдалеке на воде чернели три лодки. Они споро летели вслед беглецам.

- Гао… - прошептал очнувшийся от дум Лю Бан. Смотритель сунул руку за пазуху, покопался там, потом закрыл глаза, замер. Вновь открыл глаза.

- Это советник Гао! - сказал он в полный голос.

Чижиков заглянул в разноцветные глаза Лю Бана. Лю Бан не отвел взора, лишь отер пот со лба.

«Быть не может!..»

- Как ты узнал, брат Лю? - спросил Лян Большой удивленно.

- Мне было видение, - объяснил смотритель. - Они часто посещают меня теперь, после встречи с благовещим зверем мао.

Говоря это, Лю Бан твердо, даже с вызовом смотрел на Чижикова, а Котя вовсю разглядывал Лю Бана.

«Ну да, так и есть: и бледность лица, и капли пота на лбу, сосредоточился, представил, увидел. Получается, дракончик - у Лю Бана?! - Котя похолодел. - Но как, как такое возможно? Борн говорил: предмет можно передать только добровольно, если отнять силой, он теряет необычные свойства. Однако я ничего Лю Бану добровольно не передавал, дракончик просто исчез! Был в кармане - и теперь нету… Откуда он взялся у Лю Бана?!»

Чижиков почувствовал легкий укол ревности. Он ничего не понимал. В копилку секретов добавился еще один.

- Да, - не отворачиваясь от смотрителя, подтвердил он. - Благовещий зверь способен дарить видения. Раньше меня они тоже посещали, но теперь прекратились. Наверное, ныне

благовещий зверь мао распространил свою благодать на брата Лю!

Котя незаметно кивнул Лю Бану, про себя твердо решив при первом же удобном случае поговорить с бывшим смотрителем наедине. И едва успел поймать цепкий взгляд Ники, но девушка тут же отвернулась в сторону.

- Не устроить ли нам засаду? - предложил Лян Большой. Жажда мести снедала его. Непогребенные тела собратьев отягощали сердце. - Притворно свернем к берегу, а как они подплывут, стрелами продырявим борта их лодок и отправим на дно!

- Мне кажется, сейчас не время, - с носа подал голос Сумкин. - Старший брат Лян, взгляни лучше вперед.

Все посмотрели туда, куда шестом указывал Сумкин.

Прямо посреди реки, как раз на стремнине, на волнах качалась небольшая лодка. Она не спешила вслед быстрому течению, как будто что-то удерживало ее на месте. В ней - спиной к беглецам - сидел человек. До Сумкина и остальных донеслись напевные звуки. Человек, неведомым образом удерживавший лодку в неподвижности посреди стремительных вод, самозабвенно играл на флейте, ни на что иное не обращая никакого внимания.

Причудливая мелодия то взмывала к синим небесам, то кралась по самым гребням волн, то замирала вовсе, чтобы вскоре проснуться вновь и прянуть на простор реки, ликуя от раскинувшейся вокруг невыразимой красоты. Пение флейты удивительно гармонично вплеталось в звуки мира, вторило плеску воды - Чижиков аж заслушался.

Примерно такое же действие оказала музыка и на его спутников. Один лишь Кун Разящая Секира прагматично при брал точильный камень в узел с вещами и привстал на полусогнутых ногах, держа оружие наготове.

Лодки стремительно сближались.

- Эй, там, в лодке! - зычно крикнул Лян Большой, разрушив гармонию музыки. - Эй!

Человек неторопливо обернулся и опустил флейту. Мелодия оборвалась. Худое, бледное лицо музыканта дышало без мятежностью. В собранных в узел седых волосах блеснула золотая шпилька.

- Господин! - продолжал предводитель разбойников. - Здесь сильное течение, нам не справиться, ибо шесты не достают до дна! Не хотелось бы нанести вашей лодке урон! Прошу вас, освободите дорогу, если можете.

Человек с флейтой улыбнулся.

Лю Бан сильно вздрогнул.

- Фэй Лун, - тихо прошептал он, но Чижиков услышал. И Ника тоже.

- Фэй Лун? - спросила девушка, но вопрос остался без ответа.

- Смотритель Лю! - приветствовал Лю Бана человек, названный Фэй Луном. - Вот так неожиданная встреча!

- Брат Лю, ты знаешь этого человека? - спросил Лян, но и его вопрос повис в воздухе: лодки неслись прямо на Фэй Луна.

Столкновение казалось неизбежным, но Фэй Лун неуловимым движением в последний момент сумел повернуть свое суденышко так, что нос первой лодки беглецов не врезался в нее, но мягко скользнул мимо. Сумкин от такого маневра чуть не свалился в воду, но удержался, нелепо взмахнув шестом и чуть не попав по Фэй Луну. Тот легко от шеста уклонился и цепко ухватил лодку за борт, гася движение.

Не сплоховал и Лян Большой, и теперь три лодки застыли посреди реки. Главарь разбойников подхватил свой посох и глядел на флейтиста с подозрением.

- Не угодно ли будет усталым путникам последовать за мной в надежное убежище, где они смогут избежать погони и обрести на некоторое время покойное пристанище? - с прежней легкой улыбкой предложил Фэй Лун. - Прошу вас не медлить с решением, - указал он флейтой на приближающуюся погоню и споро начал вытягивать из воды небольшую сеть. В ячейках трепетали редкие некрупные рыбешки.

Беглецы переглянулись.

- Господин заслуживает всяческого доверия, - сказал Лю Бан.

Неподалеку воду с шорохом прошила длинная стрела.

Это и решило последние сомнения.

По лицу Ляна Большого явно читалось, что он не видит трудности отбиться от Фэй Луна, если тот вдруг проявит себя с нежелательной стороны, поскольку Фэй Лун один, а их - много.

Чижикова насторожило неожиданное знакомство Лю Бана со странным флейтистом. После того, как Котя понял, что его ненаглядный дракончик таинственным образом перешел к бывшему смотрителю, Чижиков неосознанно ожидал от Лю Бана подвоха.

Ника же улыбнулась Фэй Луну в ответ самым безмятежным образом.

- Мы принимаем твое любезное приглашение, - объявил Лян Большой. - Но каким образом ты доставишь нас…

Договорить он не успел: Фэй Лун бросил сеть на дно лодки, погрузил руку в воду и все увидели, что та держится на стремнине благодаря привязанной к борту веревке. Веревка была

закреплена низко под водой, невидимая непосвященному глазу. Фэй Лун пару раз сильно дернул за веревку.

- Держитесь, господа путники! - велел он. - Крепко держитесь за борт!

И тут же неведомая сила быстро повлекла их к берегу, все быстрее и быстрее - веревка туго натянулась над самой поверхностью воды, увлекая лодки в высокие прибрежные камыши, за которыми поднимался лес. Камыши с шуршанием расступились и приняли беглецов в свои объятия, а лодки продолжили движение дальше, пока нос передней, в которой сидел Фэй Лун, не ткнулся в берег.

Установилась тишина.

Кругом никого не было видно - лишь камыши да заросли кустарника на берегу, из-за которых вставали стволы деревьев.

Кто тянул за веревку?..

- Теперь придется немного поработать самим, - улыбнулся Фэй Лун, отвязав веревку и поднимая со дна лодки недлинный бамбуковый шест. - Прошу вас поспешить за мной!

И беспечный рыбак, ловко орудуя шестом, направил свое судно в незаметную узкую протоку. Прочие последовали за ним.

В молчании вплыли под сень леса. Сразу стало сумрачно и по-особенному влажно.

Шпунтик, увидев, что большая вода осталась позади, оживился и поднял голову. Но покидать нагретое убежище пока не спешил.

Протока, по которой они плыли - скорее, не плыли, а пробирались, - причудливо петляла между деревьев и несколько раз впадала в другие, более широкие, но Фэй Лун упорно сворачивал прочь от открытой воды, по одному ему известным признакам выбирая дорогу. Лодки пересекли пару небольших, покрытых ряской озер, чтобы скрыться в тени очередных зарослей, затем последовал очередной поворот, настолько крутой, что более крупные лодки беглецов с трудом вписались в него, скрежеща бортами по прибрежным камням. За ним еще один, и еще.

От бесконечных поворотов начала кружиться голова. Чижиков окончательно перестал ориентироваться, напрочь потеряв направление, откуда они приплыли. Кругом стоял густой лес, и не было в нем иных звуков, кроме щебетания птиц да равномерного плеска воды, тревожимой носами лодок. Сумкин поник, уже не так бодро шевелил шестом, да и Лян Большой поглядывал на ведущего их Фэй Луна не без сомнения.

Неизвестно, к какому выводу пришел бы предводитель разбойников и на какие действия решился, если бы после

очередного поворота флотилия не выплыла на гладь очередного озерца и Фэй Лун не направился бы прямо к берегу.

- Прибыли! - объявил он, легко спрыгивая на пологий, заросший травой берег. - Прошу вас за мной, утомленные путники!

Чижикову показалось, или в голосе Фэй Луна прозвучала легкая насмешка?

Следом за нежданным проводником они углубились в лес. Спина Фэй Луна путеводной звездой мелькала среди кустов. Совершенно успокоившийся Шпунтик канул в чаще.

Наконец, продравшись сквозь заросли колючих кустов, беглецы выбрались на маленькую полянку, устало двинулись к безмятежно застывшему в центре поляны Фэй Луну - и только тут заметили, что со всех сторон их окружают люди, ощетинившиеся мечами и арбалетами.

ЭПИЗОД 16 Беседы у костра

Поднебесная, лесная поляна, III век до н. э.

Поленья весело трещали в костре, а над головой раскинулось бездонное голубое небо.

- А здорово мы придумали вчера, - заметил Сумкин, старательно обгрызая с кости мельчайшие волокна мяса.

- Ты о чем? - Чижиков грыз травинку.

- Да вот это: упремся, типа, рогом и шагу с места не сделаем, пока Ника нам всю правду не расскажет, - пояснил Федор. Потянулся. - Что-то Фэй Лун задерживается. Пора бы им уже вернуться.

Сумкин был почти благодушен: совсем недавно он улучил момент, под благовидным предлогом удрал в кусты и там от души накурился. Ну а что подстреленный гостеприимными хозяевами кабанчик оказался мелким, к тому же ни у кого и в помине не было соли - теперь казалось Сумкину не столь значительным. Просто досадные мелочи, с которыми на данном этапе можно и нужно мириться. Сумкин и мирился, как умел: глодал кость и думал о хорошем.

- Вот, кстати, странное имя: Фэй Лун, - сказал он, придирчиво осмотрев кость и швырнув ее в траву.

- Почему? - поинтересовался Чижиков.

- Да потому, старик, что оно какое-то мультяшное, анимешное, ненастоящее, - хмыкнул Сумкин. - Что такое «фэй лун»? Дословно: «летящий дракон», понимаешь? Это скорее творческий псевдоним, чем то имя, которое папа дал нашему новому другу в его голозадом детстве.

- Опять дракон, - пробормотал Котя. - Снова дракон.

- Почему - снова? - спросил Федор, откинувшись на спину и

уставившись в небо.

- Ну так ведь у меня!.. - Чижиков прикусил язык. В очередной раз он чуть не проболтался. - Ну… это… ты же рассказывал, что дракон в китайской культуре много значит, живет во всяких реках и озерах.

- А ты запомнил? - восхитился Сумкин. - Вот уж не ожидал! Кстати, расширю еще немного горизонты твоего познания. Дракон в Китае - символ императорской власти, поэтому императора часто иносказательно называли драконом и давали ему всякие соответствующие эпитеты типа «драконов лик» и тому подобное.

- Все интереснее и интереснее, - прошептал Котя, но так тихо, что Сумкин его не услышал.

А начиналось все далеко не так безоблачно: теплый день, уютный костер, сочный кабанчик. Нет, на поляне их встретили вовсе не гостеприимно. Появившиеся, казалось, ниоткуда люди, засадный полк коварного флейтиста, не двигались, не нападали, но держались так, что было ясно: чуть что - пустят в ход оружие незамедлительно и не задумываясь. Светло-зеленые тона курток и штанов делали воинов почти незаметными на фоне кустов и деревьев, и хотя на виду стояло человек десять, можно было не сомневаться, что гораздо больше притаилось за стволами деревьев и в недвижной зелени кустов. Силы были явно не равны, но Лян Большой и Кун Разящая Секира просто так сдаваться не собирались: Лян перехватил посох поудобнее, другую руку положив на рукоять короткого широкого меча за поясом, Кун крутанул секиру и широко расставил ноги, изготовившись к бою.

«Погодите!» - неожиданно возвысил голос Лю Бан. Он по ложил руку на плечо Ляну Большому, посмотрел ему в глаза, и предводитель разбойников, опустив посох, отступил в сто рону. Лю Бан, уронив на траву меч, который он так и не до стал из ножен, направился прямиком к Фэй Луну. Не дойдя до него трех-четырех шагов, бывший смотритель опустился на одно колено и склонил голову. Но не это повергло Чижикова в изумление, а то, что произошло дальше. Бывший уездный смотритель обратился к Фэй Луну с такими словами: «О могущественный страж амулетов Желтого императора! Я стою перед тобой безоружный, приняв свою судьбу и предназначение, о которых ты мне поведал. Меня ведет само Небо. А люди, что идут со мной, - мои верные спутники, и мы не желаем тебе зла!»

Фэй Лун шагнул к смотрителю, наклонился, протянул руку, взял за подбородок, заставил поднять лицо и заглянул в глаза. Потом удовлетворенно кивнул, улыбаясь. «Вижу, ты уже познал

сокровенную тайну! Знай же, что могущество амулета велико и тебе еще понадобятся многие дни и ночи для того, чтобы постичь его до конца».

Беглецы напряженно прислушивались к их беседе, но мало что понимали. Чижиков, похоже, был единственный, кто догадался: речь определенно шла о драконе. Получалось, что и Фэй Лун о нем знал! Более того: он только что сказал Лю Бану, что тому нужно еще тренироваться и тренироваться использовать дракона правильно и на полном пределе возможностей этого необычного предмета. Котя в очередной раз почувствовал, что голова идет кругом: значит, прав был Борн, и предметы действительно идут из глубины веков, меняя владельцев. Они очень, очень древние, эти предметы. И кто тогда на самом деле человек с анимешным именем Фэй Лун?!

Впрочем, Чижиков отметил, что не только он один понимает, о чем на самом деле толкуют Лю Бан с Фэй Луном: Ника - тоже. Но тут не было ничего для Коти нового, ведь девушка обладала попугаем. Странно было другое: то выражение, с которым Ника наблюдала за беседой и ее отстраненная искусственная полуулыбка. Девушка вообще довольно часто улыбалась, как будто ее с детства выучили этой обязательной программе, и Чижиков уже попривык, но иногда… Иногда Коте ее улыбка казалась какой-то механической. Словно защитная маска, которую Ника набрасывала на лицо в определенные моменты. Сейчас был как раз такой, а главное - Ника не замечала, что Чижиков за нею наблюдает.

- Мы еще поговорим об этом! - Фэй Лун поднял Лю Бана на ноги. - Нам следует многое обсудить. Но сначала всем вам нужен отдых, а также горячая еда! Здесь советник Гао не сможет разыскать нас. Разведите костер!

Светло-зеленое окружение расслабилось, разбойники тоже опустили оружие. А Фэй Лун, распорядившись об ужине, увел Лю Бана за собой в лес.

Засадные воины оказались вовсе не страшными, а вполне живыми и дружелюбными людьми - после того, как Фэй Лун распорядился накормить гостей, они убрали оружие, разожгли костер и расселись вокруг. Вскоре из лесу принесли подстреленного кабанчика. Это вызвало оживление как в рядах разбойников, так и среди лесных воинов; кабан был насажен на вертел, откуда-то появилась пахучая бражка - по кругу пошли чаши, закипели разговоры. Чижиков, Сумкин и Ника привычно отговорились от возлияний особенностями веры, а разбойники не отказались. Вскоре Лян с чашей в руке уже стоял у костра и в лицах излагал внимательно слушавшим его людям в светло-

зеленом красочную историю битвы за покинутый стан на вершине холма. На глазах происходило братание.

Чижикову, Сумкину и Нике оставалось только ждать возвращения Фэй Луна и Лю Бана. Куда идти, они все равно представления не имели, тем более не знали, как выбраться из лесной глуши, куда их столь любезно завел флейтист- рыбак.

Прошло несколько часов, кабанчик был полностью съеден, Лян Большой прилично захмелел, светло-зеленое воинство затянуло заунывную песню, а Лю Бан пока так и не вернулся.

Все это время Шпунтик провел в лесу. Кот опасался, что его опять обманом затащат на лодку и вокруг снова будет полно воды, а кроме того - лес одурял запахами и всякими разностями, прежде Шпунтику никогда не попадавшимися. Так что на поляну он не совался, но и далеко не отходил - иногда выглядывал из кустов, проверял, как там хозяин, видел, что хозяин его заметил, и исчезал в листве снова.

Кот гулял сам по себе.

Огибая очень симпатичный пенек, поросший подозрительными бледными грибками, Шпунтик нос к носу столкнулся с дурой-мышью. Это было неожиданно и приятно: оказывается, дура-мышь не теряла времени даром, а все это время бежала следом, чтобы вовремя оказаться рядом с котом. От радости Шпунтик кинулся к мыши и, сам не заметив как, ее придушил. Придушил и растерялся: мышь недвижно замерла среди старых листьев, расстелив по ним длинный хвост. Она больше не бегала, не сверкала бусинками глаз, не фильтровала запахи усатым носиком. Шпунтик потрогал ее лапой: может, дура-мышь притворяется?

Нет, мышь не притворялась.

Не владея собой от огорчения, кот ненароком съел ее.

Конечно, оставалась еще лягушка, но в лягушку Шпунтик не верил: очень уж лягушка бестолковая, чтобы столько про- прыгать в одном направлении - и все ради того, чтобы оказаться в нужное время в нужном месте в распоряжении кота. С другой стороны, лягушка могла воспользоваться рекой, где чувствовала себя увереннее, чем дура-мышь, которая и плавать-то наверняка не умеет… не умела.

Воодушевившись, Шпунтик направился на поиски лягушки, но вместо этого нос к носу столкнулся… с дурой-мышью. От удивления кот даже присел: ну как же, ведь он только что ее сожрал! Ан нет: вот она, дура-мышь - живая и здоровая, привстала на задние лапы, шевелит мелко носом, заинтересованно нюхает!

Шпунтик немедленно поймал дуру-мышь, снова придушил и съел. Но за очередным пеньком опять встретил дуру-мышь.

В этом было что-то сверхъестественное! И если бы брюхо кота не ощущало приятной сытости от только что съеденного, Шпунтик, если бы был, например, Котей Чижиковым, решил бы, что рехнулся. Ну как же: ведь два раза он уже дуру-мышь душил, два раза пожирал, а она - вот, сидит живехонькая! Так что кот на всякий случай мышь схватил, но жрать пока не стал. Наверное, от изумления. Или просто уже не хотелось.

С мышью в зубах кот поспешил к поляне, но не добежал: у ствола поваленного ветром дерева сидела и смотрела на него… живая дура-мышь. Опешив, Шпунтик разжал зубы - и придушенная дура-мышь упала в траву. Некоторое время кот переводил взгляд с той мыши, что неподвижно лежала в траве, на ту, что увидел подле дерева. Потом мгновенным броском сцапал последнюю, придушил и уронил в траву рядом с первой.

Налицо был парадокс: две дуры-мыши одновременно.

Некоторое время Шпунтик пытался разрешить парадокс путем обнюхивания добычи, как вдруг на него снизошло озарение: в природе есть больше чем одна дура-мышь! В природе дур-мышей есть несколько. Может, даже много!

В который раз поразившись, как мудро природа все обустроила, Шпунтик подобрал мышей из травы и потрусил дальше - на поляну, чтобы поделиться с хозяином удивительным открытием, которое он только что сделал.

- …Мы разведали у надежных людей, что императора нынче в столице нет, - рассказывал вернувшийся с Фэй Луном Лю Бан. - Творятся странные дела. Император повелел казнить наипреданнейшего военачальника Мина, а сам отправился в ежегодное путешествие по Поднебесной, дабы насладиться своими владениями, - тут бывший смотритель сморщился, будто съел изрядный кусок лимона. - Насладиться созерцанием результатов деяний своих, состоянием подданных, обозреть державу. С ним следует множество сопровождающих и гвардейцы - громадный караван.

- Как и заведено в случаях высочайших выездов, - кивнул Фэй Лун. Он, как и Лю Бан, сидел, скрестив ноги, у костра.

- Наставник Фэй милостиво согласился помочь нам достичь столицы, - продолжал смотритель. - Но… - тут Лю Бан взглянул на Чижикова, - господину Фэю непременно нужно знать, с какой целью мы в столицу направляемся. Я не мог ничего рассказать ему, господин Килэки, ибо мне и самому сие неведомо. Не будет ли вам угодно объяснить сие наставнику Фэю?

- Нам, скромным чужестранцам… - начал было Чижиков.

Но тут из ближайших кустов вышел Шпунтик. Из пасти его

свисали две длиннохвостые мыши. Кот неторопливо потрусил через поляну прямо к костру.

Появление Шпунтика вызвало вполне ожидаемый эффект: все замолчали и уставились на кота - в том числе Фэй Лун.

- Благовещий зверь мао! - на правах старого знакомого возгласил Лю Бан и из позиции сидя совершил коту поясной поклон. Обернулся к Фэй Луну. - Наставник! Вам повезло созерцать благовещего зверя, о котором я вам так много рассказывал!

- Благовещий зверь! - Фэй Лун тоже поклонился. - Сколь милостиво Небо, что позволило нам созерцать тебя!

Бледно-зеленые воины кланялись непрерывно. Лян Большой и Кун Разящая Секира не отставали от них. Шпунтик в нерешительности остановился: постоянные камлания начали раздражать кота. Приятно, спору нет, но ведь и меру знать надо. Может кот запросто пройти через поляну?

- Довольно! - сказал Сумкин, появляясь из-за деревьев, куда отлучался покурить. - Благовещий зверь не любит излишеств, - объяснил он. - Чрезмерное поклонение раздражает благовещего зверя. Прошу вас, хватит кланяться.

- Да, в самом деле! - поддержал его Чижиков.

Шпунтик, видя, что все эти странные люди перестали трясти головами в его сторону, дернул хвостом и подошел прямо к хозяину. Усевшись напротив Чижикова, Шпунтик разжал зубы и к ногам Коти упали две жирные мыши.

- Благовещий зверь мао делится с нами едой! - воскликнул Лю Бан. - Благовещий зверь заботится о том, чтобы мы не испытывали голода в путешествии! Значит, само Небо через благовещего зверя благоволит нам и нашим намерениям!

Разбойники и лесные воины закивали: да, да, определенно благоволит!

Непонятый Шпунтик не стал дожидаться, пока ему снова начнут кланяться, а большими прыжками умчался в кусты.

- О-о-о… - пробормотал Фэй Лун. - Мне сказывали, что в столице, в глубине дворцовых покоев, тоже обитает благовещий зверь, но видеть его мне не случалось. Сколь он прекрасен, сколь благостен!

- То есть, наставник Фэй, вы хотите сказать, что у императора есть свой собственный благовещий зверь мао? - спросил Сумкин.

- Так говорят, - кивнул Фэй Лун. - Так рассказывают.

- Но возможно ли это? Выходит, Небо поддерживает власть Цинь? - заволновался Лю Бан. - Иначе зачем Небу ниспосылать во дворец благовещего зверя, если не указать на свое благоволение?

- Или указать на другое, - туманно ответил Фэй Лун. -

Смотритель Лю, кто мы такие, чтобы обсуждать волю Неба?

- Верно, верно, - согласился Лю Бан и почтительно поднял из травы задушенных Шпунтиком мышей. - Господин Килэки позволит мне приготовить для него еду, дарованную благовещим зверем?

- Нет, благодарю вас, - отказался Котя. - Если вам угодно, почтенный господин Лю, вы можете взять эту еду себе. И разделить ее с остальными, - добавил он, поймав заинтересованный взгляд Ляна Большого.

- Если господин простит мне мое любопытство, - обратился Фэй Лун к Сумкину, указывая на его очки, - что это за удивительная вещь насажена на ваш нос?

- Это редкая заморская диковинка, - с готовностью объяснил Федор. - Она помогает моим слабым глазам ясно видеть.

- Позволит ли мне господин рассмотреть диковинку поближе? - попросил флейтист. Он держался почтительно, но без подобострастия, с достоинством. - Ибо никогда ранее в своей жизни я не встречал ничего подобного.

Чуть помявшись, Сумкин снял очки и протянул Фэй Луну.

- Сколь дивная вещь, - сказал тот, крутя очки в руках и внимательно разглядывая так и этак. - Это, должно быть, полированный горный хрусталь. Какая искусная работа!

С явной неохотой Фэй Лун вернул очки Сумкину, и тот облегченно нацепил их на нос.

- У вас странные имена, - посмотрел Фэй Лун на Чижикова. - Килэки, Сыпокэ, Кэсы. Откуда вы, господа?

- Из далеких-далеких мест, - привычно начал Котя. - Мы чужестранные торговцы, нас ограбили, забрали все наше достояние…

- Мой господин Килэки, - отвлекся от свежевания дарованных благовещим Шпунтиком мышей Лю Бан. - Вы можете не таиться перед наставником Фэем. Наставник мудр, прозорлив и достоин доверия.

- Возможно, мы не торговцы, - согласился Котя. - Однако же действительно из очень далеких земель. И нам очень нужно попасть в столицу.

- Это легко, - улыбнулся Фэй Лун. - Милостью нашего императора все дороги ведут в столицу.

- Но нам нужно пробраться в императорский дворец, - уточнил Чижиков.

- Это нелегко, - признал Фэй Лун. - Туда ведет всего одна дорога. Императорская. Но что вам понадобилось во дворце? Или же вы умыслили покуситься на жизнь императора и тем избавить Поднебесную от тирана?

- Скажи, что да, брат Килэки, и мы немедленно идем с тобой! - встрял Лян Большой. - Я самолично…

Фэй Лун взглянул на него с легкой усмешкой.

- Достойный богатырь! Удаль твоя очевидна! - перебил он предводителя разбойников. - Но много ли пользы в том, чтобы без славы сложить голову?

- Меня это тоже волнует, - тихо буркнул Сумкин. - Нет удали в бессмысленном сложении головы. Никакой.

- Нет, наставник Фэй, - ответил Фэй Луну Котя. - Мы не затем стремимся в столицу.

- Тогда зачем же? Ибо если я стану помогать вам, мне нужно быть уверенным в том, что помыслы наши сходны.

- Хорошо же… - вздохнул Чижиков. Ничего не оставалось, как сказать правду. Или что-то, на правду похожее. Он искоса взглянул на Нику, ища у нее поддержки или дожидаясь какого-нибудь знака, но девушка сидела с отсутствующим видом и тихо улыбалась сама себе. Пришлось справляться самому. - Хорошо. Мы направляемся в столицу затем, чтобы тайно проникнуть в императорскую сокровищницу.

Все замолчали, напряженно на Котю глядя. Кроме Ники. Ну и Сумкина, который, конечно, удивился неожиданной правдивости приятеля, но и только.

Лю Бан забыл про мышей. Лян Большой от удивления открыл рот. Кун уронил любимую секиру. Воинство Фэй Луна тревожно переглядывалось.

- Не будет ли с моей стороны дерзостью поинтересоваться, что вам нужно в той сокровищнице, господин Килэки? - наконец спросил Фэй Лун. - Вам ведь должно быть ведомо, сколь хорошо охраняются дворцовые покои, а сокровищница в них - одно из самых сокровенных мест.

- Мы узнаем это лишь тогда, когда попадем внутрь, - ответил Чижиков. А что ему еще оставалось? Ведь Котя до сих пор не знал, что надо искать!

- Но, - Фэй Лун нахмурился, - ведомо ли вам, господин Килэки, что сокровищница императора достаточно обшир на, содержимое ее многообразно? Мнится мне, там можно провести в поисках долгое время, которого у вас не будет! Да и как вы прокрадетесь внутрь? Дворцовая стража ведь не дремлет.

- Я не могу сказать вам большего, ибо сам не знаю! - развел руками Чижиков.

Фэй Лун в раздумье выпятил нижнюю губу.

- Вещь, за которой мы направляемся в столицу, находится в императорской сокровищнице не по праву, - неожиданно вступила в разговор Ника. - Эта вещь не должна там находиться.

В руках императора она может навлечь неисчислимые бедствия не только на Поднебесную, но и на весь мир.

- Вам это определенно ведомо, госпожа Кэсы? - осторожно спросил Фэй Лун, внимательно глядя на девушку.

- Определенно, - кивнула она.

- Откуда же?

- У меня свои пути, - был ответ.

- Это я уже постиг, - легко улыбнулся Фэй Лун. - Ибо смотритель Лю не зря назвал меня стражем амулетов Желтого императора, нашего великого божественного предка. Мне дано чувствовать такие амулеты. А указанное самим Небом предназначение мое и нашего клана - заботиться о том, чтобы сии волшебные предметы не попадали в руки людей недостойных. Ибо простые смертные не в состоянии постичь могучую силу, коя заключена в амулетах Желтого императора, и лишь те, кто избран Небом, вправе теми амулетами обладать. У остальных мы их забираем. Не угодно ли вам, моя госпожа, передать мне тот амулет, что сокрыт у вас за пазухой?

- Нет, не угодно, - мотнула головой Ника. - Мой амулет служит правому делу и без его помощи нам невозможно будет попасть в сокровищницу.

- Моя госпожа, - снова улыбнулся Фэй Лун. - Позвольте сказать вам, что у меня тоже свои пути. Прошу вас, передайте мне амулет. Иначе придется забрать его силой.

- Позвольте! - вскинулся было Чижиков, но сильные руки толчком усадили его на место.

Котя оглянулся и увидел, что воинство Фэй Луна от беззаботного сидения за вином у костра мгновенно перешло к решительным действиям: не только рядом с ним, но и возле Сумкина, Ляна и Куна стояли люди в светло-зеленом платье с мечами наготове.

- Предательство!!! - закричал Лян Большой, но в горло ему тут же уперлось лезвие. - Пре-е-е-е…

Предводитель разбойников бессильно замолчал.

Лишь Ника избежала пленения - девушка, не вставая, пружиной взвилась в воздух и единым прыжком перелетела через костер. Там она стремительно извлекла из ножен прихваченный у Чижикова меч и, играючи, отбила лезвием пару стрел, что успели пустить в нее лесные воины.

Хватка рук, удерживавших Чижикова, ослабла, но Котя не обратил на это внимания: он во все глаза смотрел на внезапно преобразившуюся Нику, он был потрясен, он в очередной раз ничего не понимал. Не менее ошеломлены были и все прочие.

- Ну ни фига себе… - хрипло пробормотал Сумкин.

Один Фэй Лун сохранил спокойствие.

- Моя госпожа Кэсы, - сказал он, указав на Нику флейтой. - Не вынуждайте меня.

- Наставник Фэй! - голос Ники был непривычно тверд. - Я не враг вам. Не становитесь и вы врагом мне и моим друзьям. Вы говорили о помощи. И мы согласны принять ее. Но не любой ценой. Если вам противно такое, просто не мешайте. Мы пойдем одни.

«Как она лихо за всех нас расписывается, - отстраненно подумал Чижиков. - Ну почему, почему я все время как марионетка в чьих-то руках дергаюсь?!»

Он попробовал пошевелиться: соратники Фэй Луна уже пришли в себя - держали крепко. Более того: Котя почувствовал прикосновение к шее чего-то острого.

«О, только не это опять! Там и так все копьем ободрано… Еще неизвестно, в какую грязь то копье тыкали и какая зараза сейчас по моему организму расползается».

- Я скрываю свою сущность от мира, - продолжала Ника, - потому что полна решимости выполнить задуманное. Довести дело до конца. На благо Поднебесной. На благо всего мира. На благо людей, которых вы, наставник, не знаете и никогда не узнаете. И оттого я не отступлю. А теперь, наставник Фэй, нападайте. Если вам угодно.

Ника выставила перед собой меч, застыв в диковинной стойке.

- Благородны помыслы ваши, - медленно кивнул Фэй Лун.

- Вы печетесь о благе Поднебесной больше, чем о собственной жизни. И хотя в словах ваших много туманной неясности, но вам верит смотритель Лю и вас выбрал благовещий зверь… Я помогу вам. Такова воля Неба.

- Ха! - радостно воскликнул Лян Большой.

- Благодарим вас, наставник Фэй! - облегченно выдохнул Чижиков: он боялся, что у костра вот-вот закипит очередное сражение.

Как бы ни обманывала его Ника, но сейчас именно она была его единственной надеждой очутиться снова в две тысячи девятом году. И если бы с Никой что-то случилось…

- С вашей помощью мы преуспеем, - закончил он свое выступление.

ЭПИЗОД 17 Увидеть Сянъян и умереть

Поднебесная, лес, тракт, Сянъян, III век до н. э.

Странно, но императорские гвардейцы умудрились неведомым образом разыскать беглецов. Даже невозмутимый флейтист Фэй Лун слегка изменился в лице от удивления, когда

их небольшой отряд, еле заметной тропой пробиравшийся сквозь лес к столичному тракту, был внезапно атакован.

Чижиков - после того, как Ника в очередной раз проявила себя с самой неожиданной стороны - за всю дорогу не сказал ей ни полслова; уже там, на поляне у костра, словно что- то замкнуло в Коте: он не хотел, не мог больше с девушкой разговаривать. Ни о чем. Ни спрашивать, ни выслушивать объяснения. И Сумкин, похоже, разделял его чувства. Когда Ника, вложив меч в ножны, вернулась к спутникам, Коти хватило лишь на то, чтобы равнодушно поинтересоваться, отчего девочка из будущего не использовала свой темпоральный корректор для спасения Суня Девятого. И не менее равнодушно выслушал ответ: «Но ведь Лю Бан важнее!»

Странный фатализм овладел Котей. А может, это просто сказывалась усталость от нескольких почти бессонных ночей и постоянного нервного напряжения. Так или иначе, но Нику Чижиков игнорировал.

Оттого в нем ничто не дрогнуло, когда Ника, молча забрав у него меч, встала рядом с Фэй Луном. Это была даже не за сада: просто на очередной полянке они вдруг столкнулись с гвардейцами.

Гвардейцев было дюжины две, к беглецам же помимо Фэй Луна присоединилось всего трое лесных воинов; остальным нашлось другое важное дело, как перед выходом пояснил флейтист. Силы были явно неравны: хорошо вооруженные, одетые в доспехи гвардейцы, слаженно подчиняясь командам начальника, невысокого, но широкого в плечах сотника, мгновенно рассыпались по поляне, окружая беглецов. Те в ответ ощетинились клинками.

Прошло несколько томительных секунд.

- Воры и каторжники! - зычно крикнул сотник. - Повелеваю вам немедленно сложить оружие и сдаться!

- Кто в беспечной дерзости своей смеет говорить нам такие слова? - спросил Фэй Лун и улыбнулся. - Уйдите с дороги и не пострадаете.

- Я - императорский сотник Бу Вэнь! - был ответ. - И нет в Поднебесной ни одного человека, который ослушался бы воли божественного императора! Сдавайтесь или будете убиты!

- К чему слова? - неведомо кого спросил Фэй Лун и прыгнул.

Только тут Чижиков воочию убедился в том, что имел в виду Фэй Лун, когда просил Нику «не вынуждать его». Такое Котя видел лишь в гонконгских исторических боевиках или в эпических кинополотнах Чжана И-моу[4] - с той разницей, что в рассчитанных на зрелищность фильмах поединки на мечах и

прочие сражения занимали гораздо больше времени, нежели в реальной жизни.

Фэй Лун практически летал. Тренированные гвардейцы не поспевали за его проворными бросками и стремительными выпадами флейты. Да-да, беспечный рыбак не коснулся меча, хотя тот у него был, он действовал исключительно флейтой, причем настолько эффективно, что дух захватывало. Вот стремительным прыжком он преодолел окружение, метнулся к начавшим разворачиваться в его сторону ближайшим гвардейцам, неуловимо ткнул их флейтой куда-то в область шеи, и могучие воины, рядом с которыми одетый в простой халат Фэй Лун казался хрупким юношей, начали заваливаться в траву, выпустив из рук копья. А Фэй Лун был уже далеко - он молнией метался от одного солдата к другому, оставляя за собой одни бесчувственные тела. Собственно, никто больше толком и не успел вступить в бой - только Ника шутя отбила чей-то выпад, после чего полоснула нападавшего мечом по спине, да Лян Большой занес было посох для хорошего удара, но его противник уже выронил меч: за спиной его стоял Фэй Лун со своей верной флейтой. В одну минуту все было закончено, на ногах из гвардейцев остался один лишь сотник Бу Вэнь. Круглыми глазами он смотрел на валявшихся там и сям своих подчиненных, впустую сжимая рукоять меча.

- Не убегайте, пожалуйста, сотник Бу, - попросил его Фэй Лун. - Не надо.

Сотник охотно согласился: не надо!

- Ты великий воин, наставник! - сообщил Фэй Луну Лян Большой с широкой улыбкой. - Позволь мне стать твоим учеником!

И могучий разбойник опустился перед флейтистом на колени.

- И мне! И мне позволь!

Кун отбросил секиру и рухнул рядом.

- Сейчас не время для этого, - легко повел рукой Фэй Лун. - Встаньте. Быть может, позже…

- Хорошо, наставник, хорошо!

Лян и Кун поднялись на ноги.

- К чему это, госпожа Кэсы, - укорил Нику флейтист, глядя на тело убитого ею гвардейца. - Зачем убивать, если можно на время лишить сознания?

Ника лишь виновато улыбнулась.

Сумкин бросил на девушку сумрачный взгляд.

Фэй Лун повернулся к сотнику.

- Как вы нашли нас, сотник Бу? - спросил он. - Как разыскали?

- Я… Мы… Мы искали не вас, - спертым голосом ответил трясущийся крупной дрожью сотник. - Мы искали чужеземцев… Вот их! - кивнул Бу Вэнь в сторону Чижикова и Сумкина.

- И зачем вам понадобились сии чужеземцы? - спросил Фэй Лун, пристально заглянув в глаза сотнику.

- Я… Я… Я не знаю! - лихорадочно ответил тот. - Так приказал императорский советник Гао! Не убивайте меня!

Чижиков присмотрелся к сотнику: что-то в его лице показалось Коте странно знакомым. Да нет. Не может быть! Котя шагнул ближе.

- Советник Гао? - вопросительно поднял брови Фэй Лун. - Ему никогда не найти ни нас, ни их. Мы пойдем к озерам и затеряемся в лесах и узких протоках.

С этими словами он ткнул сотника флейтой в шею и Бу Вэнь рухнул в траву. Чижиков нагнулся над упавшим. Теперь, когда лицо его застыло и уже не было искажено гримасой ужаса, Котя понял окончательно, на кого был столь сильно похож сотник Бу. На антиквара Вениамина Борисовича с улицы Чайковского в Петербурге. Только лет на тридцать помоложе. Азиатские черты лица сотника были очевидны - и тем не менее сходство поражало.

- Советник Гао… - пробормотал тем временем Лю Бан и сунул руку за пазуху. Зажмурился. Фэй Лун посмотрел на него с одобрением. Чижикова кольнула мимолетная игла ревности: дракончик.

Лю Бан открыл глаза.

- Советник Гао направляется сюда с севера, - сказал он. - С ним все уцелевшие гвардейцы.

- Надо спешить, - кивнул Фэй Лун. - Советник решил взять нас в клещи с двух сторон. Но это вряд ли у него получится.

- Да! Да! - воскликнул Лян Большой. - Мы затеряемся в лесах вокруг озер!

- Туда мы вовсе не пойдем, - покачал головой Фэй Лун. - Но советник некоторое время будет так думать. Ему расскажет сотник Бу.

Из кустов на поляну вышел Шпунтик. Осторожно

приблизился к ближайшему бессознательному гвардейцу и брезгливо обнюхал его руку.

- Благовещий зверь, - коротко поклонился коту Фэй Лун. - Позволь доложить, что дорога свободна.

Шпунтик воспринял новость довольно равнодушно, развалился в траве и стал вылизывать заднюю лапу, выставив ее над головою.

- Нельзя терять времени, - громко сказал Фэй Лун. - Поспешим!

- А эти? - указал на гвардейцев Кун. - Мы разве не должны всех их перерезать, пока есть возможность? Ведь это враги.

- Оставьте их, - велел Фэй Лун. - Враги вовсе не те, кто врагами кажется, - изрек он глубокомысленно и двинулся прочь с полянки.

- Высказывания учителя не должны быть понятными, - буркнул Сумкин, поравнявшись с Чижиковым.

- Точно, - согласился Котя, напряженно думая, как так вышло, что сотник Бу из третьего века до нашей эры похож на старичка-антиквара из две тысячи девятого года.

Снова углубились в лес.

- Наставник Фэй, - спросил идущий впереди Лю Бан. - Вы владеете поразительным боевым искусством. Отчего же дали себя схватить моему старшему брату и его подчиненным? Вы же могли всех их разметать, не обнажая меча, наставник! Я не понимаю…

- Есть малые опасности, смотритель Лю, а есть опасности большие, - ответил Фэй Лун. Чижиков и Сумкин шли сразу за ними, и им все хорошо было слышно. - Мудрость состоит в том, чтобы правильно оценить их, и я, ничтожный, тешу себя надеждой, что немного к постижению этой мудрости приблизился. Вам, смотритель, ведомо о тех людях в черном, что напали в ночи и легко уничтожили солдат, которыми ко мандовал брат ваш Лю Кан.

Лю Бан кивнул: ведомо - хотя Фэй Лун не спрашивал, а утверждал.

- Так вот, советник Гао в сравнении с ними - малая опасность. Мне надо было увидеть людей черного клана своими глазами, - пояснил Фэй Лун. - В рассказах и слухах они представали могучими неуловимыми воинами, и я опасался, что так оно и есть на самом деле. Именно поэтому я позволил людям твоего брата связать меня и разорить мое книгохранилище. И я увидел этих людей. Они называют себя хранителями Чи-ю и в хитрых уловках продвинулись весьма далеко. Их стихия - ночь, их планы коварны и исполнены тьмы. Дошло до того, что некоторые из них

проникли в императорский дворец, чтобы убить владыку Цинь, выдавая себя за хранителей амулетов Желтого императора, за нас!.. - Фэй Лун огладил бородку. - Я узнал достаточно. Мы нанесли черному клану несколько серьезных поражений, многих их людей истребили, ибо нельзя было оставлять в живых сии порождения древнего зла. Клан Чи-ю бежал, рассеялся, а оставшиеся в живых затаились. Мы должны полностью их уничтожить, но сейчас - сейчас следует быстрее идти в столицу.

До Сянъяна добрались без происшествий - всем на удивление. Перед выходом на столичный тракт Фэй Лун принял необходимые меры: велел Чижикову, Сумкину и Нике закрыть лица тряпками до самых глаз, а с Федора велел еще и очки снять. Сумкина вели под руку. Маскировке подвергся также и благовещий зверь Шпунтик - для него из дерюги соорудили нечто вроде кулька, откуда кот при необходимости мог выглядывать. Уговорить Шпунтика довериться объятиям импровизированной клетки оказалось довольно затруднительно, и Чижикову пришлось попросить всех удалиться на приличное расстояние, потому что на обращения вроде «о великий благовещий зверь!» Шпунтик реагировал совершенно адекватно, то есть понимал: главный здесь он, а потому нечего трясти перед ним всяким тряпьем. Оставшись с котом наедине, Чижиков поговорил с ним по-свойски, объяснив, какие ужасные вещи могут случиться со Шпунтиком, если он не покорится и не будет вести себя как можно более незаметно. Разбалованный постоянными поклонениями, кот особо не поверил, но, получив тычка, снизошел до просьбы и был упакован. Чижиков повесил сверток на бок.

Можно было выступать.

Тракт оказался довольно оживленным: мимо как раз тянулся целый караван из телег, влекомых мулами и быками. К нему и присоединились - Фэй Лун быстро договорился с хозяином одной из телег; тускло блеснул маленький серебряный слиток. Телеги тащились неспешно, но когда солнце начало клониться к закату, впереди показался Сянъян.

В город входить не стали, да это уже и не было возможно: на привратной башне ухнул барабан и ворота стали закрываться на ночь. Телеги разорвали караванное построение - некоторые устремились к лепившимся снаружи к городской стене домам, а часть осталась на дороге. Путники распрягали мулов, готовясь провести ночь под телегами.

Поблагодарив подвезшего их торговца, Фэй Лун спрыгнул наземь и направился к городской стене; следовало найти комнату

на постоялом дворе, пояснил он. И такая комната довольно быстро нашлась - на полу циновки, маленькое оконце в глинобитной некрашеной стене, тусклая, глиняная же, масляная лампа. Здесь Фэй Лун всех и оставил, а сам в сопровождении одного из своих бойцов отправился в «одно место, чтобы подготовить все к проникновению в сокровищ ницу». Ника неожиданно решила пойти с Фэй Луном, но тот мягко и настойчиво воспротивился.

Лян Большой с Куном вышли в надвигающуюся ночь и вскоре вернулись с едой - рисовыми колобками, кой-какими овощами, вяленым мясом и неизменной брагой. Закрыв изнутри дверь и приперев ее для верности секирой, путники освободили из заточения благовещего зверя, а Сумкин со вздохом облегчения надел очки. Зверь тут же начал вылизываться, выразительно поглядывая на Чижикова: видишь, как меня испачкали, а ведь я себя вел тихо и был так незаметен!

Котя выдал Шпунтику вяленого мяса.

Шпунтик утешился.

В ожидании возвращения Фэй Луна время текло медленно. Скудно светила масляная лампа.

- Посмотреть Сянъян… - мечтательно прошептал Сумкин, усевшись рядом с Котей у дальней стены и отключив переводчик. - Увидеть Сянъян и умереть! Пойдем, а? Покурим заодно.

- Да ночь же! - ответил Чижиков. - И зачем тебе этот Сянъян сдался?

- Нет, ты не понимаешь, старик! Это же циньский Сянъян, он до наших дней не сохранился! Древнекитайская столица, да о таком каждый может только мечтать!

- Уймись, Федор Михайлович. Ты вон уже полный узел сувениров натырил. Все тебе мало.

- Ну и натырил, и что? - сварливо окрысился Сумкин. - Это все вещи необычайной исторической важности, которую ты не понимаешь исключительно в силу собственной косности и ограниченности, а настоящий ученый оценит на раз. Автограф самого Лю Бана! У кого такое еще есть, скажи?

- Да кто тебе поверит-то? Сам подумай. Нацарапано что-то на куске деревяшки…

- Тоже верно, - задумался Сумкин. Потом снова ожил. - А можно анализ провести, старик, радиоуглеродный анализ, вот и станет ясно, что деревяшка эта очень даже древняя, а не просто фигня какая-то!

- Пойдем действительно покурим, что ли…

Они вышли под звездное небо. Неприметный уголок нашелся быстро - у составленных друг на друга громадных глиняных

жбанов.

- Это для зерна, - пояснил Сумкин, похлопав жбан по боку.

- В них зерно хранят, старик. Угощайся, - достал он сигареты. У Чижикова табак кончился еще вчера.

- Знаешь, я тут думал… - задумчиво пуская дым, заговорил Сумкин. - Я даже слишком много думал… Вот зачем я здесь, старик? Ну, должен же быть какой-то смысл в том, что меня перекинули в древний Китай, помимо того, конечно, что лично мне как китаеведу это крайне кайфово, а? Посмотреть Сянъян… Я хочу сказать, что вряд ли кто-то специально озаботился тем, чтобы я познакомился с Лю Баном лично. И я пришел к выводу, что те, кто меня сюда заслал, исходили из того, что я стану слабым звеном.

- Федор Михайлович, да брось ты.

- Нет-нет, серьезно, - криво улыбнулся Сумкин. - Я, конечно, вредный, настырный, приставучий, но когда надо, я умею смело взглянуть правде в глаза. Вот ты, старик, - ты умеешь драться, ты спортивный и мускулистый, Ника - тоже ничего себе, вон мечом как машет, а Шпунтик - вообще благовещий зверь. Какая ни есть, а вы - команда, понимаешь? Но я-то в нее не вписываюсь, я фактически бесполезен - разве пару-тройку поучительных историй из древнекитайской жизни расскажу, но кому оно надо, когда за нами люди с холодным оружием постоянно бегают? Я плохо вижу, у меня очки, я много курю, да слабый я, ноги вон стер совсем, ковыляю на последнем мужестве, чего там… Вот и выходит, старик, что я теоретически должен был повиснуть на вас лишним грузом, который - я не скажу за Нику, - ты вряд ли бы сбросил. В смысле - привязал бы меня к какому-нибудь дереву за полной ненадобностью и бесполезностью, а сам пошел бы себе спокойно дальше, выкинув из головы некоего Сумкина. Смысл в том, чтобы заставить тебя со мной возиться. Да мне очки разбить - и все, привет! Я же крайне уязвимый, старик, даже в морду дать не умею! Вот я и говорю: я бы стал вас тормозить, а в конечном итоге вообще способствовал тому, чтобы вы с Никой завалили ее пресловутую миссию. Это единственное разумное объяснение, которое приходит в мою умную голову.

- Ну… - Чижиков задумался: а ведь верно! - Определенный смысл в твоих рассуждениях есть.

- Спасибо на добром слове!

- Но ведь ты нас не затормозил, и очки тебе не разбили. Более того, ведь это ты сообразил огненными стрелами в гвардейцев пулять, Федор Михайлович.

- Да, здесь у них что-то явно пошло не так. - Сумкин загасил окурок о жбан. - Словно на живую нитку товарищи работали, на

авось.

- Смотри, кажется, Фэй Лун идет! - хлопнул приятеля по плечу Котя. - Пошли-ка до хаты.

ЭПИЗОД 18 Сокровищница

Поднебесная, Сянъян, III век до н. э.

Проникновение во дворец решили провести не откладывая. Ночью.

Фэй Лун, критически осмотрев всех, объявил, что в сокровищницу нужно идти малыми силами: так проще, а кроме того, способ оказаться в нужном месте, которым он располагает, не подействует, если будет участвовать много людей. Нужен разумный минимум.

- Я так решаю, - сказал Фэй Лун, - пойду я, господин Килэки, благовещий зверь мао и мой помощник, верный друг Бао, - указал он на одного из своих спутников, невысокого крепыша.

- И я, - твердо сказала Ника.

- Нет, - покачал головой Фэй Лун.

- Но я должна идти! - девушка вскочила на ноги.

- Зачем? - спросил Фэй Лун. - Насколько я понимаю, именно господин Килэки в силах узнать, какая именно вещь из сокровищницы нужна. Благовещий зверь может нам пригодиться в силу своей небесной сущности. А мой друг Бао всегда сможет заменить меня самого, если мне придется вступить в схватку со стражей. Три человека и благовещий зверь - больше провести я не сумею.

- Тогда я заменю Бао, - предложила Ника.

- Я не знаю, каковы вы в бою, госпожа, - покачал головой Фэй Лун. - И не имею времени и желания это выяснять. А Бао - проверенный лихой храбрец, знающий не понаслышке, что такое меч.

Видя, что Ника опять хочет возразить, Фэй Лун поднял руку:

- Госпожа! Не угодно ли вам будет сказать мне, что вы намереваетесь делать с похищенной из сокровищницы и столь опасной для мира вещью?

- Мы спрячем ее так, что никто и никогда не найдет, - твердо ответила Ника.

- Возможно ли это? - задумчиво пожевал губами Фэй Лун.

- Ибо многие вещи, казалось бы, надежно сокрытые, рано или поздно оказываются найденными.

- Возможно, - блеснула глазами девушка. - И я должна идти с вами, с господином Килэки.

- Нет, госпожа, - Фэй Лун был непреклонен. - Или так, или никак.

Ника умоляюще посмотрела на Чижикова:

- Господин Килэки…

Котя уже решил, что он будет делать: он собирался провести небольшой тест на доверие.

- Наставник Лун знает, что говорит, - кивнул Чижиков, не глядя на Нику. - Мы полностью полагаемся на его опыт и слова. А мои спутники, - повернулся к Фэй Луну Чижиков, - на время нашего отсутствия примут обет молчания, дабы усердными молитвами помочь благополучному исходу дела. Таковы наши обычаи, не удивляйтесь.

Нельзя сказать, что Сумкин воспринял импровизированное заявление Коти как должное, но мимолетное изумление сменилось на его лице пониманием: приятель что-то задумал. Федор приосанился и важно кивнул. Да, мы будем молиться в молчании. И еще как усердно! Но Чижиков все равно подумал, что надолго Сумкина не хватит.

- Да, да, мы тоже обратимся к духам с просьбой о ниспослании помощи! - закивали Лян и Кун, понимающе переглядываясь.

Котя же шагнул к Нике вплотную, скрытно подставил ладонь. Девушка чуть помедлила, глядя на него отчаянными глазами, потом сунула руку за пазуху - и в ладонь скользнул попугай.

- Всех вас, - Фэй Лун обвел взглядом собравшихся, - мои друзья проводят в одно место неподалеку от городской стены. Там, на реке, вы будете ждать наготове нашего появления, чтобы всем вместе как можно скорее покинуть окрестности столицы.

Вот так и получилось, что Котя со Шпунтиком под мышкой вскоре опять крался в темноте ночи, предшествуемый Фэй Луном, а по пятам за ним шел проверенный храбрец Бао. Присутствие попугая бодрило Чижикова, придавало ему сил, попугай еле заметно покалывал ладонь, будто наэлектризованный, и Котя воображал, будто его ненаглядный дракончик снова с ним, а мысль о том, что попугая придется вернуть, была ему неприятна. Из того, что Ника смирилась и отдала ему попугая, Чижиков сделал такой вывод: да, то, за чем они идут в сокровищницу, действительно крайне важно, раз девушка рассталась с удивительным предметом и согласилась остаться без переводчика. Но при этом - совершенно не обязательно, будто Ника рассказала правду про спасение мира. Быть может, первое, что она сделает, когда они вернутся - так это попробует отнять добытое в сокровищнице. Поглядим.

Тьма стояла - хоть глаз выколи, Котя с трудом различал очертания домов и, если бы не вовремя подхвативший его под локоть Бао, пару раз уже приложился бы лбом об угол. Тем не менее Фэй Лун шел вперед уверенно. Они миновали мирно

спящие дома, быстро, краем, пересекли открытое пространство перед громадными воротами - сюда падали косые отблески от горевшего на привратных башнях огня, и двинулись вдоль стены. Чижиков коснулся рукой ее земляной поверхности - чуть влажной от росы, и подумал: хорошо, что с ним нет Сумкина. Федор Михайлович наверняка захотел бы осмотреть хотя бы ворота. Казалось, стена никогда не кончится.

Снова появились дома, примыкающие к стене снаружи, и здесь, немного поплутав, Фэй Лун нырнул в черный дверной проем. Котя на ощупь двинулся следом, боясь выронить переброшенного через правую руку Шпунтика, который хоть и висел смирно, но и весил немало: рука начала уставать. В темноте раздался скрип, потом удары камня о камень - посыпались искры: Фэй Лун запалил маленькую глиняную лампу. Тусклый неверный свет озарил беспечного рыбака и черноту высокого, в рост человека, земляного прохода с неровными краями. Рядом с проходом был прислонен к стене деревянный щит, видимо, его закрывавший.

- Господин Килэки, - очень тихо сказал Фэй Лун, - сейчас мы тайным ходом проберемся прямо во дворец. Прошу вас и благовещее животное ни в коем случае не шуметь.

Чижиков кивнул и Фэй Лун скрылся в проходе. Котя последовал за ним, а Бао, войдя последним, приладил бамбуковый щит на место изнутри.

- Но заметно же! - удивился Котя. - Понятно, что за щитом что-то есть. Кто-нибудь заинтересуется и может найти проход.

- Нет, - усмехнулся Бао. - С той стороны приклеена земля. Ничего не видно. Никто не знает, - он легонько подтолкнул Чижикова вперед. - Надо идти.

Ход оказался длинный, извилистый, узкий, местами низковатый, просто нора какая-то - приходилось идти, согнувшись. Фэй Лун, а за ним Котя, Шпунтик и Бао сначала плавно спускались вниз, а потом стали подниматься наверх, и подъем становился все круче, так что последние метры пришлось карабкаться по земляным уступам, цепляясь руками за близкие стены. На ощупь земля оказалась влажной - очевидно, ход был прорыт совсем недавно.

Наконец они уперлись в глухую деревянную плиту.

- Тс-с-с-с… - Фэй Лун приложил палец к тонким губам. Глаза его горели. - Мы как раз за главным залом для приемов, перед малым залом для частных аудиенций. Вход в сокровищницу совсем недалеко. Но только тише, тише!..

Чижиков стряхнул с головы землю и отпустил кота. Фэй Лун осторожно нажал на одному ему ведомые выступы на деревянной

плите и отодвинул ее вбок.

Они вышли как раз между двух колонн, уходивших вверх, к невидимым в темноте сводам. Фэй Лун подождал, пока Чижиков, Шпунтик и Бао не выберутся наружу, а затем беззвучно задвинул дверь на место. Сработано было так здорово, что Коте, например, и в голову бы не пришло, что вот за этими лакированными и плотно пригнанными друг к другу красными досками скрывается неучтенный стражей вход в святая святых Поднебесной.

Фэй Лун осторожно выглянул за колонну.

- Нехорошо, - сказал он, обернувшись к Чижикову и Бао. - Нехорошо. Нам нужно всего лишь пересечь этот коридор. А там отдыхает императорский благовещий зверь!

И уступил место Коте.

Коридор был неплохо освещен огнем, пылавшим в равномерно расставленных у стен треножниках. Неподалеку от Чижикова застыли, почтительно склонившись, два рослых, облаченных в сверкающие латы дворцовых гвардейца. Перед ними на каменных, отполированных до зеркального блеска плитах пола развалилась… кошка. Роскошная, откормленная, скорее даже жирная кошка. Шерсть ее лоснилась от сытой жизни, пушистый хвост раздраженно подрагивал - кошка щурилась на свет и никуда уходить не собиралась. Соответственно - и гвардейцы: они терпеливо ждали, когда благовещее животное соизволит возобновить прерванную прогулку. Гвардейцы были кошкина стража. Рядом с кошкой на полу лежала расшитая золотыми нитями пышная, под стать кошке, подушка: видимо, гвардейцы пытались создать своей благовещей хозяйке максимально комфортные условия для отдыха, но вредное животное их усилия проигнорировало. Морда у кошки была наглая и Чижиков понял, что она, если ей приспичит, пролежит тут, на полу, всю ночь - хотя бы из природной вредности.

Что же делать?

Ну конечно!

Котя присел, притянул к себе Шпунтика.

- Благовещий зверь помнит Мурку? - прошептал он прижавшему уши коту. - Мурку из пятнадцатой квартиры? Помнит Мурку?

Кошачьи уши воспряли: еще бы не помнить Мурку! Из пятнадцатой-то квартиры! Как они с Муркой в тесных объятиях обрушились с карниза третьего этажа! Но и это не помешало Шпунтику долюбить Мурку до самого победного конца, хотя упали они прямо в мусорный бак и Мурка дико орала. Мурка!

Видя, что в Шпунтике еще свежи романтические воспоминания, Чижиков осторожно поднял его, выставил за

колонну и слегка подтолкнул в сторону жирной кошки.

- Мурка! - прошептал коварный Чижиков.

Шпунтик принюхался, вгляделся: Мурка. Мурка… Мурка?!

Он пулей ринулся к кошке: Мурка! Мурка! Мурка! - на стражу коту было плевать, а кошка, увидев, какой роскошный, в самом расцвете сил, самец к ней стремительно приближается, моментально вскочила, весьма неприятно зашипела и бросилась, тряся нагулянным жиром, прочь.

Явление второго благовещего зверя повергло гвардейцев в оторопь, близкую к шоку, но, поскольку вверенная их опеке хвостатая особа убегала сломя голову по коридору, они, топоча, бросились следом, на ходу почтительно увещевая Шпунтика: «О новый благовещий зверь! Смири свою прыть!» Шпунтик прыти смирять не собирался, он нагнал беглянку, он прыгнул на нее, он мгновенно подавил сопротивление и, урча, овладел гипотетической Муркой. Кошка пронзительно заорала.

- О! Благовещие звери изволят совокупляться прямо во дворце! - потрясенно воскликнул один из гвардейцев. - Горе, горе Поднебесной!

Пока гвардейцы бестолково топтались поблизости от Шпунтика, изловившего свою Мурку, Фэй Лун дернул Чижикова за рукав и они перебежали через коридор, укрывшись за колонной на противоположной стороне. Бао скользнул за ними.

- Велика и своевременна прозорливая помощь благовещего зверя! - уважительно прошептал Фэй Лун. - Это здесь, - еле слышно постучал он пальцем по стене. - Не будем терять времени.

Фэй Лун разжал кулак и Котя вздрогнул: на ладони беспечного рыбака лежала серебристая фигурка - странный зверек, похожий на мышь, но не мышь. Усатая мордочка его была задрана вверх: словно зверек принюхивался. Крот! Точно: крот. Крот выглядел точь-в-точь как пропавший дракончик - и размером, и странным блеском неведомого металла. Эти вещи были явно сделаны одними и теми же руками. Руками?..

- Вы видели подобное раньше, господин Килэки, - Фэй Лун не спрашивал, он утверждал. - Значит, вам ведома сила амулетов Желтого императора и вы не впадете в смущение.

Он вытряхнул из рукава небольшой блеснувший металлом мешочек, распустил перетягивающий горловину шнурок и осторожно достал другую фигурку - то была черепаха, перевитая змеей, фигурка совершенно из той же серии. И мешочек Коте был знаком - в ровно таком же он обнаружил своего ненаглядного дракончика, когда расковырял гипсовый бюст Председателя Мао. И черепаху такую он уже видел - на крышке дедова сундучка.

Змеечерепаху. Кажется, Сумкин назвал еще ее «сюань-у» - «темная воинственность», такая черепаха заведует севером…

- Крот роет, сюань-у открывает, - прошептал Фэй Лун, убирая фигурку крота за пазуху. - Возьмите меня за руку, господин Килэки, и дайте свою руку моему другу Бао.

С этими словами Фэй Лун крепко сжал змеечерепаху в кулаке, глубоко вдохнул, сосредоточился и, стиснув пальцы Чижикова, шагнул прямо в стену. И беззвучно в ней исчез. Осталась только рука, которую держал Котя. И рука эта тянула его за собой - сильно и настойчиво. Будь что будет, решил Котя, зажмурился и пошел следом.

На мгновение уши словно заложило.

Потом слух вернулся.

Чижиков открыл глаза: они, в том числе и Бао, находились в небольшом сумрачном помещении, уставленном разнообразными вещами и предметами. В левом углу на небольшом возвышении стояло низкое широкое сидение, больше похожее на театральную банкетку, в стене справа была раздвижная дверь. Фэй Лун уже успел зажечь факел, торчавший в стене. Котя живо обернулся: сзади была ровная стена безо всяких признаков отверстий. И вот через нее-то они только что и прошли! Чудеса!

- Мы на месте, господин Килэки, - торжественно объявил Фэй Лун. - Ищите теперь нужную вещь.

- Какая-то она маленькая, сокровищница…

- Это лишь одна ее часть, самая ничтожная, мой господин, - объяснил Фэй Лун. - Здесь хранятся разные диковинки. Серебро и драгоценности находятся в другом месте, гораздо более обширном.

Чижиков осмотрелся. Кругом - на низких резных инкрустированных столиках и подставках, которые сами по себе являлись произведениями искусства, располагались разные удивительные вещи: странной формы камни, напоминавшие своими очертаниями различных животных, шкатулки, ларчики. Отдельно торчала огромная коралловая ветвь совершенно фантастической расцветки.

- Ну, приступим… - вздохнул Котя, открывая ближайшую шкатулку.

Если бы он еще знал, что искать! Если хотя бы приблизительно представлял, за чем конкретно они пришли в сокровищницу! Чижиков рассеянно перебирал в пальцах странно тяжелые металлические горошины, ноздреватые и неровные - мелкие метеориты, не иначе; он снова и снова открывал ларчики, находя в них то огромные куски киновари, то изваяния каких-то непонятных божков, то навощенные птичьи перья. Были тут и

бронзовые сосуды, покрытые даже не иероглифами, а какими-то неведомыми письменами, все в окалине древние треножники, тяжеленные чаши явно ритуального назначения, и на боку одной Котя увидел рельефное изображение страшного лица с выпученными глазами, а рядом - странного вида иероглифы. Вот было бы раздолье для Сумкина! Он бы прочитал. Он бы набрал сувениров!

Котя добрался до возвышения в углу. Бао и Фэй Лун внимательно за ним наблюдали.

На стоявшей на возвышении банкетке лежал сверток - Чижиков тут же узнал материал, из которого был изготовлен мешочек для дракона, и сердце его екнуло: вот оно! Котя порывисто сверток схватил, развернул - и его возбужденному взору открылись три связки тонких бамбуковых дощечек, скрепленных веревками по краям и намотанных на бамбуковый же стержень.

Это еще что?

Котя осторожно развязал веревку, стягивающую одну из связок - дощечки развернулись с тихим стуком в своеобразное бамбуковое полотно, сверху и донизу усеянное рядами черных иероглифов.

Книга! Вот что это такое! Бамбуковые страницы!

- Разве это то самое, господин Килэки? - встал рядом Фэй Лун, вглядываясь в иероглифы. - Великий владыка не жалует книги. «Песни здесь возносят духам про гнев Акэлюсы. Лишь этот гнев, грозный и бедонесущий, вверг людей рода акайя во множество горестей страшных…» - прочел Фэй Лун и вздрогнул. - Не может того быть! Книга сия - из моей погибшей библиотеки! Истории, заключенные в ней, воистину поразительны и я не успел изучить их до конца, разгадать. Но как, во имя великого Неба, она оказалась в самом сокровенном уголке сокровищницы?! Господин Килэки, невозможно, чтобы вам была надобна эта книга. Уверяю вас.

- Я и сам вижу, - вздохнул Чижиков. - Но вот ткань?

- Мне книга досталась уже завернутой в нее, господин, - сказал Фэй Лун. - И я не ведаю, откуда сия ткань и что она, но знаю лишь, что из нее же сделаны и кошели для амулетов Желтого императора, - флейтист показал Коте мешочек, в котором хранилась змеечерепаха. - Вам это ведомо.

И опять он не спрашивал, а утверждал.

- Да, - признался Чижиков. - Ведомо. Но за чем же я тогда послан сюда?!

С еще одним вздохом он сгреб бамбуковые связки, укутал кусающей пальцы серебристой тканью.

Постойте-ка!

Под свертком лежало что-то еще, плоское и круглое. Котя отодвинул сверток на край и увидел зеркало. И зеркало приковало к себе взгляд Чижикова.

Перед его внутренним взором ясно встал необычайный сон наяву, который он видел там, в разбойничьем лагере, на плоской вершине холма, куря у валунов с Сумкиным: черный, словно ребенком выжженный на красной крышке сундука деда Вилена круг и схематические изображения животных в том круге, всего пять, пять животных. Именно этот круг - но в виде зеркала - и лежал сейчас перед Котей.

Зеркало. Небольшое, сантиметров тридцать в поперечнике. На вид бронзовое, но не бронзовое - яснее, налитое тугим неярким внутренним светом. Из такого же материала был сделан пропавший дракончик, а также и крот, что помогал Фэй Луну проходить через стены. И попугай, что лежал сейчас у Коти за пазухой.

В центре зеркала выгравирован цветок. По сторонам от цветка, ближе к краю, на равном удалении друг от друга - неглубокие выемки. Пять выемок и пять животных: дракон, тигр, цилинь, феникс и змеечерепаха, та самая, что открыла им путь сквозь стену. Все совпадает. Все точно.

Так вот что хотел показать ему прозрачный! Вот что пытался объяснить!

- Нам нужно это! - Чижиков уверенно указал на зеркало.

- Тогда, господин Килэки, берите его и уходим, - буднично предложил Фэй Лун. - Нам не следует оставаться здесь дольше необходимого.

Им не хватило какой-то минуты.

Резко стукнула отодвинутая деревянная створка.

Котя, Фэй Лун и Бао обернулись.

В проеме единственной ведущей в сокровищницу двери застыл высокий человек в длинном тяжелом халате. Бледное, узкое лицо его дышало гневом, глаза горели. Рука сжимала длинный меч.

- А вот и советник Гао! - мягко, с улыбкой сказал Фэй Лун. - Ты быстро прибыл, Гао. Я надеялся, ты еще полюбуешься на озера и леса.

- Ты!!! - меч советника нацелился на Фэй Луна. - Да как ты осмелился?! И кто эти жалкие людишки?! - голос советника гремел.

Фэй Лун только усмехнулся.

Котя быстро сунул зеркало за пазуху и подхватил сверток с книгами. Строка, которую прочитал Фэй Лун, напомнила ему

нечто весьма знакомое, но Чижиков никак не мог сообразить - что именно. Котя не хотел расставаться с этими книгами. Книги словно притягивали его.

- Бао! - окликнул крепыша Фэй Лун и кинул ему мешочек со змеечерепахой. - Тебе ведомо, что делать.

- Вы ничего не вынесете отсюда! И сами останетесь здесь на веки вечные! - советник Гао прыгнул вперед, круша подставки и столики. - Вы найдете тут свою смерть!!!

На сей раз Фэй Лун не стал прибегать к флейте. Фэй Лун выхватил меч.

- Ты знаешь, Гао: тебе меня не одолеть, - сказал он, легко парируя удар советника. - Отступись. Пусть свершится воля Неба.

Но Гао, рыча от гнева, рубил мечом как бешеный.

- Я знаю, отчего ты осмелился войти сюда, - легким взмахом пропоров широкий рукав халата советника, продолжал Фэй Лун. - Не иначе, как наш божественный император отправился в путешествие к Желтому источнику. И ты явился, дабы завладеть тем, чем обладать тебе не суждено. Я прав?

Советник рявкнул и удвоил усилия, но пробиться через уверенную защиту Фэй Луна не мог.

- Господин! - схватил за руку засмотревшегося на схватку Чижикова наконец развязавший мешочек Бао. - Пойдемте!

И утянул его прямо в стену.

Последнее, что видел Чижиков, был Фэй Лун: избавленный от необходимости прикрывать отступление Коти и Бао, беспечный рыбак запорхал по тесному помещению в отточенном боевом танце, атакуя советника, кажется, со всех сторон одновременно. Фэй Лун оставался верен принципу не убивать без необходимости и халат висел на Гао клочьями.

В коридоре было тихо: ни кошки, ни гвардейцев. Ни Шпунтика.

Бао потянул Котю за собой - к противоположной стене.

- Скорее, скорее же, господин! - торопил Бао, поспешно отодвигая деревянную панель.

- Кот-кот-кот! - наплевав на конспирацию, заорал Чижиков. Он совершенно не собирался бросать своего хвостатого любимца в глубине императорского дворца третьего века до нашей эры. И плевать, что подумает Бао. - Кот-кот-кот! Быстро сюда!!!

И Шпунтик появился - серой молнией вылетел он из-за колонн и первым юркнул в темноту земляного лаза, размахивая хвостом. Чижиков влетел следом, Бао за ним. Лесной удалец ловко задвинул на место деревянную панель. И наступила тьма.

ЭПИЗОД 19 Пой, богиня, про гнев Ахиллеса

Поднебесная, горы неподалеку от реки Вэйшуй, III век до н. э.

- Подождите! Я так больше не могу! - взмолилась Ника, когда они вскарабкались на очередной горный уступ. Здесь была ровная площадка, небольшая, но достаточно просторная, чтобы вместить троих человек и одного крупного кота. - Поговорите со мной, прошу вас! Костя! Федя!

- Это Федор Михайлович, - указал на Сумкина Чижиков, опуская приятеля на камни и отдуваясь. - Он тебе не Федя, девочка из будущего.

Сумкин в ответ поморщился. Осторожно дотронулся до перемотанной тряпкой ноги. Тряпка набухла кровью.

- Старик, - хрипло сказал он. - Мой крупный и хорошо развитый мозг ясно подсказывает мне, что если в ближайшее время не предпринять что-то радикальное, то я схвачу заражение крови или еще какую-нибудь смертельную гадость. Но тот же мозг уверенно говорит, что вряд ли мы найдем хорошо оборудованный полевой госпиталь в этих диких горах.

- Ты молчи, Федор Михайлович, отдыхай. Покури что ли, - Чижиков, игнорируя умоляющий взгляд Ники, посмотрел вверх. До вершины оставался небольшой участок сравнительно пологого подъема. - Сейчас посидим немного, а потом заберемся на горочку. Наша прелестная спутница утверждает, что мы недалеко от цели.

Позади осталось многое, о чем Чижикову не очень хотелось вспоминать. Например - ужас извилистого лаза, по которому на ощупь, в полном мраке ломились они с Бао и Шпунтиком, зная, что задерживаться нельзя ни на секунду. А надо бежать, бежать, бежать, потому что во дворце грянули тревогу: забили барабаны, всколыхнулись здесь и там крики, лязгая оружием, забегали императорские гвардейцы.

Время стремительно выходило, и Котя, задыхаясь от страха, упорно лез вслед Бао, сослепу обрушивая себе на голову комья земли. Ему не хватало воздуха - так казалось Чижикову, ибо мрак обступил их со всех сторон. И без того узкий проход, казалось, сжимался, готовясь принять беглецов в холодные влажные объятия, забить рот и уши землей, и Чижиков с великим трудом сдерживался, чтобы не заорать истерически в полный голос. Перед невидящими ни зги глазами встали вдруг, ясно и отчетливо, лица исколотых стрелами, посеченных мечами разбойников, - мертвые смотрели пристально, с немым укором, и их становилось все больше и больше. Тут Бао с разбега выбил плечом бамбуковую заслонку, Котя кубарем вылетел на свежий воздух, изо всех сил грохнувшись на живот и на зеркало за пазухой, а по его спине проскакал заполошный Шпунтик.

Подземный ужас кончился.

Довольно скоро цель безумного бега открылась - они вылетели на крутой берег реки; здесь, скрытая в ветвях огромной плакучей ивы, беглецов поджидала лодка. Довольно большая -ив ней уже сидели Лю Бан, Ника, Лян Большой, Сумкин и прочие. Притаились в чутком молчаливом ожидании, и едва Котя, Бао и Шпунтик взобрались на борт, чуть лодку не опрокинув, как сразу же была обрезана причальная веревка, намотанная вокруг старого дерева, а дальше в ход пошли бамбуковые шесты - и лодка понеслась по течению.

И только тогда Чижиков смог перевести дух.

И сразу же к нему мгновенно пристал стосковавшийся по возможности почесать языком Сумкин:

- Ну как? Нашли? Нашли? А мы уж тут заждались…

В темноте Котя не мог разобрать выражения лица Ники, но ясно чувствовал ее взгляд:

- Да, - сказал он, - нашли.

- А где наставник Фэй? - вскинулся Лю Бан.

Ему ответил Бао:

- Наставник велел не ждать его. Он присоединится к нам позднее.

- Да, но… - начал было смотритель, но потом понимающе умолк.

Темная река несла их и несла.

Шпунтик забился в ноги хозяину: кругом опять было много воды, и если бы кот знал заранее, что так выйдет, то, наверное, не стал бы бездумно прыгать в лодку, а лучше побежал бы следом по берегу. Теперь он расплачивался за собственную неосмотрительность: сидел и опасался. Хозяину, впрочем, тоже приходилось несладко, и это до определенной степени примиряло Шпунтика с рекой. Но только на время. Вот вернемся домой - и никакого больше душа и дегтярного мыла!..

Котю охватила безумная усталость. Чижиков напоминал себе выжатый лимон: казалось, не осталось никаких сил. Совсем никаких. Он только и мог что сидеть, привалившись всем весом к борту лодки, не чувствуя возможности даже пошевелиться - вот хотя бы погладить кота, что столь доверчиво вжался в его бок. Но гораздо хуже было внутреннее опустошение, не оставлявшее, кажется, ни малейшей возможности для того, чтобы собраться. Чижикова использовали - да и не только его, - использовали втемную, не считаясь с его желаниями или хотя бы с мнением, его обманывали, его водили за нос, его выдернули из привычной жизни и заставили терпеть неудобства, лишения, муки - и все ради какой-то круглой хреновины, что сейчас лежала у него за

пазухой. А теперь - теперь лодка уже который час плыла неведомо куда, Котя никак не контролировал происходящее и ему было почти все равно. Почти наплевать. Он пока не вернул Нике попугая, и девушка не делала ни малейших попыток попугая забрать: сидела молча.

Глаза Коти слипались.

Едва слева по борту робкие лучи восхода окрасили розовым кромку недалекого горного хребта, как Лю Бан объявил: «Погоня! Нас преследуют!» И никто не спросил, как об этом узнал смотритель. К Лю Бану сунулся крепыш Бао:

- По реке? Советник?

- По реке, - подтвердил смотритель. - Много, много лодок!

- Что будем делать? - спросил Сумкин: он, в отличие от Коти, не ползал по обваливающейся на голову земляной норе и не несся стремглав прочь от дворца.

Федор был полон сил. Чижиков как бы невзначай нагнулся к Нике и незаметно отдал попугая: раз погоня, то нужно, чтобы все понимали происходящее и могли адекватно реагировать. Котя расстался с удивительным предметом с сильным сожалением: он начинал на своей шкуре понимать, как сладостно обладать такими вещами.

Бао, взявший на себя временное руководство небольшим отрядом, посмотрел на Чижикова.

- Скоро мы достигнем места, где наготове ждут нас друзья, - сказал он. - Все вместе мы отвлечем погоню, а затем растаем, словно туман на рассвете. Смотритель Лю! - повернулся он к Лю Бану. - Наставник Фэй наказал мне особо позаботиться о вас. Поэтому прошу вас: как только мы соединимся с друзьями, не мешкая следуйте за тем, на кого я укажу. Вам нет нужды принимать участие в схватке, ваша жизнь и судьба гораздо ценнее для Поднебесной. Вас, господа Лян и Кун, я также прошу последовать вместе со смотрителем.

Видно было, что Лю Бан хочет возразить, но после короткой паузы бывший уездный смотритель лишь согласно кивнул.

- Куда мне доставить вас, господа? - спросил Бао у Чижикова. - Наставник повелел мне безукоснительно исполнить все ваши пожелания.

Котя хотел лишь одного: чтобы его доставили на улицу Моховую, положили на диван в гостиной и ушли, закрыв за собой дверь. И никогда больше не возвращались. Сама мысль о том, что снова придется куда-то идти, была ему противна. К тому же Чижиков понятия не имел - куда.

- Поближе к тем горам, - неожиданно заговорила Ника, указывая пальцем на невысокую гряду. - Дальше мы пойдем сами.

Бао согласно опустил голову. Чижикова внутренне передернуло. Но деваться было некуда, осталось только положиться на то, что Ника действительно знает, как отсюда выбраться, а не обманывает по обыкновению. Идти… Опять идти…

Прощание не заняло много времени: его просто не было. Сойдя на пологий берег и изрядно промочив ноги, Чижиков, вторя Сумкину, низко поклонился оставшимся в лодке, чувствуя, как ноет все тело, и перехватил внимательный взгляд смотрителя. Лю Бан чуть заметно кивнул ему. И Чижиков ответил таким же кивком. «Братство дракона какое-то…» - промелькнуло в голове.

Лодка отвалила от берега и заскользила по воде дальше, а Котя развернулся к Нике и впервые за все это время спросил: «Ты знаешь, куда нам теперь надо? Знаешь? Так веди!» Сумкин только хмыкнул. Не скрываясь, достал сигарету и задымил.

Котя ожидал, что, лишь только они останутся одни, Ника попробует выяснить, что именно он нашел в императорской сокровищнице, а потом, возможно, и отобрать. Но ничего подобного не произошло: проводив лодку взглядом, Ника забросила узел с вещами на плечо и, сказав «нам туда», двинулась прочь от берега. Как это понимать, Котя не знал. Но от былой симпатии к Нике не осталось и следа - Котя сам видел, на что способна эта хрупкая с виду девушка, как она управляется с мечом и высоко прыгает. Даже весьма поверхностной подготовки Чижикова хватало, чтобы понять: перед Котей если не мастер, то очень и очень продвинутый боец, который одержит над ним верх одной левой. И это было уже слишком. Это стало последней каплей. Потому что одно дело - просто врать в глаза ему, Коте Чижикову, и совсем другое - бесстрастно смотреть на то, как кругом гибнут люди, и не пошевелить и пальцем для их спасения. Тем более, когда так вот можешь и умеешь.

Сумкин, видимо, испытывал сходные чувства, потому что держался рядом, отстав от Ники. Так они и шли в молчании неправильным треугольником: впереди девушка, а позади Чижиков с Сумкиным. Справа от хозяина устало трусил Шпунтик.

Чижиков шел за Никой, бездумно переставляя ноги. За пазухой теплело неведомое зеркало, плечо оттягивал узел с вещами и с похищенными из сокровищницы книгами. Путь лежал через поле - к горам, встающим впереди в сияющей дымке зари. По крайней мере, именно туда направлялась Ника. Чижиков посмотрел ей в спину с завистью: надо же, шагает так, будто всю ночь крепко спала в удобной постели, а потом плотно позавтракала, выпила пару чашек кофе и сполна ощутила, сколь

прекрасен новый день!

Опять столько странностей. Непостижимый Фэй Лун. Сам же сказал: книги, что сейчас при каждом шаге хлопают Котю по спине, взяты были из его разоренной библиотеки, и книги эти особенные, - но преспокойно позволил забрать их! Видел же, что зеркало изготовлено из такого же материала, что и дракончик, который наверняка остался у Лю Бана, - но ни слова поперек не произнес и не возбранил вынести зеркало из сокровищницы! Хотя в свое время попугая у той же Ники собирался отнять силой. Где логика? Где смысл? И как Фэй Лун вообще оказался там, на реке, прямо на пути у удирающих от советника Гао лодок? Чижиков рассмеялся бы в лицо любому, кто осмелился бы утверждать, что это случайность. Котя отдал бы все доллары, ну почти всю тугую пачку, что таилась в кармане спрятанных в дорожном свертке джинсов, тому, кто взялся бы достоверно объяснить ему поведение Фэй Луна. Только не было таких людей на примете, ни одного!

Чижиков тревожно оглянулся.

Никто их не преследовал и не ловил: по всей вероятности, уловка Бао сработала, и советник Гао и его люди устремились за одинокой лодкой дальше по течению, не заметив высадки на берег трех человек и одного кота.

Горы понемногу приближались.

- Знаешь, старик, если там, куда мы идем, никакого выхода не окажется, то нам ведь хана, - наконец нарушил молчание Сумкин. - Если твоя приятельница из будущего соврала или что-то в этом роде, то дела наши плохи. Просто отвратительны. Нас или найдет этот псих Гао с его гвардейскими гавриками, или по недомыслию зарежут какие-нибудь другие злодеи и подонки, или же пристукнут обычные работники сельскохозяйственного труда.

- Вижу, у тебя приступ оптимизма, - буркнул Чижиков. - Спрячемся в горах. Уйдем от мира.

- Да-да. Обязательно. Я не говорил тебе, старик, как я мечтаю укрыться в горах и распрощаться с суетой? - усмехнулся Сумкин. - Вот, помню, родился и сразу начал мечтать: как было бы здорово с Чижиковым, дорогим моим одноклассником, уйти в какие-нибудь древнекитайские горы! Зажить простой, незамутненной жизнью, жрать вершки и корешки, запивая их чистой родниковой водой! Сказка! И Шпунтик с нами опять же. Большая дружная горная семья!

- Да Федор же Михайлович!

- Ну ладно, ладно, - Сумкин вдруг сморщился, схватился за щеку, тонко зашипел.

- Ты чего? - вяло встревожился Чижиков.

- Да все зуб, сволочь, - душным голосом ответил великий китаевед. Через силу усмехнулся. - Прикинь, за три дня до отлета так мне в зуб мудрости вступило… И нечего смеяться! Я волком выл, старик. Правда. Рванул тут же в клинику - то-се, поковырялись, просветили. Ах, говорят, какой зубик у вас сложный! Ой, говорят, какой непростой! Будто я сам простой и понятный! Ну, словом, пихнули меня в машину с красным крестом и повезли - хорошо, сирену не врубили для полноты картины. Я им: люди, опомнитесь, кто оплатит все ваши медицинские издержки, прыжки, уколы и эту красивую машину, у меня денег три с половиной сотни, мне через пару дней в Китай, вырвите зубик к свиньям собачьим и все дела! А они: нет, дорогой наш человек, мы тебя не бросим, у нас всероссийская акция доброй воли и проникающей в мозг рекламы, мы тебя сейчас на самом новейшем оборудовании совершенно бесплатно полечим - да так, что не нахвалишься! Короче, старик, привезли меня куда-то, бросили в кресло, марлей со всех сторон обложили, насовали полный рот каких-то прозрачных трубок, и тут я отрубился. А когда пришел в себя, доктора радостно так скалятся: мы вам, товарищ знаменитый ученый, новый зуб смастерили, лучше старого, но только придется в рекламном ролике сняться и еще интервью дать оплаченное. Это-то ладно, если вернемся, дам я им все, а вот что зуб этот каждый божий день дергает по вечерам - этого я им никогда не прощу! Фуф, отпустило, - облегченно сообщил Сумкин. - Я же говорил тебе, что от меня здесь толку никакого. Я сплошная обуза, теперь вообще на части разваливаюсь. Вот и зуб этот… Теперь, видишь, не только каждый вечер, но и по утрам прихватывать стало. Воспаление началось, не иначе.

- Федор, не ной, а? - попросил Чижиков. - Нам сейчас не о зубе твоем думать надо. Зуб нам твой без надобности. А уж если там, куда идем, выхода не будет, то вообще.

- Я ей с самого начала не верил, - Федор вытряхнул из почти пустой пачки пару сигарет. Одну протянул Чижикову. - Она знает гораздо больше, чем говорит. Кстати, а как там, во дворце, все прошло? Дворец-то хоть посмотрел одним глазком? Эх, жалко, что не положил я в карман пиджака фотоаппарат!

- Нормально прошло, - ответил Чижиков, затягиваясь. - Зашли в сокровищницу, повстречали там Гао, забрали одну фигулину.

- Какую? - очень заинтересовался Сумкин.

- Оно тебе надо? - вздохнул Чижиков. Что-то по-прежнему удерживало его рассказать приятелю и про предметы, и про зеркало. - Ты и так очень умный. Череп не жмет?

- Ну интересно же: ради чего это все! - заблестел очками

Сумкин. - Так, старик, нечестно. После всего того, что мы вынесли и пережили, ты, значит, фигулину зажал и даже глазком одним не даешь мне на нее взглянуть! Это вообще как понимать? Ты что, мне не доверяешь?! - от возмущения Федор даже остановился.

- Доверяю, доверяю, - успокоил его Котя. - Вот дойдем до того леска, - указал он заросли у подножия горы, - сядем там в тенечке и я тебе покажу фигулину. Ладно?

Лесок оказался бамбуковой рощей. Чижиков плюхнулся на землю около трех особо крупных стволов, Сумкин присел рядом. Ника некоторое время неприкаянно маялась в сторонке, а потом со словами «пойду разведаю дорогу» скрылась в зелени. Ни Чижиков, ни Сумкин даже не посмотрели в ее сторону.

Котя развязал свой узел с барахлом и осторожно достал сверток с книгами. Он заранее решил, что не покажет Федору зеркала. Ведь тот не знает, что именно нужно было похитить из сокровищницы. Так же, как и Ника - если не врет, конечно. Вот и пусть считают, что предмет - таинственные книги количеством три.

- Господи боже мой… - на Сумкина было страшно глядеть. Казалось, глаза его вот-вот выскочат из орбит, а челюсть скатится по хилой груди наземь. - Ты вообще понимаешь, что мы держим в руках, старик?! Это же древ-не-ки-тай-ская книга! Головастиковое письмо!!![5] Это же такая древность, что… что я даже не знаю! - великий китаевед стал хватать ртом воздух, словно вытащенная на берег рыба. Сумкину явно не хватало слов, чтобы выразить обуявшие его чувства. - Обалдеть, старик! Просто обалдеть! Да уйди ты! Не кошачьего ума это дело! - отвел он рукой в сторону морду любопытного Шпунтика.

Сумкин держал бамбуковую связку перед собой как святую икону в драгоценном окладе. Он смотрел на книгу с обожанием, кажется - еще немного и Федор покроет неровные, темные от времени бамбуковые планки серией жарких поцелуев.

- Так, попробуем разобрать, как называется… Может, старик, перед нами неизвестный текст Конфуция или апокриф Мэн-цзы![6]Черт, непонятно, - бормотал Сумкин, сняв очки и поднеся связку вплотную к глазам, - Первый иероглиф, кажется, «хэ». Второй… второй - «ма». Так… Мне это ни о чем не говорит… Дальше… «И». Да, определенно «и». Следующий «ли». А это что? Гм… Похоже на «я». Нуда, «я». И наконец - «тэ», это я вижу отчетливо.

Сумкин замер. Перевел расширившиеся от изумления глаза на Чижикова. Котя даже курить забыл от испуга. Раньше таким Федора он никогда не видел: бледный, с вытаращенными до предела безумными глазами, бороденка стоит дыбом как

наэлектризованная, пот на лбу. Даже Шпунтик удивленно мыркнул.

- Старик, - Сумкин внезапно охрип. - Старик, но это же… «Илиятэ». «Илиада»! Ты понимаешь?! «Илиада»! А значит, «хэ ма» - Гомер! - он бессильно уронил книгу на колени. - Ничего не понимаю.

- «Илиада»?! - Котя тупо глядел на приятеля.

- «Илиада», - прошептал тот. - Но этого просто не может быть. Откуда? Как, как у Цинь Ши-хуана оказалась «Илиада» да еще в переводе на древнекитайский язык?!

- А ты не ошибся? - робко предположил Чижиков, умолчав о том, что раньше книга принадлежала Фэй Луну.

- Действительно. Сейчас проверим! Это слишком! Слишком, чтобы быть правдой!

Сумкин принялся лихорадочно распутывать перехватывавшую связку веревочку. Наконец дрожащие пальцы его справились с затянутым Котей узлом - и Федор развернул глухо застучавшие бамбуковые планки. Поднес к носу, вгляделся.

- Эх, почистить бы. Грязная. Гм… Так… «Напевы здесь». Это что? А, моление, гимн богам! Значит: «Напевы здесь в качестве молений богам каждый возносит». Дальше: «говоря про ярость…» Тут какое-то имя… «Акэлюсы», вот какое. Ну, знаток Гомера, тебе ничего это не напоминает? - пытливо глянул Сумкин на Котю. - «Напевы здесь как моления богам каждый возносит, говоря о ярости Акэлюсы». Прости, перевод рабский, я понимаю, но все же.

- «Пой, богиня, про гнев Ахиллеса, Пелеева сына, гнев проклятый, страданий без счета принесший ахейцам!» - процитировал по памяти Чижиков, глядя на Сумкина с восторгом. - Ахейцы там есть? Есть?

- Сейчас, подожди, - Сумкин сунулся в текст, чуть не носом завозил по бамбуковым дощечкам. - А! Вот! Есть «акайя». Должно быть, это твои ахейцы. А Акэлюсы - Ахиллес!

И оба замолчали, глядя друг на друга.

- Невероятно, - наконец нарушил молчание Сумкин.

- Здорово! - хлопнул его Котя по коленке.

- Ай!!! - вдруг вскрикнул великий китаевед, подпрыгнув на месте и роняя в траву сверток с книгами.

- Да я же несильно, - начал было оправдываться Чижиков, как взгляд его наткнулся на короткую толстую стрелу, пронзившую левую икру Сумкина. - Что за черт?!

Шпунтик, вздыбив шерсть, зашипел, припадая к земле.

Схватившись за меч, Котя обернулся, вскочил.

Неподалеку Чижиков увидел человека - весь в черном, он стоял, широко расставив ноги, и поспешно перезаряжал

небольшой арбалет. Увидев, что его заметили, человек отбросил арбалет, рванул из-за плеча короткий блестящий клинок и стремительно побежал к Коте.

- Э! Мужик! Ты чего?!

Чижиков растерялся: нападавший двигался точно молния. Котя всем существом почувствовал, что через пару мгновений страшное лезвие неотвратимо вопьется в его тело, рассекая мышцы, кости, вены… Расширившимися глазами Котя смотрел на собственную смерть, летевшую на него со скоростью гоночного автомобиля. Котя оцепенел и обреченно зажмурился.

Вдруг раздался короткий яростный вскрик, и Чижиков резво открыл глаза. Откуда-то сбоку на черного человека налетела Ника и сбила его с ног, но тот вскочил как мячик и сразу же бросился на нее, непостижимо быстро орудуя мечом. Ника не уступала ему в скорости, более того - она умудрилась нанести нападавшему внезапный удар коленом в грудь. Удар был силен: человек в черном крякнул, его отнесло на несколько шагов, а девушка взвилась в воздух и в невероятном прыжке обрушилась на него сверху, ударила в голову - локтем сверху, прямо в темя, и одновременно наподдала коленом снизу, прямо в челюсть. После чего оттолкнулась от его плеча и приземлилась в полутора метрах позади, тут же извернувшись в низкой боевой стойке. Однако продолжения битвы не последовало: нападавшим овладела воистину смертная скука - он лежал черным комком и не подавал никаких признаков жизни.

- Вы в порядке? - крикнула Чижикову и Сумкину девушка, склоняясь над телом.

- Готов, - выпрямилась она.

- Спасибо, - выдохнул Чижиков, привыкая к тому, что все еще жив. - Но это все равно тебя не оправдывает, девочка из будущего.

С кряхтением, по-стариковски Котя сел на землю рядом с раненым приятелем:

- Ну что, Федор Михайлович, как ножка?

Конечно, Котя допустил Нику до врачевания Сумкина. Чижикову еще никогда не приходилось вынимать стрелу из чужой ноги - черт, да он вообще в жизни с такими ранами не сталкивался! - и здесь хороша была любая помощь, хотя бы моральная. Впрочем, Ника оказалась более полезной, чем Котя предполагал, и ловко вытянула стрелу из раны. Сумкин держался, как мог, но все же заорал дурным матом, да так, что Шпунтик прижал уши и на всякий случай удрал в заросли бамбука.

Когда Ника закончила, Котя вздохнул с облегчением: все это время он представлял себя на месте Сумкина и напред- ставлялся до того, что аж в животе захолодело. Порывшись в дорожном

свертке, Котя отыскал в кармане джинсов относительно чистый носовой платок. Им и закрыли рану, а сверху для верности замотали куском древнекитайской тряпки, который Котя живенько отпорол от своей куртки. Вернувшийся Шпунтик помогал изо всех сил: тыкался мордой в Сумкина, в Чижикова, в Нику, успокаивающе мурлыкал, был одновременно всюду, проводя посильную кототерапию.

Федор смотрелся бледно: встрепанный, с задранной штаниной и с нелепой повязкой на ноге. Котя вырубил ему подходящую бамбучину, и Сумкин попробовал подняться на ноги, опираясь на нее и на плечо Чижикова. Получилось так себе, но подобным способом великий китаевед все же мог передвигаться, хотя и не так быстро, как раньше.

Увидев, что дело его небезнадежно, Сумкин немедленно потребовал наибережным образом упаковать «Илиаду»:

- Ты, старик, просто не представляешь всю важность моего открытия! Это же буквально переворачивает все наши представления о связях древних китайцев с внешним миром! Притом, заметь: это же перевод! Понимаешь, перевод! А ведь считалось, что переводная литература появилась в Китае только с массовым проникновением сюда индийского буддизма! Фантастика! Просто фантастика!

Тут Котя понял, что Сумкин определенно выживет.

- А нам обязательно надо лезть в гору? - спросил Котя у Ники.

Девушка упрямо кивнула.

Так и полезли: Ника по-прежнему впереди, со своей и сумкинской поклажей, затем Котя, а сзади - опирающийся на Котю Сумкин, который пристально следил, не уронил ли приятель узел с важнейшей находкой современности. Замыкающим шел Шпунтик, который твердо решил следовать в арьергарде.

Котя никогда не подозревал, что тщедушный Сумкин может быть тяжелым как комод. Сначала они шли довольно бодро. Федор периодически тихо охал, наступая на раненую ногу, и только это отвлекало его от рассуждений об «Илиаде». Потом Сумкин пообвыкся, перестал стесняться налегать на Чижикова и охать - и вот тут стало тяжелее. Котя ежесекундно ожидал стрелы в спину от приятелей убитого Никой черного воина, но потом, когда он фактически потащил великого китаеведа на себе, на стрелы стало просто наплевать. Котя думал лишь о том, как бы не оступиться и не навернуться вниз. Продвижение замедлилось. Меж тем подъем делался все круче. Потом и вовсе пошли горные тропы - от уступа к уступу, - по которым надо было не подниматься, но карабкаться.

- Брось, комиссар, не донесешь, - простонал Сумкин, когда они добрались до очередного ровного пятачка и остановились перевести дух. - Ты книгу не потерял?

Чижикову казалось, что они лезут на эту проклятую гору целую вечность, пот ручьем тек по лицу, и Котя не знал, откуда у него до сих пор берутся силы, - ведь их не осталось еще там, в лодке. «Так вот, наверное, полз Маресьев[7] через лес, от шишки к шишке…» - тупо подумал он, снова принимая Федора на плечо.

Подъем казался бесконечным.

Но вот - наконец! - они взобрались на последнюю площадку, а дальше оставался лишь короткий рывок к вершине. И здесь Ника решила, что она так дальше не может.

- Больше нету, старик, - Сумкин сплюнул фильтр, чиркнул зажигалкой, прикуривая. - Оставлю тебе половину.

- Спасибо, Федор, - поблагодарил Чижиков, утирая лицо грязной ладонью. - Кажется, мы почти пришли. Если нам опять не соврали.

- Вы мне не доверяете. Я понимаю, - подала голос сидевшая поодаль Ника. - Вы думаете, я все вру, я обманом завлекла вас сюда. И это правда: да, обманом! Да, дядя Костя, я не предупредила вас о том, что случится в самолете.

- О, так эта юная затейница из будущего - твоя родственница, старик? - саркастически посмотрел на Нику Сумкин. - И ты уже дядя?

Котя только рукой махнул.

- Да, вы попали сюда против своей воли, - продолжала Ника. - Но все остальное правда. Мы действительно спасаем мир.

- Прелестно! - Сумкин коротко хохотнул. - Особенно я.

- Вас здесь вообще быть не должно, Федор Михайлович, - тихо сказала девушка. - Извините.

- И тем не менее вот он я! - взмахнул сигаретой великий китаевед. - Жив, частично здоров и немного подстрелен. Держи, старик, - передал он жирный окурок Чижикову. - Последним делюсь.

- Дядя Костя! Федор… Михайлович! Извините меня, пожалуйста! - на глазах Ники выступили слезы. - Я многого вам про себя не рассказала, но для миссии это неважно. Поверьте мне!

Сумкин и Чижиков одновременно хохотнули.

- Ясное дело! - сказал Котя.

- А то как же! - сказал Федор.

- Господи… - Ника присела на корточки, закрыла лицо руками. Плечи ее задрожали. - Ну как мне вам объяснить.

Шпунтик подошел к Нике, внимательно осмотрел, шевеля

усами, потянулся к девушке носом.

- Ты ей веришь? - спросил Сумкин Чижикова. - Этим трагическим рыданиям? Нет? А твой кот, похоже, верит.

- Я такое уже видел, - покачал головой Чижиков. - Но если девочка из будущего для разнообразия скажет нечто оригинальное, попробую поверить и я.

- Но я вам все уже рассказала! - воскликнула Ника. Лицо ее было мокрым от слез. Длинные ресницы слиплись. - Я рассказала все, что могла! Нужно было предотвратить критическую хронофлуктуацию, вызванную нелинейным вмешательством в хронопоток, - заученно проговорила она. - Достичь этого можно было лишь одним способом: изъять из этого времени некий предмет, с помощью которого и производится такое вмешательство. Без вас, дядя Костя, изъять предмет было бы невозможно. И… вот мы здесь.

- Да что за вмешательство такое? - раздраженно спросил Сумкин. - Акции «Газпрома» резко в цене упадут или Ленин не родится?!

- Хорошо… Я скажу вам, - Ника глубоко вздохнула. - Хроновмешательство должно было привести к глобальному изменению облика Земли. Это называется терраформированием. Изменится вся привычная география, история пойдет по совершенно другому пути. Вы, возможно, вовсе не родитесь. А мир в моем времени…

Тут она запнулась.

- Ну? Ну? Что в твоем времени? - спросил Котя.

- Мир в моем времени вовсе перестанет существовать, - качая головой как заводной болванчик, выговорила Ника. - Дело в том, что я последняя. Кроме меня никого не осталось. Меня перекинул во времени автоматизированный хрономодуль, а последние крохи энергии были истрачены на то, чтобы перенести нас в третий век до нашей эры. Там, - Ника подняла глаза к небу, - никого больше нет. Вот каковы последствия того нелинейного вмешательства, которое мы предотвратили. Я лишь надеюсь, что все получилось. И еще раз прошу вас: простите меня! Я боролась за свой мир, за свою реальность.

- То есть ты хочешь сказать, - внезапно Чижикову показалось, что он начал понимать, - ты хочешь сказать, что на самом деле наш самолет все-таки упал?

- Не совсем, - мотнула головой Ника. - Просто изменилась хронопоследовательность. Может, в том две тысячи девятом году, который мы покинули, и самолетов-то никаких нет. То есть - не будет. В том две тысячи девятом году, который стал две тысячи девятым годом после нелинейного вмешательства.

- Я запутался, - признался Чижиков.

- Да все просто, старик, - сказал Сумкин. - Вот смотри: у нас есть некая точка во времени, например, день рождения Стива Джобса, который «Эппл». Стив наш спокойно рождается, взрослеет, набирается ума-разума, а потом возглавляет «Эппл» и - опа! - у всей планеты появляются телефоны типа «айфон». А теперь представим себе, что завистливый Билл Гейтс придумал такую версию «Виндоуз», которая может персонально его перенести в дни счастливого младенчества Стива Джобса, чтобы Билли мог придушить этого гения маркетинга прямо в колыбели и не дать ему испытать все прелести золотого детства. И - опа! - никаких «айфонов» нет. Даже «Эппл» нет, а есть что-то другое, например, «Гипермайкрософт» и «Мегавиндоуз». Совсем другое. Доступно излагаю?

- Вполне, - кивнул Чижиков и посмотрел на Нику. - Ты про подобное?

- В принципе - да, - подтвердила девушка. - Только гораздо, гораздо хуже. Когда горы вместо океанов. И наоборот.

- Нормально, - протянул Котя. Горы вместо океанов ему никак не улыбались. Видел он уже нечто подобное во сне, и это ему крайне не понравилось. - Ну, допустим, мы тебе верим…

- Допустим! - поднял вверх палец Сумкин.

- Теперь, когда мы изъяли нужную вещь из сокровищницы, все стало хорошо? Катастрофы не будет?

- Наверное, - смущенно улыбнулась Ника. - Вы это узнаете точно, а я… Я не смогу вернуться.

- Это отчего же?

- Никто не знает, что я здесь. Некому было сказать, некому оставить информацию. - Ника наморщила лоб. - Никого не осталось. Совсем. А если мир изменится, то в нем не будет той… той ситуации, из которой я сюда была переброшена.

- Получается, для тебя это с самого начала был билет в один конец? - задумчиво и чуть грустно произнес Сумкин.

- Да, - кивнула Ника.

- Ладно, и что же нам теперь делать? - чувствуя себя крайне неудобно, спросил Котя.

- Теперь нужно вернуться в ваше время и надежно эту вещь спрятать, - объяснила девушка. - Только мне ее не показывайте! И ни за что не рассказывайте, как она выглядит! - Ника замахала руками: - Теперь мы должны взобраться на гору и разыскать там пещеру. В пещере будет переход.

- Ясно, - Чижиков помедлил. - А… А мы тебе никак не можем помочь? Ну - вернуться?

- Никак.

- Ну…

Коте вдруг стало стыдно. Захотелось подойти к Нике и прижать ее к себе, но он стоял истукан истуканом.

- Тогда ты можешь устроиться у нас. В смысле - в нашем времени. Мы поможем. Как, Федор?

- О чем разговор!

- Спасибо вам! - Ника сказала это без улыбки, очень серьезно.

- Тогда пошли, наверное.

- У меня только один вопрос остался, - Сумкин с помощью Коти встал на ноги. - А что за бездушное чудовище вмешалось в этот, простите за выражение, хронопоток, что горы стали морями, а у вас там все повымерли? И зачем ему это надо?

Ника лишь пожала плечами и беспомощно улыбнулась.

ЭПИЗОД 20 Исход

Поднебесная, горы неподалеку от реки Вэйшуй, III век до н. э.

- Пещера должна быть где-то здесь! - топнула ногой Ника.

Горку на которую они с таким трудом вскарабкались, венчал высокий, устремленный в синее небо каменный клык, опоясанный естественного происхождения террасой метра в два шириной, неровной и извилистой. Следуя за Никой, Чижиков с Сумкиным обошли ее всю, но даже намека на пещеру не обнаружили. Котя усадил Сумкина, прислонив его спиной к подходящему валуну, а сам отправился с Никой на второй круг. Шпунтик остался с Федором - взлетел на вершину валуна и возвышался теперь над великим китаеведом как мохнатый горный орел.

Дул приятный ветерок.

Пещеры не было.

- А с чего ты взяла, что тут должна быть пещера? - спросил Чижиков, потягиваясь. С горы открывался роскошный вид на поля, леса и реку. Хотелось сесть, свесить ноги вниз и сидеть, сидеть, ни о чем не думая.

- На основании расчетов, - объяснила Ника. - На поверхности Земли есть несколько десятков таких мест. В этих местах расположены управляемые хроноаномалии искусственного происхождения.

- И зачем вам их столько, если с ними так много хлопот?

Котя таки не удержался и сел на край. И свесил ноги.

- Не с их ли помощью какой-то гадский гад пробрался сюда, в древний Китай, и повернул время в другую сторону?

- Вы не понимаете, - очень серьезно сказала Ника. - Эти хроноаномалии создали вовсе не мы. Они появились на Земле давным-давно, ученым не удалось выяснить точное время, но очень давно, задолго до нашей эры. Специалисты исследо вали природу этих аномалий и вскоре выяснили, что уровень

примененных в них технологий несоизмеримо превосходит наш, но до конца во всем разобраться так и не смогли. Однако некоторые успехи все же были. В лабораторных условиях мы смогли воссоздать частичный эффект подобной хроноаномалии, благодаря чему и стали возможны темпоральные корректоры, - девушка указала на левое запястье. - Как вы знаете, их эффект ограничен во времени пятью минутами и тремя секундами, не так-то уж и много, хотя лучше, чем ничего. Потом были созданы хрономодули - громоздкие устройства, требовавшие невероятного количества энергии, но и они оказались лишь жалким подобием здешних хроноаномалий. Мы не смогли раскрыть всех секретов этих удивительных устройств. Нам бы очень помогли их создатели, но они решительно отказались сотрудничать. К тому же найти их в нашем времени совсем не просто. И настроены они крайне недоброжелательно.

- Ты хочешь сказать, что призрак, которого ты отогнала своей пирамидкой… - начал было Чижиков, чувствуя, как холодеет затылок, - что этот вот прозрачный человек и есть один из тех, кто…

- Погодите минутку! - перебила его Ника, встревоженно указывая вниз. - Посмотрите!

Котя посмотрел: из бамбуковой рощи появились маленькие темные человеческие фигурки. Их число множилось, человечки выстроились в двойную цепь и направились к подножию горы - той самой, на вершину которой в поисках пещеры забрались Чижиков, Сумкин и Ника со Шпунтиком.

- Гао… - Котя вскочил, огляделся: надо бежать! Но куда? Разве что спуститься по противоположному склону? Но с раненым Сумкиным нечего было и думать улизнуть от гвардейцев. - Нашел-таки нас. И что теперь?

- Не знаю, - понуро пожала плечами Ника. - Я не знаю, как быть. Пещеры нет, а я… Это я во всем виновата, - девушка твердо взглянула на Котю. - Значит, я пойду и помешаю им сюда подняться. Во что бы то ни стало.

Внезапно Чижиков испытал прилив острой жалости к Нике: пусть она отличный боец, но выглядит хрупкой и нежной. Молодая совсем, ничего в жизни не видела.

- Знаешь… - начал было Котя.

И тут его прервали вопли Сумкина:

- Старик! Эй, старик!

Котя вскочил, чуть не сорвавшись вниз, бросился назад, к валуну, у которого оставил приятеля. За ним следом неслась Ника.

Сумкин сидел там, где его оставили. Но теперь - помимо

Шпунтика, похожего уже не на горного орла, но на изготовившегося к прыжку мелкого тигра - рядом с Федором находился еще один персонаж. Он преспокойно висел неподалеку, а сквозь него ясно просматривалась уходившая к небу отвесная скала.

Прозрачный.

Ника выхватила красную пирамидку, но Котя перехватил ее руку.

- Не смей, - тихо сказал Чижиков, не сводя глаз с призрачного силуэта.

Шпунтик шипел и безостановочно охаживал себя хвостом по бокам. Кот готов был атаковать в любую секунду.

- Но они же… они же…

Девушка попыталась выдернуть руку, но Котя держал крепко. Впрочем, Чижиков теперь знал: если Ника по-настоящему захочет освободиться, то он ее вряд ли остановит.

- Я сказал: не смей! Ты просила, чтобы поверили тебе. Сейчас о том же прошу тебя я.

Ника неохотно опустила руку.

- Убери. И больше не пытайся. Федор, слышишь меня?

- Э-э-э… пока да, слышу, - ответил сильно бледный Сумкин.

- Федор. Погладь кота! - потребовал Котя. - Погладь, Федор Михайлович. Дотянешься?

- Д-д-дотянусь… А он меня не растерзает?

Прозрачный человек продолжал спокойно висеть у скалы, словно вокруг ничего особенного не происходило. Как будто ждал.

- Ай! Твой гадкий кот меня укусил! - воскликнул Сумкин.

Он умудрился одной рукой стащить увесистого Шпунтика с камня и теперь прижимал разъяренного благовещего зверя к груди. Это было трудно, но Федор пока справлялся. Конечно, если бы Шпунтик не был так занят прозрачным, он бы показал великому китаеведу, как хватать котов руками и где конкретно зимой проживают гипотетические раки, но Шпунтик нес боевой дозор и Сумкина в упор не видел.

- Успокоились все! - негромко скомандовал Котя. - Федор, гладь кота. Гладь, я сказал! Ника, не суйся. Тихо.

И Чижиков шагнул к прозрачному.

Смутно различимое в ярком свете тонкое лицо обратилось к нему, невидимые глаза чуть блеснули.

- Ты просил не допустить, - чувствуя, как мгновенно пересохло горло, сказал прозрачному Чижиков. - Я сделал… я сделал все, чтобы не допустить. Я забрал ту вещь.

Ему показалось или прозрачный человек и в самом деле едва

заметно кивнул?

- Что теперь? - спросил Котя. - Как нам уйти отсюда?..

- Следуйте за мной, - прошелестел в его голове бесплотный голос.

Сумкин вздрогнул.

- Ты это слышал, старик?

- Что - это? - из-за плеча спросила Ника.

Чижиков не ответил - в гладкой поверхности скалы возник черный проем, подобный двери, и прозрачный человек канул в его темноте.

- Вот черт, - пробормотал Сумкин. - Вот черт.

Котя подошел к нему, забрал Шпунтика - тот еще не успокоился, сердце боевого кота билось часто-часто, он протяжно и низко урчал, отдал его Нике и помог приятелю подняться.

- Мы искали пещеру, - сказал Чижиков, посмотрев на своих спутников. - Но пещера нашла нас сама. Пойдемте же.

Котя и опирающийся на него Федор шагнули в темноту первыми, следом вошла Ника со Шпунтиком на руках. Проем за ними закрылся. Пал абсолютный мрак.

- А что теперь? - тихо спросил Сумкин.

Шпунтик жалобно мяукнул и тут же заткнулся - видно, кот и сам обалдел от такого не свойственного ему проявления эмоций.

- Не знаю, - ответил Чижиков.

И тут же все почувствовали, как неведомая - мягкая, но властная - сила приняла их в свои объятия и плавно повлекла вниз.

Спуск продолжался недолго, но у Коти возникло твердое убеждение, что, когда под ногами наконец возникла твердая поверхность, они уже были весьма глубоко под землей.

Здесь царил все тот же непроглядный мрак - за единым исключением: прямо перед Чижиковым, Сумкиным, Никой и Шпунтиком еле заметно светился колеблющийся круг метра в три, а то и четыре в диаметре. Круг подрагивал и словно бы дышал, как если бы сияющая темнота, что пульсировала в нем, была живою. Перед этим поразительным феноменом висела еле различимая фигура прозрачного.

- Пройдите внутрь, - снова прошелестел в голове Коти его голос. - Пройдите насквозь и вернетесь домой.

- Пройти куда? - брякнул Чижиков и прикусил язык.

- Туда.

Прозрачный мягко скользнул в сторону от круга и слился с мраком подземелья.

- А можно еще спросить? - неожиданно подал голос Сумкин, завертев головой в поисках собеседника. - Вы… прости те, не

знаю, как к вам обращаться, нажмете, наверное, на какие-нибудь кнопочки, чтобы мы прошли?

- Да, я открою путь, - был ответ. - Проход пропускает толь ко людей, но кот тоже сможет пройти, - предупредил прозрачный вопрос Чижикова, - только держите его на руках. А ей помогу пройти я.

- Кому? - удивился Котя. - Тут нас всего трое. И кот.

- Ей, - прозрачная рука указала на Нику.

- Но вы же сказали, что людей портал пропускает, верно?

- Верно. Но она - не человек.

ЭПИЗОД 21 Плохие новости-2

Где-то на Земле, десять тысяч лет назад

- Работы по вычислению генетического кода продвигаются слишком медленно, - печально сказал Первый-из-желтых. Второй понимающе кивнул. - Драгоценное время уходит. Мы сидим тут на пороховой бочке. Есть что-нибудь от рабочей группы трансмиттера?

- Трансмиттер полностью собран. Завтра мы сможем попробовать начать передачу. Придется задействовать всю мощность главного энергетического блока.

- Это понятно, - Первый-из-желтых вздохнул. - Атаки красных ужесточаются. Мы с трудом удерживаем лагерь поисковой группы у объекта «Башня» и если в ближайшее время…

- К сожалению, я должен сообщить еще одну плохую новость, - извиняющимся тоном сказал Второй-из-желтых.

- Валяй, - махнул рукой Первый. - Одной плохой новостью больше, одной меньше - это уже ничего не меняет. Практически.

- «Зеркало» не работает.

- Великие предки, - Первый бессильно откинулся на спинку кресла. - Но ведь все было в порядке! Пять малых устройств - в наличии. Что пошло не так?

- Пятое устройство поддельное.

- То есть?

- То есть внешне оно в точности такое же, как и четыре прочих, но из другого материала. И не работает.

- Но как же так? - Первый-из-желтых вскочил и нервно заходил вдоль стола. - Вы проверили все обстоятельства обнаружения?

- Да, - подтвердил Второй. - Ничто не указывало на возможность подобного результата. То обстоятельство, что перед нами подделка, выявила попытка совмещения всех малых устройств с «Зеркалом».

- Да что же это такое! - Первый-среди-желтых хлопнул ладонью по столу. - Будь проклят тот метеоритный дождь, из-за

которого мы здесь оказались! Сначала эта авария, потом красные, чужая база на спутнике, неведомо чей хронопереход, а теперь - мегаподделка! Мне все больше кажется, что мы просмотрели на этой планете нечто очень важное, и здесь, помимо нас и красных, есть кто-то еще. И этот кто-то ведет свою непонятную игру. Сам посуди: кому нужно, чтобы было подделано одно из малых устройств? Необходимо обладать внятной информацией о тех возможностях, которыми устройство обладает, это раз. Надобно владеть технологией соответствующего уровня, чтобы подделка удалась на славу, это два. И, наконец, обязательно нужно преследовать при этом некую цель, это три, и третье - самое важное!

- Может, ее делали не для нас? - предположил Второй.

Первый-из-желтых некоторое время обдумывал его слова.

- Нельзя исключать такой возможности, - поразмыслив, согласился он. - Но тогда ситуация еще хуже. Значит, на планете со всей определенностью присутствует третья, достаточно высокоразвитая сила, ни малейших признаков которой мы до сих пор не обнаружили. И это заводит нас в полный тупик, из которого…

Первого прервал вызов интеркома.

- Да! Говорите!

- Только что зафиксирован еще один хронопереход, - доложил невидимый исследователь. - Направление обратное, протяженность - десять тысяч лет, плюс-минус полвека.

- Да что тут происходит в конце концов?! - удивленно посмотрел Первый-из-желтых на Второго.

Тот лишь пожал плечами.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ..

Примечания

1

Речь идет о фильме «Собачье сердце», снятом режиссером Владимиром Бортко по одноименной повести Михаила Булгакова

2

Землянин капитан Кирк и уроженец планеты Вулкан негуманоид коммандер Спок - легендарные персонажи знаменитой космической саги-сериала Джина Родденберри (Eugene Wesley Roddenberry, 1921-1991) «StarTrek» («Звездный путь»), фигурирующие в основном в так называемых «оригинальных сериях», снимавшихся с 1966 по 1969 гг. Кэс - представительница быстроживущей расы окампа, появляющаяся в одном из продолжений «Звездного пути», а именно в сериале «Вояджер» («Voyager»), выходившем с 1995 по 2001 гг.

3

Поскольку Федор Сумкин уже любезно разъяснил, что мы не знаем точно, каков в действительности был фонетический строй древнекитайского языка, здесь и далее для передачи звучания китайских слов мы пользуемся общепринятой транскрипцией современного китайского. Особо же любопытных читателей мы адресуем к книге: Старостин С.А. Реконструкция древнекитайской фонологичоской системы. М., 1989

4

Известный китайский режиссер, поставивший такие фильмы, как «Герой» и «Дом летающих кинжалов»

5

Архаический, трудно читаемый стиль написания иероглифов. Знаки, написанные этим стилем, действительно внешне напоминают головастиков. Согласно преданию, при династии Хань (206 до н. э. - 220 н. э.) в одной из стен старого дома Конфуция была обнаружена целая библиотека книг, выполненных головастиковым письмом

6

Мэн-цзы (Мэн Кэ 372-289 до н. э.) - мыслитель, политик, педагог, второй после Конфуция идеолог раннего конфуцианства, автор трактата «Мэн-цзы», собранного учениками из высказываний наставника. Много странствовал из одного древнекитайского княжества в другое, но понимания у правителей не нашел, потому вернулся на родину и до конца жизни преподавал

7

Маресьев Алексей Петрович (1916-2001) - легендарный летчик времен Великой Отечественной войны, герой Советского Союза, известный, в частности, тем, что, будучи сбит над вражеской территорией, получив тяжелое ранение и лишившись возможности ходить, восемнадцать дней пробирался ползком к линии фронта, которую благополучно и пересек. После ампутации голеней обеих ног успешно освоил протезы и вернулся в строй, то есть возобновил боевые вылеты на истребителе.

Прототип повести Б. Полевого «Повесть о настоящем человеке»

This file was created

with BookDesigner program

bookdesigner@the-ebook.org

25.01.2011